

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 23. № 1
Volume 23. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2024

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2024
Том 23. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2024
Volume 23. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

2024. Vol. 23. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof., Chief Res. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, Yu.I. Nedelkina*
Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Febr. 13, 2024.

Date of publication: Apr. 9, 2024.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 7.7. Published pages 8.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order 13. «C» 4.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2024. Т. 23. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: Google Scholar (США), Journalindex.net (США), MIAR (Испания), OCLC WorldCat® (США), ProQuest (США), ULRICHSWEB™ Global Serials Directory (США), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. С.Б. Токарева – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. Е.Н. Васильева – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. Д.Р. Яворский – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. И.В. Василенко (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. М.Б. Полтавская (г. Волгоград)
канд. филос. наук Т.С. Горина – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. Аксади Юдит (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. Л.В. Баева (г. Астрахань);
д-р экон. наук., проф. Н.В. Горшкова (г. Волгоград);
д-р экон. наук., доц. Е.Г. Гущина (г. Волгоград);
д-р социол. наук, проф. Н.В. Дулина (г. Волгоград);
д-р филос. наук, проф. О.Э. Душин (г. Санкт-Петербург);
д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. С.С. Неретина (г. Москва);
д-р социол. наук, доц. О.В. Сергеева (г. Санкт-Петербург);
д-р филос. наук, проф. А.Л. Стризов (г. Волгоград);
д-р филос. наук, проф. В.Б. Устьянцев (г. Саратов)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова,
Ю.И. Неделькина

Редакторы английских текстов: Е.А. Елтанская,
Д.А. Новак

Верстка и техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 13.02.2024 г.
Дата выхода в свет: 09.04.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 8,3.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).
Заказ 13. «С» 4.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Матвейчев О.А.</i> Код Достоевского. Герменевтика телесности Акима Волынского	5
<i>Жилина В.А.</i> Нигилистическое опустошение современного человека	14
<i>Фурса И.А.</i> Основной вопрос философии образования	20

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Мкоян Г.С., Головчин М.А.</i> Эвристический потенциал концепций Г. Хофстеде и А.А. Аузана для исследования бинарности культуры в Армении и России [<i>На англ. яз.</i>]	29
<i>Зимовина Е.П.</i> Самоидентификация и ценностные установки в молодежной среде (на примере Калининградской области)	42
<i>Зуева О.В.</i> Общественное доверие как управленческий ресурс в системе органов внутренних дел	52
<i>Фомина О.Е., Гуляев С.Б.</i> Проблемы и перспективы социальной адаптации инвалидов в малых городах России: по результатам авторского исследования	62

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Грудцева Е.В.</i> Стратегии освоения страдания в культуре	75
---	----

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Matveychev O.A.</i> The Dostoevsky Code. Hermeneutics of Corporeality by Akim Volynsky	5
<i>Zhilina V.A.</i> The Nihilistic Devastation of Modern Man	14
<i>Fursa I.A.</i> The Main Question of the Philosophy of Education	20

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

<i>Mkoyan G.S., Golovchin M.A.</i> Heuristic Potential of Concepts by G. Hofstede and A.A. Auzan for Studying Binarity of Culture in Armenia and Russia	29
<i>Zimovina E.P.</i> Self-Identification and Value Attitudes Among Youth (Kaliningrad Region Case)	42
<i>Zuyeva O.V.</i> Public Trust as a Management Resource in the System of Internal Affairs Bodies	52
<i>Fomina O.E., Gulyaev S.B.</i> Problems and Prospects for Social Adaptation of People with Disabilities in Small Towns of Russia: According to the Results of the Author's Research	62

ACADEMIC DISCUSSIONS

<i>Grudtseva E.V.</i> Strategies for Mastering Suffering in Culture	75
--	----

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.1>

UDC 101.9
LBC 87.52

Submitted: 28.10.2023
Accepted: 08.02.2024

**THE DOSTOEVSKY CODE. HERMENEUTICS OF CORPOREALITY
BY AKIM VOLYNSKY**

Oleg A. Matveychev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the history of the origin and conceptual features developed by the famous philosopher, literary critic and art critic of the late XIX – early XX century. Akim Lvovich Volynsky, an innovative method of interpreting works of art for his time, based on the hermeneutics of physicality – deciphering the language of plastics, poses, movements, etc. First used to analyze the symbolic language of Leonardo da Vinci, manifested in his plastic images, this method was actively used by Volynsky to interpret the images of Dostoevsky's characters and identify the hidden intentions of the author. And studying in detail the portraits of heroes painted by the great writer, Volynsky considers them as a symbolic cipher, the key to their characters, spiritual life and signs of future vicissitudes in their destinies; he suggests delving into all the smallest details of the plastic image of the heroes, comparing individual, disparate strokes to reveal the hidden intentions of the author. The article analyzes the concept of the unconscious, an alternative to the Freudian one, related to the hermeneutics of Volynsky's corporeality. If psychoanalysis studies primitive instincts, repressed into the unconscious by external symptoms, then Volynsky, deciphering the anatomical features, gestures, postures, habits, and elements of clothing of Dostoevsky's characters, diagnoses the diseases of higher consciousness (mind, spirit) prevailing in them. The innovative nature of Volynsky's method is shown, which allows to penetrate into the artistic fabric of Dostoevsky's novels, to describe, on the one hand, the psychological characteristics and personal traits of his characters, and on the other – their beliefs, values and life aspirations. The origins of the Volynsky method are analyzed. A hypothesis is put forward about the genetic connection of Volynsky's concept with Spinoza's philosophy, linking the phenomenon of thinking with the real activity of the thinking body. The author believes that Spinoza's proposed solution to the problem of dualism of material and spiritual substances played an important role in the formation of the hermeneutics of Volynsky's corporeality. According to Spinoza, extension and thinking are modes of the same substance, and there is a one-to-one correspondence between them. Applying this approach to the concept of art criticism, Volynsky considered matter, physicality as the key to spirit, and spirit as the key to matter. Volynsky's hermeneutics of corporeality was developed in his philosophy of dance.

Key words: history of philosophy, Russian philosophy, Silver Age of Russian culture, corporeality, hermeneutics, Akim Volynsky, Dostoevsky.

Citation. Matveychev O.A. The Dostoevsky Code. Hermeneutics of Corporeality by Akim Volynsky. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 5-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.1>

**КОД ДОСТОЕВСКОГО. ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕЛЕСНОСТИ
АКИМА ВОЛЫНСКОГО****Олег Анатольевич Матвейчев**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется история происхождения и концептуальные особенности разработанного известным философом, литературным критиком и искусствоведем конца XIX – начала XX в. Акимом Львовичем Волынским новаторского для своего времени метода интерпретации художественных произведений, основанного на герменевтике телесности – дешифровки языка пластики, поз, движений и т. д. Впервые примененный для анализа символического языка Леонардо да Винчи, явленного в его пластических образах, этот метод активно использовался Волынским для толкования образов персонажей Достоевского и выявления скрытых интенций автора. Тщательно изучая подробнейшим образом выписанные великим писателем портреты его героев, Волынский рассматривает их как символический шифр, ключ к их характерам, духовной жизни и знаки будущих перипетий в их судьбах; он предлагает вникать во все мельчайшие детали пластического изображения героев, сопоставлять между собой отдельные, разрозненные штрихи, чтобы выявить скрытые интенции автора. Анализируется связанная с герменевтикой телесности Волынского концепция бессознательного, альтернативная фрейдистской. Если психоанализ изучает по внешним симптомам вытесненные в бессознательное влечения примитивного характера, то Волынский, дешифруя анатомические особенности, жесты, позы, повадки, элементы одежды персонажей Достоевского, диагностирует господствующие над ними болезни высшего сознания (интеллекта, духа). Показан новаторский характер метода Волынского, позволяющий проникнуть в художественную ткань романов Достоевского, описать, с одной стороны, психологические особенности и личностные черты его героев, а с другой – их убеждения, ценности и жизненные стремления. Анализ истоков метода Волынского позволил выдвинуть гипотезу о генетической связи его концепции с философией Спинозы, соединяющей феномен мышления с реальной деятельностью мыслящего тела. Автор полагает, что предложенное Спинозой решение проблемы дуализма материальной и духовной субстанций сыграло важную роль в становлении герменевтики телесности Волынского. Согласно Спинозе, протяжение и мышление являются модусами одной субстанции и между ними существует взаимнооднозначное соответствие. Применяя этот подход к концепции художественной критики, Волынский рассматривал материю, телесность как ключ к духу, а дух – как ключ к материи. Свое развитие герменевтика телесности Волынского получила в его философии танца.

Ключевые слова: история философии, русская философия, Серебряный век, телесность, герменевтика, Аким Волынский, Достоевский.

Цитирование. Матвейчев О. А. Код Достоевского. Герменевтика телесности Акима Волынского // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.1>

В 1896 г. известный на всю столицу литературный критик, редактор журнала «Северный вестник» А.Л. Волынский совершает первую в своей жизни заграничную поездку. В компании четы Мережковских он отправляется в европейскую экспедицию по маршрутам Леонардо да Винчи. Инициатором вояжа был Д.С. Мережковский, готовящий материал для романа об итальянском гении – второго из трилогии «Христос и Антихрист». Волынский ехал в статусе друга семьи – с Мережковским он познакомился еще в годы студенчества, в 1887 или 1888 г., а после женитьбы Дмитрия Сергеевича (1888) стал в его доме частым гостем и даже завел роман с его только что обретенной

женой З.Н. Гиппиус, о чем с большим удовольствием судачил весь литературный Петербург. Кажется, об этой порочной связи не знал лишь один Мережковский, являвший собой, если уж называть вещи своими именами, «классический образец водевильного мужа-рогоносца» [Зобнин 2008, 140].

По плану Мережковского, вояжеры должны были посетить Флоренцию и Милан, а далее – воспроизвести путь Леонардо, сопровождавшего Франциска I – от Фаэнцы через Римини, Равенну, Мантую и т. д. до замка Амбуаз, места смерти художника. В отличие от своего однокашника, страстно увлеченного сбором материала для книги, Волынский всю поездку

чувствовал себя как на гвоздях, тяготясь своим двусмысленным положением и желая, чтобы его возлюбленная, наконец, объяснилась с мужем. Итальянские древности его особо не трогали, в том числе и потому, что искусствоведение в то время пока не входило в круг его интересов и, по едкому замечанию Гиппиус, он даже еще не умел «отличать статую от картины» [Гиппиус 2012, 527–528]).

В середине путешествия Волынский не выдержал и устроил Мережковским сцену, после чего уехал в Петербург. Роман с Гиппиус пережил еще несколько рецидивов (поэтесса даже уходила от мужа к Волынскому в его меблированные комнаты в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской; в ней, к слову, находилась и редакция «Северного вестника») и бесславно закончился. Волынский отомстил другу-сопернику, уволив его из «Северного вестника» и отказавшись печатать его роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Вместо этого он опубликовал в своем журнале спешно подготовленную серию собственных статей об итальянском гении, а в 1900 г. выпустил их отдельным изданием.

Книгу эту Волынский писал летом 1897 г. в Баварских Альпах – в гостях у Лу Андреас-Саломе, ближайшей подруги и свидетеля жизни Ф. Ницше. В это же время в ее доме проживал и молодой поэт Р.М. Рильке, без памяти в нее влюбленный. Именно он стал прототипом опекаемого Старым Энтузиастом Юноши в исследовании Волынского о Леонардо (сама книга представляет собой в основном цикл художественных диалогов о прекрасном между лирическим героем автора и его случайным знакомым, эксцентричным эрудитом, знатоком истории и искусства – собственно, Старым Энтузиастом).

Тяжелый характер Волынского, а возможно, и ревность к Рильке, не позволил ему продлить завязавшиеся было отношения с немецкой писательницей. Видимо, в отместку он обрисовал ее в книге о да Винчи как некую молодую обворожительную особу, в которую угрозило влюбиться Юноше – любовью, «которая более похожа на ядовитую болезнь»: тот «ошибочно принял явное душевное разложение, без внутренней красоты, без святости, без мягкой и человеческой правды, которая одна не банальна, за смелую новую свободу» [Волын-

ский 1909, 213]. В этой коварной женщине, по повадкам явно ницшеанке «с болезненными ощущениями современной эпохи», Старый Энтузиаст узнал демонические черты леонардовой Джоконды [Волынский 1909, 214].

В книге о Леонардо да Винчи Волынский апробировал свой новый метод интерпретации художественных произведений путем дешифровки языка пластики, поз, мимики, который станет его визитной карточкой и впоследствии будет развит в философию танца. Этот метод Волынский использует для выявления скрытых интенций художника.

Давно подмечено, например, что прославленная «Джоконда» Леонардо – совсем не то, чем кажется. Чтобы разгадать загадку Моны Лизы, Волынский «сканирует» ее портрет буквально миллиметр за миллиметром, не упуская ни одной, даже самой, казалось бы, незначительной детали: ни тончайших лиловатых жилок на веках, ни пульсирующих вен на шее, ни отсутствия бровей над глазами.

Ее склонность прикрывать уши волосами, необычные очертания ноздрей с тонкими нервными крыльями, особая форма пальцев («они кажутся не природно-аристократическими, а выхолонными») говорят о преимущественном развитии у нее обоняния и осязания – чувств неблагородных, примитивных, о склонности к эгоистическим тактильным удовольствиям и неспособности к состраданию («чтобы сострадать, нужно отчетливо видеть и чутко слышать»). «Все лицо, в общем, при его интеллигентности, изысканных ощущениях в области обоняния и признаках болезненного разложения, отдает бессилием темперамента и нравственным безволием» [Волынский 1909, 138].

Сама знаменитая улыбка Моны Лизы, несколько сотен лет будоражащая фантазию зрителей, интерпретируется критиком как знак ее душевного бессилия, нравственной глухоты, внутренней смуты. В ней нет ни веселости, ни жизнерадостности. «Это неподвижная гримаса, неприятная, раздражающая, придающая всему лицу Джоконды, при его общей некрасивости, оттенок какого-то особенного уродства, невиданного в искусстве ни до, ни после Леонардо да Винчи. Улыбка Джоконды кажется загадочной только потому, что она не может быть объяснена ни одним из понятных нам божественно-человечных чувств»

[Волынский 1909, 144]. Известно, что улыбаться натурщицу Леонардо заставлял с помощью специально нанятых шутов и музыкантов – обыкновенное ее выражение лица его не устраивало. Но в таком случае это уже не портрет – это эксперимент над человеческой душой, а вернее сказать, насилие над натурой (Волынский неспроста называет да Винчи предшественником Фрэнсиса Бэкона), зашифрованное послание к тем, кто окажется способным разгадать секретный код Леонардо.

Анализ символического языка Леонардо, явленного в его пластических образах, приводит Волынского к выводу о темной, языческой природе «кудеснического» искусства да Винчи, не вдохновленного божественным началом, а значит, ложного и безблагодатного. В лице величайшего художника итальянского Чинквеченто Волынский критикует современное ему декадентство с его культом Ренессанса и его вождя-вдохновителя Ницше, распространяющего и после смерти «ядовитое веяние, холодное веяние, от которого чахнут побеги молодой жизни. Это то же веяние, которое владело могучею душою Леонардо да Винчи. Оно создало теперь тысячи маленьких, болезненных, чахоточных Джоконд, которыми гипнотизируются неокрепшие птенцы» [Волынский 1909, 152].

В последнем пассаже опять-таки очевидны намеки на отношения Саломе и Рильке, никак не дающие Волынскому покоя. Критик, казалось, вел с ней бесконечный внутренний диалог, который вскоре стал находить воплощение на страницах его журнала.

Так, первая его работа о Ф.М. Достоевском – «В купе» («Северный вестник», 1897, № 9) стала, по сути, продолжением долгих летних бесед Волынского с Саломе о русской литературе. Очерк был выстроен в уже испытанном литературным критиком жанре диалога, который на этот раз идет между двумя путешественниками – немцем, обвиняющим Достоевского в рахитизме духа и пиетете перед традиционной моралью и «устаревшими преданиями» («он гениально раскрыл картину освобождающейся личности, признав за нею право на преступление, но дальше он не пошел» [Волынский 2007, 79]), и молодым русским, требовавшим понимать Достоевского из того факта, что в душе писателя «боролись все противоречия: Бог и мир» [Волын-

ский 2007, 82]. В нигилисте-немце угадывалась нищешанка Лу Андреас-Саломе.

Рассуждения о Раскольникове получили продолжение в опубликованном в следующем номере «Северного вестника» (1897, № 10) эссе под названием «У Палкина». Действие разворачивается в одноименном ресторане; рассказчик оказывается невольным свидетелем обсуждения очерка «В купе» двумя посетителями – молодым и средних лет. Последний (его зовут Василий Михайлович), опровергая тезисы своего визави, как пить дать нищешанца, делится важным наблюдением: Раскольников покаяться в преступлении, *сам не зная для чего*. «Он покаяться невольно, бессознательно, по наитию внутренних импульсов. ...Это настоящее, важное покаяние: сознание могло бы опять измениться, ухватиться за какую-нибудь новую ошибочную идею, но бессознательная душа его, оставаясь все время неизменною, не могла иначе излечить Раскольникова. Она знала, для чего и почему ему нужно было принять на себя страдание. Она толкала его, против его сознательной воли, к освобождению и возрождению» [Волынский 2007, 86].

Концепция бессознательного, родившаяся у Волынского в полемике с нищешанцами, никак не была связана с фрейдистской: Лу Саломе сойдется с З. Фрейдом лишь в 1911 г., и о его первых разработках этой темы, пришедших как раз на середину 1890-х гг., рассказать своему петербургскому приятелю в ту пору она еще не могла. Содержательно же концепции Волынского и Фрейда различались диаметрально. По верному замечанию израильского филолога Е.Д. Толстой, «если у Фрейда бессознательное станет средоточием дочеловеческих и доморальных психических сил, то у Волынского именно бессознательное ориентировано по оси добра и зла и тем самым связывает человека с Богом. Иначе говоря, он в бессознательное поместил не черта, как это будет у Фрейда, – а Бога, как потом сделает Юнг» [Толстая 2013, 270–271].

Устами своего героя Василия Михайловича Волынский показывает, как борьба бессознательной души Раскольникова и его сознания воплощается на уровне его тела. «Раскольников вынимает топор, взмахивает им обеими руками и почти машинально, без усилия опускает его на голову старухе обухом. Помните, Достоевский говорит: “Силы его тут как бы не

было”. Это чрезвычайно важно. Раскольников убивает эту несчастную регистраторшу, опираясь только на свое сознание, во имя сознательной мысли. Весь его дух в этом не участвует, и вот почему в действиях его нет ни силы, ни уверенности. Он ударяет старуху машинально, именно так, как это бывает в гипнозе, когда внимание сосредоточено на одном предмете, а душа бездействует. “Но как только он раз опустил топор, – говорит Достоевский, – тут и родилась в нем сила”. Совершенно понятно, удивительная точность в изображении именно такого, идейного убийства, при бездействии бессознательных инстинктов и препятствиях нежного, чуткого сердца. За первым ударом в теле его развивается грубая сила, ряд рефлексов, которые заставляют его докончить начатое дело. Духа в этой работе нет, и она совершается по механическим законам. Инстинкты не помогают Раскольникову, потому что этих, разрушительных, инстинктов нет в его натуре. Дальнейшие его действия становятся бестолковыми, беспорядочными. Им овладевает рассеянность и задумчивость. ...В действиях Раскольникова можно заметить постоянную борьбу бессильного сознания с всеильной бессознательной душой. Эта душа и не позволяет ему сделаться Наполеоном, не позволяет ему *озлиться* до конца, как он сам великолепно выражается, делает ничтожными все его демонические мечты и его презрение к человеческому обществу» [Волинский 2007, 88].

На телесном уровне проявляется разлад между уровнями психики и у других героев Достоевского. Волинский «регистрирует такие странности поведения, как гипнотические или даже каталептические состояния, случайные движения и слова, неконтактность, телесную и сексуальную слабость, и в зависимости от соответствующих симптомов ставит диагноз “болезни”: это бессознательная сфера выходит из подчинения разуму. Если Фрейд обнаруживает по внешним симптомам загнившие в бессознательном реликты вовремя не изжитых примитивных стадий, то Волинский по таким симптомам диагностирует болезни высшего сознания (интеллекта, духа), которому не подчиняется тело героя, его инстинкты, его нервная система – его душа» [Толстая 2013, 272–273].

Так томится перед отъездом в Чермашню, не находя себе места, Иван Карамазов:

невпопад смеется, двигается «точно судорогой» и вообще ведет себя, как лунатик. А просто ему, объясняет Волинский, не на что опереться внутри себя, он не владеет собой, его сознание болезненно бодрствует, растревоженное гнусными намеками Смердякова и собственными навязчивыми мыслями, а душа – бездействует.

Так впадает в оцепенение Николай Ставрогин во время восьмидневного затворничества, едва реагируя на визиты Верховенского и матушки Варвары Петровны. «При поверхностном чтении этой страницы кажется, что Ставрогин просто спит, но, присмотревшись к художественным намекам Достоевского, начинаешь понимать, что это какое-то особенное состояние. Он не спит, а думает – думает всем напряжением ума: вся кровь, вся жизнь сосредоточилась в мозгу его. Тело его как бы находится в летаргии. Это не тихий, отдохновительный сон, а истощающее мышление, столь характерное и знаменательное для Ставрогина вообще и особенно в данном периоде его личной эволюции. Он находится в моменте той умственной сосредоточенности, которая как бы отрывает человека от жизни: нервы ничего не воспринимают, органы соприкосновения с миром как бы закрыты, все насыпает в человеке, кроме его ума, кроме схематической беспредметной мысли. Таковы вообще свойства всякой чисто умственной деятельности, в отличие от работы человеческого духа, которая, овладевая всем существом человека, как бы заставляет биться все его нервы, делает их особенно чуткими ко всему окружающему, ко всему на свете» [Волинский 2007, 331].

По утверждению Е.Д. Толстой, Волинский «первым в русской литературе... увязал психику с телесностью, используя язык плоти как код для раскрытия душевных особенностей персонажа» [Толстая 2013, 623–624]. Критик тщательно изучает подробнейшим образом выписанные Достоевским портреты князя Мышкина, Парфёна Рогожина, Настасьи Филиповны, Ставрогина, всех, сколько их ни есть, Карамазовых, Грушеньки Светловой, их анатомические особенности, жесты, позы, повадки, элементы одежды. Он рассматривает их как символический шифр, ключ к их характерам, духовной жизни и знаки будущих перипетий.

тий в их судьбах, предлагает вникать во все мельчайшие детали пластического изображения героев, сопоставлять между собою отдельные, разрозненные штрихи, чтобы «уловить ту мысль, которая оживляла творческую работу Достоевского» при создании образов его персонажей [Волынский 2007, 328–329].

Вот, например, портрет Рогожина – в нем важна каждая деталь. Черные волосы (в противоположность белокурым волосам Мышкина) говорят о его яркой индивидуальности, «замкнутой для широкой мировой жизни». «Серые, маленькие, но огненные глаза» выражают суровое одиночество души: «подобно небольшим и редким окнам его дома, они как бы пропускают мало световых и красочных впечатлений». Высокий и хорошо сформированный лоб, скрашивающий «неблагоприятно развитую нижнюю часть лица» указывает на «мощный природный ум, непреодолимый, упорный и ясный в применении к обычным обстоятельствам жизни, сектантски суровый в вопросах внутреннего убеждения». Все эти детали портрета позволяют сразу почувствовать в Рогожине «личность, высоко стоящую над толпой» [Волынский 2007, 140].

А вот как точными, уверенными мазками Достоевский пишет портрет Грушеньки, наказанья семьи Карамазовых, «самого фантастического из фантастических созданий», обращая внимание читателя на «мягкие, неслышные даже движения тела, как бы тоже изнеженные, до какой-то особенной, слащавой выделки, как и голос ее», на ее неслышную крадущуюся походку, несколько выдающуюся вперед нижнюю челюсть, на ее губы – тонкую, злую верхнюю и – плотоядную, капризную, несколько припухлую нижнюю, на так волнующий Митю Карамазова особый изгиб тела, который «и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинце на левой ножке отозвался». «Материал, необходимый для живописного изображения Грушеньки – весь налицо, – пишет Волынский, – и притом – с волнующею яркостью, как это бывает только у Достоевского. В этом истинном волшебстве идеалистического искусства материя начинает говорить живым языком души, становится какою-то особенною речью понятных для человека идей, нарушает свое молчание, вырывается из своей немоты. Линии и краски ста-

новятся как бы словами. Вот почему внешний облик Грушеньки как-то гипнотически привлекает к себе внимание: через этот облик говорит сфинкс, двойственность человеческой природы, единой только в своих метафизических глубинах. Разгадывая Грушеньку в ее тихой хищной красоте, мы открываем ее внутреннее демонское неистовство, ее сатанинскую злобу, которая дает ей крылья и для самообороны, и для страстных фантастических капризов. Мы проникаем в таинство борений добра и зла, Бога и красоты и начинаем созерцать загадочное соприкосновение земли и неба» [Волынский 2007, 156–157].

Метод Волынского оказался новаторским для своего времени, Достоевского до него так не изучали. Мы не берем в расчет утилитаристскую литературную критику 1860–80-х гг., но даже В.С. Соловьев подходил к творчеству Достоевского с прагматистских позиций: своей задачей он видел «осмысление отчужденной от художественного мира идеологии творчества Достоевского, абстрагируясь от конкретики произведений писателя». Напротив, Волынский «пристально вглядывался именно в художественную ткань его романов, выделяя и оценивая психологию и судьбы отдельной личности, героев с их идейными брожениями, поисками и обретениями. ...Художественная практика символистов от З.Н. Гиппиус до Блока была ориентирована на это определяющее духовное начало в художественном творчестве Достоевского, которое провозгласил Волынский» [Якубович 2000, 89]. Многими исследователями будет перенят и сам метод интерпретации художественных произведений через обращение к вопросам телесности, пластики, материальности.

Каким же образом Волынский пришел к этому методу? По мнению Е.Д. Толстой, в самых общих очертаниях концепция эта могла родиться в годы сотрудничества Волынского с Мережковским, на что указывает терминология, используемая последним в его интерпретациях двух столпов русской литературы: известно, что Л.Н. Толстого Мережковский характеризовал как «тайновидца плоти» – в отличие от Достоевского, «тайновидца духа» («один – стремящийся к одухотворению плоти; другой – к воплощению духа») [Мережковский 2000, 187]. В этих формулировках, считает Е.Д. Толстая, мо-

жет содержаться след «вначале совместных увлечений» Мережковского и Волинского. Однако последний «рисует именно Достоевского тайновидцем плоти, блестяще дешифруя загадочные места его писаний именно как символизм тела» [Голстая 1993, 52].

По указанию В.А. Котельникова, зоркое внимание к плоти, приемлющей в себя семена «миров иных» и носящей в себе Ἐρως τῆς ιδέας и Ἐρως τοῦ Θεοῦ, роднило концепцию Волинского с доктриной Мережковского и других сторонников «мистического материализма», однако в отличие от них Волинский «вовсе не предполагал “освящения плоти” с ее вожделениями и натуралистической эротикой, а видел в ее живых формах пластические символы личных состояний и сверхличных идей» [Котельников 2023, 155].

Очевидно, что истоки метода Волинского лежат в другом месте. По нашей гипотезе, их нужно искать в его давнем увлечении философией Спинозы. Изучать ее Волинский (урожденный Хаим Флексер) начал еще во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Его первая научная работа «Теолого-политическое учение Спинозы» (1885) посвящалась доказательству родства учения голландского философа с иудаизмом («Мы думаем, что связь свою с иудаизмом Спиноза увековечил в своей “Этике”, этом замечательном истолковании идеи единобожия. По духу монотеизма мир пребывает и всегда пребывал в Боге. Это монотеистическое начало есть также основной принцип пантеизма Спинозы» [Волинский 1885, 124–125]).

Опубликовав статью в еврейском ежемесячнике «Восход», автор впервые подписал ее псевдонимом Волинский. Этот труд Флексеру пообещали зачесть в качестве диссертации с тем, чтобы после выпуска он остался при кафедре государственного права, однако тот заявил, что видит себя не в науке, а в литературе.

Позднее Волинский практически не возвращался в своих текстах к философии Спинозы, однако начала ее были хорошо им усвоены и давали о себе знать на протяжении всей его творческой биографии.

Принципиально важным для будущей герменевтики телесности Волинского было решение Спинозой проблемы картезианского

дуализма. В философии Декарта две образующие мир субстанции – мыслящая и протяженная (по отношению к человеку – душа и тело) полностью независимы друг от друга. Но если они не взаимодействуют, то может быть обеспечено единство мира?

Как же разрешить это противоречие? Как мы помним, у Декарта любая математическая задача может быть решена двояко: либо через систему уравнений, либо через поиск точки пересечения двух кривых, построенных в пространстве. То есть либо через алгебру – мысленным, вычислительным путем, либо через геометрию – пространство.

По Спинозе, это возможно, потому что бог – это одна субстанция, причина самой себя, единая сущность (здесь можно увидеть отражение иудейского принципа монизма, единобожия). А протяжение и мышление являются модусами одной субстанции, и между ними существует взаимнооднозначное соответствие. Или, как гласит знаменитая формула Спинозы, «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей, и наоборот, порядок и связь вещей те же, что и порядок и связь идей» [Спиноза 1999, 455]. По словам выдающегося советского философа Эвальда Ильенкова, «спинозизм... связывает феномен мышления вообще с реальной деятельностью мыслящего тела (а не с понятием бестелесной души), и в этом мыслящем теле предполагает активность – и опять-таки вполне телесную» [Ильенков 1990, 70]. Применительно к концепции художественной критики Волинского это означает: ключ к духу – материя, телесность, и наоборот, ключ к материи – дух.

Очевидно, что сам Волинский до известной степени отождествлял себя со Спинозой – одиночкой, изгоем, обвиненным в ереси и изгнанным из иудейской общины Амстердама, но не отрекшимся от веры своих отцов. Он явно восхищался образом голландского мыслителя, и это видно из его слов: «Из своего небольшого и бедного рабочего кабинета Спиноза видел мир во всей его бесконечности. В этом худом и физически непрочном человеке таилась такая творческая энергия, такая мощь понимания, пред которой отступали все затруднения научной мысли и как бы рассеивались все загадки мироздания» [Волинский 1892, 141].

Увлечение Волынского творчеством Достоевского продлится около десяти лет. В силу ряда причин, в том числе интриг бывших коллег и соратников, он будет отлучен от литературной критики. Однако к герменевтике телесности он продолжит обращаться на протяжении еще многих лет. Свой метод он разовьет в своей философии танца, которую начнет разрабатывать уже в своих первых статьях на новом поприще балетного критика.

Внезапное увлечение Волынским танцем стало не только его новой профессией, но и предметом академического интереса. Он сам брал уроки балета, чтобы телесно, на собственном опыте изучить особенности этого пластического искусства. Деятельность на этом поприще Волынский продолжил и после революции, в которой он увидел своего рода аполлонический ответ на едва не уничтожившее русскую культуру и общество декадентство. Сам Аполлон с его священной пляской воспринимался им как бог революции. В обновленном балете Волынский видел эффективный инструмент «для поднятия сил социального организма страны», арену и школу воинственного героического духа. Советский балет, по мысли критика, должен вернуться к античным корням, и именно на его основе должен со временем осуществиться синтез искусств. Возглавляя Государственный хореографический техникум, Волынский готовит масштабную реформу русской балетной школы: составляет новаторские учебные программы, пишет учебник балета в форме искусствоведческой поэмы – «Книгу ликований» (1925), где развивает свою оригинальную философию танца, телесности, пластики, основанную на спинозистских началах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волынский 1885 – *Волынский А.Л.* Теолого-политическое учение Спинозы // *Восход*. 1885. № 10. С. 114–136.
- Волынский 1892 – *Волынский А.Л.* Литературные заметки. Два сочинения о Спинозе // *Северный вестник*. 1892. № 3. С. 136–154.
- Волынский 1909 – *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1909.
- Волынский 2007 – *Волынский А.Л.* Достоевский. СПб.: Академ. проект, 2007.
- Гиппиус 2012 – *Гиппиус З.Н.* «Интуристы» у фашистов // *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 527–534.
- Зобнин 2008 – *Зобнин Ю.В.* Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Мол. гвардия, 2008.
- Ильенков 1990 – *Ильенков Э.В.* Свобода воли // *Вопросы философии*. 1990. № 2. С. 69–75.
- Котельников 2023 – *Котельников В.А.* Русский Агасфер. Аким Волынский как мыслитель и критик культуры. СПб.: Владимир Даль, 2023.
- Мережковский 2000 – *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000.
- Спиноза 1999 – *Спиноза Б.* Этика // *Спиноза Б.* Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 251–478.
- Толстая 1993 – *Толстая Е.Д.* «Вдохновенный дидакт» и «симпатичный талант». Аким Волынский о Чехове // *De Visu*. 1993. № 8 (9). С. 50–64.
- Толстая 2013 – *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2013.
- Якубович 2000 – *Якубович И.Д.* Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского // *Достоевский*. Материалы и исследования. В 23 т. Т. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 67–89.

REFERENCES

- Volynskij A.L., 1885. The Theological and Political Teachings of Spinoza. *Voskhod*, no. 10, pp. 114-136.
- Volynskij A.L., 1892. Literary Notes. Two Essays on Spinoza. *Severnyj vestnik*, no. 3, pp. 136-154.
- Volynskij A.L., 1909. *Leonardo da Vinci*. Kiev, Tip. S.V. Kulzhenko.
- Volynsky A.L., 2007. *Dostoevsky*. Saint Petersburg, Akadem. proekt Publ.
- Gippius Z.N., 2012. "Intourists" Among the Fascists. *Collected Works. In 15 Vols. Vol. 13. Here in Paris: Literary and Political Journalism 1928–1939. Memories. Portraits*. Moscow, Dmitry Sechin Publ., pp. 527-534.
- Zobnin Yu.V., 2008. *Dmitry Merezhkovsky. Life and Deeds*. Moscow, Mol. gvardiya Publ.
- Ilyenkov E.V., 1990. Freedom of Will. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 69-75.
- Kotelnikov V.A., 2023. *Russian Ahasuerus. Akim Volynsky as a Thinker and Critic of Culture*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ.

Merezhkovsky D.S., 2000. *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow, Nauka Publ.

Spinoza B., 1999. *Ethics. Works in Two Volumes. Vol. 1*. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 251-478.

Tolstaya E.D., 1993. "An Inspired Didact" and "A Pretty Talent". Akim Volynsky About Chekhov. *De Visu*, no. 8 (9), pp. 50-64.

Tolstaya E.D., 2013. *The Poor Knight. The Intellectual Journey of Akim Volynsky*. Moscow, Mosty kultura / Gesharim Publ.

Yakubovich I.D., 2000. Dostoevsky in the Religious, Philosophical and Aesthetic Views of A. Volynsky. *Dostoevsky. Materials and Research. In 23 Vols. Vol. 15*. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 67-89.

Information About the Author

Oleg A. Matveychev, Candidate of Sciences (Philosophy), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradskii, 49/2, 125167 Moscow, Russian Federation, matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Информация об авторе

Олег Анатольевич Матвейчев, кандидат философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49/2, 125167 г. Москва, Российская Федерация, matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.2>

UDC 17.037
LBC 87.6

Submitted: 18.01.2024
Accepted: 08.02.2024

THE NIHILISTIC DEVASTATION OF MODERN MAN

Vera A. Zhilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of the growth of nihilistic tendencies in culture. It is proven that modern transformations of the structure of social relations qualitatively change the concept of nihilism as a way of representing culture. This article proceeds from the assumption that the general crisis in the sphere of axiology allows us to state the origins of modern nihilism in the active process of man's reasoning. Hence, general pessimistic tendencies determine a kind of semantic shift when destruction becomes a simulacrum of creativity. At the same time, it is determined that nihilism is revived in the process of replacing value with evaluation. In a comparative analysis of the achievements of modern philosophical thought, the main facets of the modern nihilistic attitude of man toward the world are revealed. In particular, it is indicated that the emergence of the philosophy of devastation can form the recognition of destruction as a social norm. An attempt is made to trace the concepts of epistemic nihilism. The semantic complexity of modern nihilism for its bearers is revealed. Special attention is paid to such a phenomenon as intellectual humility. New forms of alienation of modern man from himself through the rejection of his own beliefs in the face of some opposing statements are traced. It is shown that the revival of nihilistic tendencies in culture contributes to the expansion of the field of manipulative practices in social life. The risks of illusions of explanatory depth due to the formation of a behavioral strategy of intellectual humility are evidently determined. Aspects of the evolution of nihilism are touched upon. The connection between nihilism and the thesis about the state of total war in the 20th century is traced in the trends of the development of modern philosophical thought. It is determined that the devaluation of life provokes the formation of the illusion of the absolute value of material progress and negatively affects the processes of self-consciousness. The role of microaggressions by marginals in the formation of modern nihilism is revealed.

Key words: nihilism, man, society, mentality, destruction.

Citation. Zhilina V.A. The Nihilistic Devastation of Modern Man. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 14-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.2>

УДК 17.037
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 18.01.2024
Дата принятия статьи: 08.02.2024

НИГИЛИСТИЧЕСКОЕ ОПУСТОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Вера Анатольевна Жилина

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме нарастания нигилистических тенденций в культуре. Обосновано, что современные трансформации структуры общественных отношений качественно меняют концепцию нигилизма как способа репрезентации культуры. Автор исходит из предположения, что общий кризис сферы аксиологии позволяет констатировать истоки современного нигилизма в активном процессе рассуждений человека. Отсюда общие пессимистические тенденции детерминируют своеобразный семантический перевертыш, когда деструкция становится симулякрот созидательности. Одновременно определено, что нигилизм возрождается в процессе замены ценности оценкой. В сравнительном анализе достижений современной философской мысли раскрыты основные грани современного нигилистического отношения человека к миру. В частности, указано, что зарождение философии опустошения способно формировать признаки деструкции в качестве социальной нормы. Предпринята попытка проследить концепции эпистемического нигилизма. Раскрыта смысловая сложность современного нигилизма для его носителей. Особое внимание

уделено такому феномену, как интеллектуальное смирение. Прослежены новые формы отчуждения современного человека от самого себя через отказ от собственных убеждений перед лицом неких противоположных утверждений. Показано, что возрождение нигилистических тенденций в культуре способствует расширению области манипулятивных практик в социальной жизни. Доказательно определены риски иллюзий объяснительной глубины вследствие формирования поведенческой стратегии интеллектуального смирения. Затронуты аспекты эволюции нигилизма. В тенденциях развития современной философской мысли прослежена связь нигилизма и тезиса о состоянии тотальной войны XX века. Определено, что обесцененность жизни провоцирует формирование иллюзии абсолютной ценности материального прогресса и негативно сказывается на процессах самосознания. Раскрыта роль микроагрессий маргиналов в становлении современного нигилизма.

Ключевые слова: нигилизм, человек, общество, ментальность, деструкция.

Цитирование. Жилина В. А. Нигилистическое опустошение современного человека // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 14–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.2>

Наступивший XXI в. кардинально меняет человека, что, в свою очередь, трансформирует все грани его совместного общежития. Во внешних характеристиках уже традиционно современное общество определяют коммуникативным, цифровым. И действительно, человек не просто поглощен сегодня потоками информации, он растворен в коммуникациях и оцифрован почти во всех своих проявлениях [Жилина 2023]. Уже эта ситуация актуализирует острую проблему соотносительности уникальности, приватности и типизации в культуре. Но наибольшие опасения у самого человека вызывает нарастание деструкции. Современная философская мысль не может не обратить внимание на изменение самого механизма развития: конфликтность как источник появления нового носит открыто разрушительный характер. И одновременно эта разрушительность в отношении устойчивости социальных отношений начинает претендовать на норму. В терминологии постмодернизма можно определить деструкцию в качестве симулякра созидательности. Недаром в философии опустошения мир определен как гигантская свалка [Левин web]. Вся культура начинает характеризоваться в понятиях свалки, что рождает пессимизм, принципиально отличный от уже прожитого философией. Пессимизм А. Шопенгауэра на этом фоне позитивен: он оставляет шанс искусству. Теперь шанса вообще якобы нет. Человек пребывает в демпинг-процессе, он средство ускоренного перемещения информации без переваривания смысла. Люди, поглощенные информационной свалкой, не способны к согласованному общению. Отсюда самосозидающий,

переживающий человек экзистенциализма в философии начинает вытесняться человеком, не способным предпринять реальные усилия для минимизации угроз деструкции [Жилина В.А., Жилина Е.А., 2022].

Следует отметить, что в целом философский анализ отражает еще одну сущностную черту современного социального бытия: кризис аксиологической сферы провоцирует вытеснение ценности оценкой. Так, в отношении феноменологии опустошения М. Мардера в качестве определенного опровержения можно привести традиционный философский аргумент: если все мышление свалка, то и философия свалки тоже свалка и, следовательно, дать реальную рефлексию процессу не может, так как погружена в него. Но такое своеобразное сведение человека к небытию, к определенному ничто, безусловно, имеет свои причины. И в логике философского анализа, конечно, за таким своеобразным пессимизмом обнаруживается нигилистическая позиция человека при погружении в поле культуры. Поэтому представляется актуальным сегодня обращение философии к проблеме современного состояния самого нигилизма. В частности, в данном анализе проследим влияние нигилизма на ментальность современного человека.

Следует отметить, что философские исследования нигилизма как самостоятельного феномена культуры существенно расширяют свои границы. В частности, многие исследователи помимо социального сегмента формирования и проявления нигилистических стратегий поведения человека анализируют корни этого феномена в области эпистемологии

[Levy 2023; Thorstad 2022]. Это представляется значимым, так как свидетельствует об онтологической укорененности потенций нигилизма в человеке. В частности, интересны выводы о характере эпистемического нигилизма в отношении такого механизма формирования мировоззрения, как вера [Thorstad 2022]. Тем самым современная философия пытается раскрыть объективные причины своеобразного возрождения нигилистической доктрины в культуре. Разбирая в общей логике эпистемологии отрицание или оправдание норм в вере, исследователи отмечают связь таких норм с долженствованием. И это свидетельствует о том, что корни современного нигилизма находятся в активном процессе рассуждений человека, а не в отношении к традиционным ценностям. Именно поэтому современный нигилизм сложен для собственного носителя: он семантически неустойчив. Он формируется в рассуждении, но не затрагивает смысла предмета рассуждения. Отсюда и следует ориентация нигилизма исключительно на деструкцию: сама стратегия поведения есть действие ради действия.

Интересен и своеобразный симбиоз эпистемологии и социального анализа в современной философии. Так, эпистемологические исследования зарубежной философской мысли отмечают новую черту современного человека мира информации – интеллектуальное смирение [Levy 2023]. В анализе расширения сфер сомнительных верований, зачастую балансирующих на грани научного и ненаучного, всевозможные теории вселенских заговоров, которые будоражат повседневное сознание человека, во многом оправдывают такой подход к культурной среде. Суть интеллектуального смирения состоит в том, что человек склонен к отказу от собственных убеждений перед лицом неких противоположных утверждений. Примечательно, что данная особенность однозначно трактуется в качестве антидобродетели, которая формируется в потенциальном поле отказа от собственного социального статуса [Church 2016]. В этом аспекте, продолжая логику Э. Фромма [Фромм 2017] в констатации механизмов бегства от свободы, можно уверенно утверждать, что интеллектуальное смирение становится доминирующим способом отказа от себя. Безу-

ловно, это формирует благодатную почву для манипулятивных практик фактически во всех сферах социальности. В частности, действие такого механизма более чем наглядно на всех уровнях современной политики. Вместе с тем в этом явлении начинает формироваться сфера более фундаментальных социальных рисков. Вследствие интеллектуального смирения люди, с одной стороны, действительно становятся более управляемыми, так как действия их последовательны в логике принимаемого убеждения извне. Но с другой стороны, они неизбежно утрачивают знания, а впоследствии и интерес к их получению. Нигилистическое отрицание себя начинает питаться иллюзиями объяснительной глубины [Levy 2023], когда видимость понимания вытесняет само понимание. А это, в свою очередь, провоцирует человека занимать крайние позиции и в высказываниях, и в оценках происходящего.

В наиболее пессимистических концепциях современная философия объясняет нигилистический поворот современного человека состоянием тотальной войны XX века [Belejkaníčová 2021]. Еретические очерки по философии истории Я. Паточки спорны в отношении предлагаемой им концепции истории, но представляют интерес в аспекте выбранной здесь темы. Превращение войны в общественном сознании в некую «норму» [Паточка 2008] действительно может алгоритмизировать сам механизм восприятия действительности. В частности, Паточка убедителен в констатации лености германского командования в Первой мировой как проявления альтернативных стратегий. Безусловно, мировые войны XX в. закладывают основание в процесс переоценки всей системы ценностей. Человек в нарастающей сложности общественных отношений не знает, что ему делать с расширением зоны собственной свободы. Последствия фронтового переживания катастрофичны – это переживание бессмысленности и ужаса. Осмысленным остается только то, что мир, порождающий это, должен исчезнуть. Очевидно, в логике таких рассуждений можно фиксировать некий онтологический перевертыш: если ранее смерть выводила на ценность жизни, то теперь последняя обесценена, а ничто (смерть) претендует чуть ли не на новое аксиологическое основание.

И здесь вскрывается реальный корень современной трансформации нигилизма. Упадок культуры приводит к утрате у человека самосознания [Belejkaníčová 2021]. На его место встает одержимость материальным прогрессом. Сила проникает во все сферы человеческого существования и превращает его в поле битвы [Паточка 2008].

В этом ключе понятна трансформация моральной философии. В XX в. Б. Уильямс констатирует, что моральная теория не только не вооружает человека знанием моральных норм, но напротив, лишает человека понимания четких границ морали [Уильямс 2008]. Это теоретическое утверждение провоцирует целое направление в западной философской мысли, которое можно условно обозначить как моралистское отчуждение от ценности. Я.Р. Рини считает, что в современном обществе следует отказаться от моральной объективности [Gutmann 2020; Rini 2021]. Фактически светская этика с необходимостью начинает связываться с цинизмом и нигилизмом [Gutmann 2020]. Более того, именно при внешнем принятии принципа толерантности как фактора целостности общества может сложиться ситуация несовместимости моральных норм разных культур, при которой мораль одной из культур будет претендовать на исключительность. Такая претензия на исключительность далека от ницшеанского нигилистического бунта. Современный нигилизм сосредоточивается в сфере микроагрессий маргиналов, а его проявления фиксируются в мировоззренческих надломах: оговорках, фаворитизме, стереотипах.

Тем не менее стабильность социального существования не теряет своей ценности для человека. В этом плане онтологическим основанием преодоления деструкции нигилизма остается ценность жизни. И сегодня нельзя не согласиться с идеей Ф. Ницше о негативных последствиях сведения морали к истине: ценить убеждения человека следует не по истине, а по тому, насколько они вдохновляют жить. Для Ницше принятие воли к жизни означает принятие жизни, а последняя подразумевает целостность со всем миром [Ницше 2021]. Нигилизм в своих истоках и сегодня коренится в неприятии мира, когда последний превращен в трансцендентный идеал. Напротив,

современный человек должен принять все напряженности, конфликты, изменения, понимая, что он является неотъемлемой их частью. Альтернативой стремления сделать жизнь бесконечным набором потенциалов будущего видится принятие хайдеггеровского «бытия-в-мире».

Цифровизация общественных отношений, трансформация коммуникаций и нарастание информационных потоков позволяют констатировать, что сегодня интерпретация мира так же значима, как и его изменения. Более того, анализ состояния ментальности общественного сознания убеждает, что интерпретации мира способны изменить и его, и человека. Самым существенным последствием современного нигилизма можно считать разрастание информационной свалки [Левин web]. Информация больше не информирует, а обрабатывается аналитиками данных с помощью компьютеров [Gare 2023]. Выхолащивание смысла информационных потоков одновременно является и причиной нигилизма (люди дезориентированы, что делает их пассивными в социальной практике, а нигилизм способен создать иллюзию активности), и его следствием (все рефлексии жизни становятся простым накоплением информации, которая чаще всего не имеет статуса знания). В мрачном прогнозе социального развития [Левин web; Gare 2023] необузданный нигилизм может убрать сегодняшних аналитиков, и рефлексии культуры превратятся в пустыни вне смысла. Преодоление таких деструкций возможно только через процессы творчества [Лотман 1992]. В этом убеждает и растущий интерес современной западной философской мысли к феномену русского нигилизма, в котором обнаруживается реализм как течение, отрицающее социально деструктивное, но признающее значимость реального (то есть актуального, не устаревшего) и будущего [Petrov 2019]. Нигилизм в своей сути остается предсказуемым социальным компонентом, и в этом плане он уже является устаревшим, отстающим от актуального времени. Реальное социальное развитие непредсказуемо, как непредсказуемо индивидуальное смыслообразование. Именно поэтому сегодня особо актуален опыт русского нигилизма. Так, Д.И. Писарев подчер-

кивает, что отрицание возможно только в отношении конкретных норм, но недопустимо в отношении социальной реальности [Писарев 2012]. Другими словами, выявленные аспекты влияния нигилизма на ментальность современного человека раскрывают процесс постепенного превращения нигилизма в симулякр. Преодоление социальной деструкции, снижение рисков дестабилизации общества возможно через определенную реабилитацию этого феномена. В русской культуре нигилизм – это прогнозирование будущего через преодоление (отрицание) пережитков прошлого в настоящем. Безусловно, по самой своей сути нигилизм не может быть сугубо позитивным фактором; в целях недопущения встраивания его в культуру безопасным видится вытеснение симулякра реальным феноменом. И представляется возможной последующая трансформация данного феномена в новые формы критического мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилина В.А., Жилина Е.А. 2022 – *Жилина В.А., Жилина Е.А.* Самозамкнутость идентификации современного человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10(468). С. 24–30.
- Жилина 2023 – *Жилина В.А.* Социотехническая системность и универсальность современной инженерии: Homo Technology // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2023. Т. 21, № 1. С. 109–117.
- Левин web – *Левин С.К.* Интервью с Майклом Мардером [Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2022. Т. 3, № 1] // <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-marderom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya>
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
- Ницше 2021 – *Ницше Ф.* Воля к власти. М.: Азбука 2021.
- Паточка 2008 – *Паточка Я.* Еретические эссе о философии истории / пер. с чеш. П. Прилуцкого; под ред. О. Шпараги. Минск: И. П. Логвинов, 2008.
- Писарев 2012 – *Писарев Д.И.* Базаров. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». М.: Директ-Медиа, 2012.
- Уильямс 2008 – *Уильямс Б.* Мораль: специфический институт // Логос. 2008. № 1 (64). С. 149–173.
- Фромм 2017 – *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017
- Belejkaničová 2021 – *Belejkaničová M.* Solidarity of the Shaken: From the Experience (Erlebnis) to History // Studies in East European Thought. 2021. № 73. P. 287–307. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11212-021-09421-6>
- Church 2016 – *Church I. M.* The Doxastic Account of Intellectual Humility // Logos & Episteme. 2016. № 7 (4). P. 413–433. DOI: <https://doi.org/10.5840/logos-episteme20167441>
- Gare 2023 – *Gare A.* The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life // Biosemiotics. 2023. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>
- Gutmann 2020 – *Gutmann T.* Review: Sophie Grace Chappell / Marcel van Ackeren: Ethics Beyond the Limits // Ethical Theory and Moral Practice. 2020. № 23. P. 995–997. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10677-020-10125-9>
- Levy 2023 – *Levy N.* Too Humble for Words // Philosophical Studies. 2023. № 180. P. 3141–3160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-023-02031-4>
- Petrov 2019 – *Petrov K.* ‘Strike Out, Right and Left!’: A Conceptual-Historical Analysis of 1860s Russian Nihilism and Its Notion of Negation // Studies in East European Thought. 2019. № 71. P. 73–97. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09319-4>
- Rini 2021 – *Rini R.* The Ethics of Microaggression. Abingdon UK: Routledge, 2021.
- Thorstad 2022 – *Thorstad D.* There are No Epistemic Norms of Inquiry // Synthese. 2022. № 410. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03896-4>

REFERENCES

- Zhilina V.A., Zhilina E.A., 2022. Self-Closure of the Identification of a Modern Person. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10(468), pp. 24-30.
- Zhilina V.A., 2023. Sociotechnical Consistency and Universality of Modern Engineering: Homo Technology. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*, vol. 21, no. 1, pp. 109-117.
- Levine S.K. Interview with Michael Marder. *Ekopoezis: ekologumanitarnye teoriya i praktika*, 2022, vol. 3, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-marderom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya>

- Lotman Yu.M., 1992. *Culture and Explosion*. Moscow, Gnozis; Progress Publ.
- Nietzsche F., 2021. *The Will to Power*. Moscow, Azbuka Publ.
- Patočka J., 2008. *Heretical Essays in the Philosophy of History*. Minsk, I. P. Logvinov.
- Pisarev D.I., 2012. *Bazarov. I.S. Turgenev's Novel "Fathers and Children"*. Moscow, Direkt-Media Publ.
- Williams B., 2008. Morality: A Specific Institution. *Logos*, no. 1 (64), pp. 149-173.
- Fromm E., 2017. *Escape from Freedom*. Moscow, AST Publ.
- Belejkaníčová M., 2021. Solidarity of the Shaken: From the Experience (Erlebnis) to History. *Studies in East European Thought*, no. 73, pp. 287-307. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11212-021-09421-6>
- Church I.M., 2016. The Doxastic Account of Intellectual Humility. *Logos & Episteme*, no. 7 (4), pp. 413-433. DOI: <https://doi.org/10.5840/logos-episteme20167441>
- Gare A., 2023. The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life. *Biosemiotics*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>
- Gutmann T., 2020. Review: Sophie Grace Chappell / Marcel van Ackeren: Ethics Beyond the Limits. *Ethical Theory and Moral Practice*, no. 23, pp. 995-997. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10677-020-10125-9>
- Levy N., 2023. Too Humble for Words. *Philosophical Studies*, no. 180, pp. 3141-3160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-023-02031-4>
- Petrov K., 2019. 'Strike Out, Right and Left!': A Conceptual-Historical Analysis of 1860s Russian Nihilism and Its Notion of Negation. *Studies in East European Thought*, no. 71, pp. 73-97. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09319-4>
- Rini R., 2021. *The Ethics of Microaggression*. Abingdon UK, Routledge Publ.
- Thorstad D., 2022. There are No Epistemic Norms of Inquiry. *Synthese*, no. 410. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03896-4>

Information About the Author

Vera A. Zhilina, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Prosp. Lenina, 38, 455000 Magnitogorsk, Russian Federation, vera-zhilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2954-109X>

Информация об авторе

Вера Анатольевна Жилина, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, просп. Ленина, 38, 455000 г. Магнитогорск, Российская Федерация, vera-zhilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2954-109X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.3>

UDC 101.3+37.017.92
LBC 87.66

Submitted: 16.01.2024
Accepted: 08.02.2024

THE MAIN QUESTION OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION

Iryna A. Fursa

Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article postulates the fundamental importance of the educational ideal in the socio-philosophical discussion on the topic of education and in the disciplinary discourse of the philosophy of education. The key milestones in the evolution of the concept of “educational ideal” are described, capturing the ideas that had a strong influence on changing its configuration. The theoretical origins of the study of the phenomenon of the educational ideal can be traced back to the times of antiquity, when the ideas of anthropocentricity and universality of the educational ideal and the duality of its form (meaning and purpose) arose. In subsequent eras, the educational ideal is discussed along these same substantive lines, with some adjustments to the spirit of the times. The ideas of the Enlightenment era became a turning point: the possibility of a universal educational ideal was called into question, and the contradictory idea of its sociocultural and historical-political conditionality was strengthened. The institutional substantive line of the educational ideal is developing. The attitude, rooted in the ideas of the utopians, to think of the ideal through its counter-ideal, which most often was the current state of the system, is being consolidated. The term “educational ideal” appeared in the writings of social thinkers of the 18th and 19th centuries. And it became the object of scientific analysis only in the second half of the 20th century, with the strengthening of the autonomous status of the philosophy of education. In the article, the educational ideal is considered a concatenation of meanings crystallized in the course of the historical development of social thought, reflection on the processes and content of education. The educational ideal is understood as an image of perfection that regulates ways of knowing and acting in the field of education, embodying in all its manifestations the idea of education and objectified in its purpose. The study of historical transformations of the concept “educational ideal” made it possible to determine its characteristics: ontology, invariance of the value core, simultaneous historicity and ahistoricity, conceptuality of content, and ideality of form.

Key words: counter-ideal, education, educational ideal, philosophy of education, goals and meanings of education.

Citation. Fursa I.A. The Main Question of the Philosophy of Education. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 20-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.3>

УДК 101.3+37.017.92
ББК 87.66

Дата поступления статьи: 16.01.2024
Дата принятия статьи: 08.02.2024

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ирина Анатольевна Фурса

Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье постулируется фундаментальное значение образовательного идеала в социально-философской дискуссии на тему образования и дисциплинарном дискурсе философии образования. Описываются ключевые вехи эволюции концепта «образовательный идеал», фиксирующие идеи, оказавшие сильное влияние на изменение его конфигурации. Теоретические истоки изучения феномена образовательного идеала (разумеется, концептуальное оформление понятия, как и его содержательная разработка, случились много позднее) прослеживаются со времен античности, когда возникли идеи антропоцентричности и универсальности образовательного идеала, двойственности его формы (смысла и цели). В последующие эпохи образовательный идеал обсуждается в этих же содержательных линиях с некоторой корректировкой в духе времени. Переломной стала эпоха Просвещения: возможность универсального образовательного идеала была подвергнута сомнению, укрепилась противоречивая идея о его социокультурной и историко-

политической обусловленности. Развивается институциональная содержательная линия образовательного идеала, закрепляется уходящая корнями в идеи утопистов установка помыслить идеал через его контр-идеал, которым чаще всего выступало текущее состояние системы. В трудах социальных мыслителей XVIII–XIX вв. появляется сам термин «образовательный идеал». А объектом научного анализа он стал лишь во второй половине XX в. с упрочением автономного статуса философии образования. В статье образовательный идеал рассматривается, как сцепка смыслов, выкристаллизованных в ходе исторического развития социальной мысли, рефлексии о процессах и содержании образования. Под образовательным идеалом понимается образ совершенства, регулирующий способы познания и деятельности в сфере образования, выражающий во всех своих проявлениях идею образования и объективированный в его цели. Изучение исторических трансформаций концепта «образовательный идеал» позволило определить его характеристики: онтологичность, инвариантность ценностного ядра, одновременную историчность и внеисторичность, концептуальность содержания и идеальность формы.

Ключевые слова: контр-идеал, образование, образовательный идеал, философия образования, цели и смыслы образования.

Цитирование. Фурса И. А. Основной вопрос философии образования // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 20–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.3>

Идеальная природа образования означает наличие общей «схемы предметной деятельности человека» [Ильенков 2009], связанной с передачей знаний, ценностей, образцов культуры. Постоянное возвращение к уточнению смысла и логики этой схемы с помощью адекватных методологических инструментов является источником развития сферы образования. Гипотеза работы в том, что таким инструментом с наибольшей эффективностью выступает образовательный идеал, который операционализируется как базисное основание терминосистемы философии образования.

Чтобы доказать, что любой разговор о подлинной сути образования следует начинать с поиска его идеала, нужно отсеять возможные другие основания. Что может быть первичнее? Цитатный материал к этой статье свидетельствует о значительном вариативе подходов к прямой или опосредованной проблематизации данного вопроса. Только анализ временного среза XX в. обнаруживает, по убедительным доводам А.П. Огурцова и В.В. Платонова, смену около десятка основоположений образования (диалог, самосознание, целостный образ «*Homo educandus*» и пр.) [Огурцов, Платонов 2004, 6–17]. Концептуальное оформление философской характеристики актов и процессов образования, по словам авторитетных исследователей, базируется на интуитивном отражении образовательной действительности – образах образования [Огурцов, Платонов 2004, 5–6]. Нельзя не заметить, что обсуждение смыслов образования на рус-

ском языке, учитывая его семантические возможности, очевидно приводит к поиску первичного «образа». То же происходит и с немецким *Bildung* (*Ausbildung*). Но, например, варианты обозначения слова в романских языках не образуют со всей очевидностью такой связи, побуждая расширять ряд коннотативных значений образования. Часто в аналитическое поле философии образования включают его цель. Полагаем все же, что цель в качестве основоположения образования редуцирует его смысл, оставляя за скобками духовную составляющую, тогда как образ предельно обобщает и отдаляет от возможности решения прикладных задач. Предположим, что в основании «идеальности» образования лежит целостность образа и воплощенной в нем идеи. Подобным образом в эстетике Гегеля описывается идеал. Эталонное образование не ограничивается только хорошей университетской или школьной средой, безупречным учебным планом, успешной концепцией образования и пр. Это ни одно из перечисленных единичных проявлений совершенства и, одновременно, все это вместе. Потому что все они исходят из образовательного идеала как объединяющей идеи, которая воплощается в конкретных феноменах образовательной практики.

По мнению ряда современных исследователей, философия образования всегда страдала от некоторой маргинализации [Biesta, Peters 2015], поэтому до сих пор проработка ключевых ее аспектов актуальна. К ним от-

носятся и периодизация развития проблематики философии образования, которую в целом принято рассматривать в логике двух условных этапов: додисциплинарного оформления и институциональной формы дисциплины. Без претензии на академическую строгость, попробуем уложиться в обозначенную исследовательскую схему и очертить в ней общую канву эволюции концепта «образовательный идеал» (в изменениях его формы и только немного – содержания). Для удобства анализа обозначим условные рубежи с нестрогими временными границами:

– «образование в философии» (значимые идеи и акценты: тема образования как часть монолитной философской канвы, этико-политический дискурс, двойственность формы, антропоцентричность и универсальность образовательного идеала);

– «философия для образования» (общественно-политический дискурс, идея совершенствования человека, дискуссии о состоянии идеальной институциональной системы, противопоставление идеала и контр-идеала, социокультурная детерминация образовательного идеала);

– «философия образования» (дисциплинарное оформление и академический статус философии образования, образовательный идеал как научная задача и основа стратегии государства в области образования).

«Образование в философии». Первые проекты совершенного образования, как и сама идея обособления круга идеальных явлений в особую категорию [Ильенков 2009], связаны с именем Платона. Разумеется, от представлений мыслителей античности до полновесной постановки вопроса об образовательном идеале в контексте исследовательской программы философии образования очень далеко. Однако именно в трудах Платона легко найти описание прототипа образовательного идеала как реализации идеи единой формы, отражающейся во множественных значениях. Это связано с полисемичностью понятия «идея» и отчасти тождественного ему понятия «эйдос», которые будучи взяты в значениях «образ», «образец», «род» [Лосев 1969, 533–547] могут рассматриваться как прототипы идеала. По В.Ф. Асмусу, идея у Платона – это и причина, и образец, и цель, но прежде

де всего – понятие о бытии, его замысел [Асмус 1999, 141].

Тема образования у Платона разворачивается в этико-политическом дискурсе [Гессен 1995, 203] и подается, как частный случай размышления о социальном устройстве, начинаемого, как известно, с выяснения существа справедливости. А.П. Огурцов и В.В. Платонов акцентируют, что «именно политика определяла цели и идеалы воспитания и образования, систему образовательных институций» [Огурцов, Платонов 2004, 18]. Взгляды Платона на образовательный идеал просматриваются довольно четко, являясь примером приоритетности идеала в философской повестке об образовании («А чем лучше слепых те, кто по существу лишен: знания сущности любой вещи и у кого в душе нет отчетливого ее образа?» («Государство», VI, 484d) [Платон 2007, 310–311]). Обладая целостностью, платоновская концепция образования через призму предметности образовательного идеала может быть рассмотрена в трех содержательных линиях:

– смысл образования: «идея блага – вот, это самое важное знание; ею обусловлена пригодность и полезность справедливости и всего остального» («Государство», VI, 505a) [Платон 2007, 308];

– образец организации идеальной системы образования в идеальном государстве (известный проект, описанный в гл. VII «Государства»);

– цель воспитания – целостный образ человека, выраженный через совокупность идеальных свойств и качеств, гармонизированных с подходящей его способностям социальной функцией (родом занятий). К примеру, философу-правителю, чья натура «родственна высшему благу» (501d) [Платон 2007, 333], надлежит обладать добродетелями, обретенными в результате правильного воспитания, при котором воспитанник становится «человеком, памятливым от природы, способным к познанию, великодушным, тонким, а к тому же другом и сородичем истины, справедливости, мужества и рассудительности» (487a) [Платон 2007, 314]. Как будет показано, и в современной общественной мысли целостность образовательного идеала, по сути, рассматривается сходно, в двух проекциях идеала:

в значении «смысл» и в значении «цель» (в отношении личности, и в отношении общества).

От Платона, по словам Б. Рассела, следует традиция размежевания философии двух направлений: с одной стороны, теория о природе мира, с другой – этические и политические учения. К последним английский философ относится скептически, полагая суждения о том, что делает людей добродетельными, лишь выражением человеческого желания поучать, лишенным рациональных аргументов и эвристической ценности [Рассел 2016, 1018]. Какие бы оценки не использовались, справедливо то, что платонизм (во всяком случае в европейской интеллектуальной мысли) стал мощным импульсом для дальнейшей рефлексии в отношении идеального в образовании. (Не случайно А. Уайтхед определял общую характеристику европейской философской традиции как серию примечаний к Платону.) Несомненен примат идеалистического в воспитательных нарративах платонизма и первичность самого платонизма в традиции промышления идеальных образов образования.

Представления об образовательных идеалах сменялись сообразно историческим декорациям. К примеру, широко описаны в литературе теократический идеал Средневековья, ренессансный «творец самого себя», идеал универсального интеллектуала эпохи Просвещения, идеал свободного образования и идеал «природы» Ж.-Ж. Руссо, противопоставляемый всякой культуре [Гессен 1995, 38, 46], концепции *Erziehung* и *Bildung* [Biesta 2011] и пр. Следует отметить, что все эти аналитические конструкты фиксируют изменение содержания образовательного идеала, отражающего суть своей эпохи или авторского видения. При этом сам формат обсуждения, способ помыслить об идеале в образовании, радикально не меняется. Это каждый раз понятие универсального назначения.

Особую роль в изменении представлений о форме образовательного идеала сыграла идея социальной утопии – рациональной абсолютизации возможности идеального состояния общества. Ренессансная идея утопической реальности, прообразом которой стали опять же платоновские социальные проекты, в контексте развития понятия об образова-

тельном идеале важна, как особого рода принцип социального познания, состоящий в рационально-идеализированном способе видения мира.

«Философия для образования». Истоки кардинального пересмотра концепта образовательного идеала связаны с эпохой Просвещения. С течением времени стало ясно, что возникший во времена античности подход, предполагающий создание универсального «единообразного идеала, без учета национальных различий и государственных потребностей», уже не работает [Дильтей 2021, 168]. В сущности, наблюдение за исторически обусловленной сменой содержания образовательного идеала должно было рано или поздно поставить вопрос: а какие еще факторы влияют на генез этого концепта? Развитие социально-политических идей и понятий, таких как суверенитет Ж. Бодена, общественный договор Дж. Локка, Т. Гоббса и др., идеи прогресса и другие концепции, заложившие основы социально-политического реализма, привели к корректировке видения самой идеи об образовательном идеале. В. Дильтей свидетельствует, что период XVII–XVIII вв. был отмечен возникновением всеобщей дидактики, педагогики как части естественного права, универсальной морали и политэкономии, когда «с развитием естественных наук и образованием мировых монархий европейский образовательный идеал (*Bildungsideal*. – И. Ф.) изменился» [Дильтей 2021, 168]. Закрепляется установка рассмотрения образовательного идеала как феномена социальной практики; его анализ осуществлялся уже не в универсальных терминах, а через заземление мысленного образа образовательного идеала к конкретным культурным и историко-политическим условиям. Первенство в постулировании этой установки сложно персонализировать; верно скорее то, что она выкристаллизовывалась благодаря синергии многих мощных интеллектуальных инсайтов. Но в рассматриваемый период она определенно закрепились. В подтверждение читаем в сочинении 1888 г. В. Дильтея: «Идеал воспитания, свойственный определенной эпохе и народу, исторически обусловлен и сформирован в своей содержательной полноте и действительности». Интересно, что образование немецкий философ определяет как

«достигнутое совершенство»), а образовательную деятельность, в свою очередь, как «любую деятельность, которая стремится обеспечить совершенство процессов душевной жизни и их взаимосвязей» [Дильтей 2021, 173–175]. В значении цели раскрывает образовательный идеал и В.В. Розанов – потенциальной субъективной государственной цели, или мысленного образа «человека и гражданина», который государство стремится сделать действительным, найдя для этого наиболее приемлемые средства [Розанов 1899, 2–3]. При этом значима не сама тождественность с мысленным совершенством, а намерение. «Не идеал – каков бы должен быть человек, к чему бы он должен стремиться, руководит нами, – пишет В.В. Розанов, – но только мысль, как бы сделать, чтобы, стремясь ко всяким целям, будучи тем или другим в своем духовном образе, он был в чертах этого образа наиболее совершенен, в стремлении – наиболее благороден и силен» [Розанов 1899, 44]. При этом форма образовательного идеала как смысла образования не уходит на второй план. В рассуждении о метафорическом понятии «педагогическая трафаретка» (под ним понимаются шаблонные лозунги-требования общественности о преобразовании преподавания в средней школе) В.В. Розанов, как мы полагаем, довольно отчетливо ставит вопрос о подлинной сути образования: «Для всех представляется, что секрет улучшения школы состоит в отыскании наилучшей трафаретки; никому не приходит на ум поднять вопрос о существовании самой трафаретки» [Розанов 1899, 158]. В этих идеях усматривается предпосылка дисциплинарной автономии философии образования и закрепления образовательного идеала как главного ее вопроса.

В XVIII–XIX вв. образовательный дискурс в общественной мысли прирастает еще одним аспектом рассмотрения образовательного идеала – институциональным. Дискуссии здесь концентрируются уже не только вокруг образа личности как реализации образовательной концепции в социальной практике. Отчетливо формируется новая линия: обсуждаются структура и содержание учебного знания, организационные условия его трансляции в требуемом объеме и качестве, ценности и нормы академического взаимодействия и пр.

Укрепляется идея о социокультурной детерминации идеального результата в образовании, предлагаются конкретные концепции, закрепляющие теоретические основания относительно возможности претворения этой идеи в жизнь. Сильно обобщая, можно сказать, что дискуссии об идеальном в образовании сместились с предметной области теории познания преимущественно к социальной философии. Вопрос о понимании идеала личности дополнился рефлексией относительно идеала условий образования, то есть вопрос «кто?» дополнился вопросом «как?». Разумеется, и ранее вопрос содержания образования оказывался в центре внимания. С развитием университетов тему определения суммы знаний, подлежащих усвоению студентами, обойти было невозможно. Однако в новом прочтении поиск идеальной системы образования ставится на повестку дня, как обособленная самостоятельная задача, а не сюжет, разворачиваемый попутно основной общественно-политической дискуссии.

Начиная с проекта епископа Ньюмена, внесшего значительный вклад в либерализацию повестки образования [Ньюмен 2006], разворачивается поиск образовательного идеала в дихотомии «идеал – действительность». Противопоставление идеала, как представления высшего совершенства, действительности, то есть несовершенному, может осуществляться, как писал В.С. Соловьев [Соловьев 1894, 797] для масштабного энциклопедического проекта издателей Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в тройном смысле: идеал, противоречащий действительности, или фантазия; действительность, не соответствующая идеалу, или ложное бытие; противоречие между идеалом и действительностью как задача их примирения. Очевидная рациональность последнего значения кажущаяся; в своей интеллектуальной истории общество циклично обращается к каждой из этих форм идеализации. К примеру, идеалом, противоречащим действительности, В.В. Розанов полагает любую идею искусственного образа человека, сравнивая такие проекты с *homunculus* Парацельса и вполне конкретно критикуя именно за эту искусственность нормирующий образ Эмиля, сотворенный Ж.-Ж. Руссо, – символ нового гражданина, фикцию, создан-

ную «вне традиций своего народа, вне смысла своей религии, вне целого движения двухтысячелетней истории» [Розанов 1899, 1–2, 77–78]. Критикуя состояние образования своего времени и полагая его декадентским, В.В. Розанов исследует причины такого положения вещей. Основной причиной упадка образования он называет его безжизненность, стремление деятелей образования насытить умы подрастающего поколения производными цивилизации, но не культуры. Последняя понимается как «нарастание в человеке чувств уважения, любви к чему-нибудь», что и является подлинной целью воспитания [Розанов 1899, 19, 32–33]. Здесь отчетливо видна восходящая к ренессансному утопизму линия создания идеального проекта образования через контр-идеал. Теоретически выстраивается и обосновывается идеальный образ целостной системы образования как института, противопоставляемый действующей системе.

«Философия образования». В научной литературе, особенно англоязычной, точкой отсчета профессиональной философии образования обозначают начало XX в., а ее становление связывают с именем Дж. Дьюи [Медведев, Семенова 2016, 30]. Вероятно, правильно говорить о том, что к началу XX в. в общекультурном интеллектуальном пространстве назрела потребность в дисциплинарном обособлении философской дискуссии об образовании. В предисловии к изданию 1899 г. В.В. Розанов сетует на то, что на фоне избытка дидактик и методик оказалась забытой философия воспитания, «то есть обсуждения самого образования, самого воспитания в ряду остальных культурных факторов и также в отношении к вечным чертам человеческой природы и постоянным задачам истории» [Розанов 1899, I], что и привело к упадку образования.

В период раннего дисциплинарного оформления философии образования образовательный идеал все еще остается в основной повестке.

В названии издания 1922 г. С.И. Гессен маркирует педагогику как аспект прикладной философии, тем самым определяя философию образования как задачу, требующую системного решения. Феномен образования он раскрывает как проблему культуры [Гессен 1995,

38] и выстраивает оригинальную концепцию идеала в проекциях личности и народа. Образование личности, по С.И. Гессену, всегда нравственное и направленное на то, чтобы человек смог «осуществить в себе идеал самозаконности» [Гессен 1995, 88], то есть достигнуть ступени свободного самообразования, или автономии, преодолев на этом пути этапы аномии и гетерономии. В свою очередь, цель народного образования заключается в сохранении свободной самобытности и внутренней целостности под давлением внешней культуры [Гессен 1995, 338].

Продолжается ньюменовская линия обсуждения идеала институциональной системы, прежде всего, университета. Х. Ортега-и-Гассет, например, высказывается о преподавании системы жизненных идей в университетах в условиях господства управляющего класса буржуазии, чтобы выпускники «помимо своей специфической профессиональной деятельности, умели жить и оказывать реальное влияние на высоте своего времени» [Ортега-и-Гассет 2005, 34].

К 1940–1950-м гг. относятся процессы укрепления академического статуса дисциплины: становление научных программ философии образования, основание профессиональных сообществ, университетских кафедр и исследовательских подразделений, периодических научных изданий, публикация монографических предметных исследований [Береговая 2018, 51; Luque 2019, 68]. Относительно дисциплинарной автономности философии образования и сегодня существуют различные мнения [Luque 2019, 69–75]: от придания ей полноценного академического статуса (Х. Сигел, Р. Каррен, Н. Бурбулес, П. Смейер) до сомнения в ее самостоятельности даже у авторитетных авторов, таких как П. Хёрст, который обосновывает свое мнение тем, что целью философии образования является не генерирование научной истины, а выработка заимствованных в смежных областях знания руководящих правил для социальной практики [Biesta 2011, 188].

Аналитическая программа (И. Шеффлер, Р.С. Петерс), получившая сильное академическое влияние и широкое распространение в британском и североамериканском англоязычном научном контенте, базировалась на иссле-

довательских позициях позитивизма и прагматизма [Медведев, Семенова 2016, 31] и идее трактовки смысла языковых выражений как самостоятельного фактора образовательного знания и практики [Огурцов, Платонов 2004, 170]. С точки зрения аналитической программы «философия образования является строгим логическим анализом ключевых понятий, связанных с практикой образования» [Scheffler 1954, 223]. Прояснение сути логических высказываний, организующих педагогическое знание и влияющих на образовательную практику, было использовано и для переосмысления образовательного идеала. Пример – научная проблема, решаемая П. Хёрстом в статье «Что такое обучение?» через лингвистический и семантический анализ категории, вынесенной в название публикации. Научная проблема на поверхности банальна. В статье же заново поставлен вопрос о критериях истинности в отношении терминов «образование» и «обучение». Автор публикации, характеризуя образовательную ситуацию своего времени (статья вышла в 1971 г.), отмечает наличие огромного числа технологий, методов, методик, приемов обучения. Однако оценка их эффективности почти никогда не начинается с обоснования, являются ли они собственно образовательными в подлинном смысле этого слова или образование подменяется доктринерством, пропагандой и т. п. [Hirst 1971, 5]. Заново переосмысливается смыслообразующая позиция образовательного идеала: всегда ли мы понимаем под образованием именно то, чем оно является по своей сути? Здесь тема подлинного смысла образования и образовательного идеала поднимается с новой силой.

В континентальной традиции философии образования, которая уходит корнями в эпоху Просвещения, дискуссии об образовании ведутся в терминах христианских добродетелей, которые являлись центральной идеей в концептуальной истории *Erziehung* [Biesta 2011, 183]. Именно это слово-концепция и воплощает образовательный идеал, телеологический и основанный на ценностях.

Итак, философию образования оформляет совокупность идей и концепций в данной предметной области, каждая из которых выстраивается вокруг ключевого вопроса об образовательном идеале. Утрируя, можно ска-

зать, что единственное, что требует философского синтеза в плоскости образования – это проблема поиска образовательного идеала. Обзор этапов развития концепта образовательного идеала приводит к понимаю некоторых его особенностей.

Во-первых, образовательный идеал онтологичен, в индивидуальном и коллективном сознании он уже присутствует до момента его изучения. Это своего рода процесс «открытия сокровытого» [Хайдеггер 2003, 53], и в этом значении экспликация образовательного идеала феноменологична. Следует говорить о формировании понимания образовательного идеала, процесса установления, открытия самого «духа образования» в его единичных воплощениях.

Во-вторых, образовательный идеал, очевидно, не имеет инвариантной основы, подходящей для всех времен и обществ. С большей вероятностью допустимы инварианты структуры образовательного идеала, имеющей, предположительно, ценностное ядро.

В-третьих, образовательный идеал принципиально историчен, соотносится с конкретными социально-историческими конфигурациями и одновременно внеисторичен, поскольку его точное воплощение никогда невозможно.

В-четвертых, содержание образовательного идеала концептуально: не имеет точного референса, принципиально не может прийти к абсолютно точной эмпирической реализации. Так происходит потому, что образовательный идеал имеет первично эмоциональную природу (возникает симпатия к определенному образу), восходящую к рациональным аргументациям (объяснение, почему именно этот образ избран).

В заключение выскажем мнение, что образовательный идеал не должен быть политическим, экономическим, технологическим и пр. Его ядро должно иметь духовное содержание. Только это укрепит силу идеала, переданного через учебники, нормативные документы, слово наставника и т. д. Это определит его долговременность, нацеленность на перспективное развитие общества. Идеал, сформулированный не просто в рамках исторического времени, а через них, с вектором в будущее, обеспечивает качество образования, а через него – социальный прогресс.

Вот почему духовное ядро образовательного идеала – это вектор будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмус 1999 – Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высш. шк., 1999.
- Береговая 2018 – Береговая О.А. Аналитическая философия образования: краткий обзор // Философская мысль. 2018. № 3. С. 51–58.
- Гессен 1995 – Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Дильтей 2021 – Дильтей В. О возможности всеобщей педагогики // Журнал интегративных исследований культуры. 2021. Т. 3, № 2. С. 167–181.
- Ильенков 2009 – Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1 (69). С. 6–62.
- Лосев 1969 – Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. II. М.: Искусство, 1969.
- Медведев, Семенова 2016 – Медведев Н.В., Семенова Е.М. Аналитическая революция в философии образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 30–37.
- Ньюмен 2006 – Ньюмен Дж.Г. Идея Университета. Минск: Изд-во БГУ, 2006.
- Огурцов, Платонов 2004 – Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004.
- Ортега-и-Гассет 2005 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: Изд-во БГУ, 2005.
- Платон 2007 – Платон. Сочинения в 4 т. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
- Рассел 2016 – Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2016.
- Розанов 1899 – Розанов В.В. Сумерки просвещения. СПб.: Изд. П. Перцова, 1899.
- Соловьев 1894 – Соловьев В.С. Идеал // Энциклопедический словарь / под изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIIа. СПб.: Семеновская Типолитография, 1894.
- Хайдеггер 2003 – Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003.
- Biesta 2011 – Biesta G. Disciplines and Theory in the Academic Study of Education: A Comparative Analysis of the Anglo-American and Continental Construction of the Field // Pedagogy, Culture & Society. 2011. Vol. 19, iss. 2. P. 175–192.
- Biesta, Peters 2015 – Biesta G., Peters M. Alternative Futures and Future Alternatives for the Philosophy of Education: Introduction to the Symposium // Studies in Philosophy and Education. 2015. Vol. 34. P. 619–621.
- Hirst 1971 – Hirst P.H. What Is Teaching? // Journal of Curriculum Studies. 1971. Vol. 3, № 1. P. 5–18.
- Luque 2019 – Luque D. Desarrollos interpretativos de la filosofía de la educación en la tradición anglófona: un intento de sistematización // Revista Española de Pedagogía. 2019. Vol. 77, № 272. P. 67–82.
- Scheffler 1954 – Scheffler I. Towards an Analytic Philosophy of Education // Harvard Educational Review. 1954. № 24. P. 223–230.

REFERENCES

- Asmus V.F., 1999. *Ancient Philosophy*. Moscow, Vyssh. shk. Publ.
- Beregovaya O.A., 2018. Analytical Philosophy of Education: A Brief Overview. *Filosofskaya mysl*, no. 3, pp. 51-58.
- Gessen S.I., 1995. *Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy*. Moscow, Shkola-Press.
- Dilthey W., 2021. On the Possibility of Universal Pedagogy. *Zhurnal integrativnyh issledovanij kultury*, vol. 3, no. 2, pp. 167-181.
- Ilyenkov E.V., 2009. Dialectics of the Ideal. *Logos*, no. 1 (69), pp. 6-62.
- Losev A.F., 1969. *History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato. Vol. 2*. Moscow, Iskusstvo Publ.
- Medvedev N.V., Semenova E.M., 2016. Analytical Revolution in Philosophy of Education. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshestvennye nauki*, vol. 2, iss. 4 (8), pp. 30-37.
- Newman J.H., 2006. *The Idea of the University*. Minsk, Izd-vo BGU.
- Ogurcov A.P., Platonov V.V., 2004. *Images of Education. Western Philosophy of Education. 20th Century*. Saint Petersburg, RHGI.
- Ortega y Gasset J., 2005. *Mission of the University*. Minsk, Izd-vo BGU.
- Plato, 2007. *Works in 4 Vols. Vol. 1. Pt. 1*. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko.
- Russell B., 2016. *A History of Western Philosophy*. Moscow, AST Publ.
- Rozanov V.V., 1899. *Twilight of Education*. Saint Petersburg, Izd. P. Percova.
- Solovyev V.S., 1894. The Ideal. Brockhaus F., Efron I.A. (eds.). *Encyclopedic Dictionary*, vol. XIIa. Saint Petersburg, Semenovskaja Tipolitografija.
- Heidegger M., 2003. *Being and Time*. Harkov, Folio Publ.
- Biesta G., 2011. Disciplines and Theory in the Academic Study of Education: A Comparative Analysis of the Anglo-American and Continental Construction of the Field. *Pedagogy, Culture & Society*, vol. 19, iss. 2, pp. 175-192.

Biesta G., Peters M., 2015. Alternative Futures and Future Alternatives for the Philosophy of Education: Introduction to the Symposium. *Studies in Philosophy and Education*, vol. 34, pp. 619-621.

Hirst P.H., 1971. What Is Teaching? *Journal of Curriculum Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 5-18.

Luque D., 2019. Desarrollos interpretativos de la filosofía de la educación en la tradición anglófona: un intento de sistematización. *Revista Española de Pedagogía*, vol. 77, no. 272, pp. 67-82.

Scheffler I., 1954. Towards an Analytic Philosophy of Education. *Harvard Educational Review*, no. 24, pp. 223-230.

Information About the Author

Iryna A. Fursa, Candidate of Sciences (Philosophy), Consultant, Department of Attestation Work, Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Prosp. Nezavisimosti, 66, 220072 Minsk, Republic of Belarus, fursa-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2920-9196>

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Фурса, кандидат философских наук, консультант управления аттестационной работы, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, просп. Независимости, 66, 220072 г. Минск, Республика Беларусь, fursa-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2920-9196>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.4>

UDC 316.733
LBC 60.56

Submitted: 07.01.2024
Accepted: 08.02.2024

**HEURISTIC POTENTIAL OF CONCEPTS BY G. HOFSTEDE AND A.A. AUZAN
FOR STUDYING BINARITY OF CULTURE IN ARMENIA AND RUSSIA**

Gohar S. Mkoyan

Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Yerevan, Yerevan, Republic of Armenia

Maksim A. Golovchin

Vologda Research Center of Russian Academy of Science, Vologda, Russian Federation

Abstract. At the present stage of development, culture plays a special role in the life of society as a set of value beliefs and practices, since it is it that shapes the attitude of the population toward the basic rules, norms, and realities, which is somewhat complicated by the spread of polar cultural patterns (binarity) in society. As part of the article, using materials from sociological surveys, we tried to present arguments about how post-Soviet countries are developing in the mirror of the manifestation of binary, which is actively manifested in national culture. In accordance with the theory of A.A. Auzan, we consider binarity culture to be a type of culture built on the structural opposition of the following values: individualism/collectivism, masculinity/femininity, high/low power distance, and tolerance/intolerance to uncertainty. Within Hofstede's theory, aspects such as individualism/collectivism, tolerance/uncertainty avoidance, and femininity/masculinity are considered. To illustrate the development of binary culture, two neighboring countries – the Russian Federation and the Republic of Armenia – are examined. In the course of the research, we conducted secondary analysis of the data obtained from public opinion surveys in the city of Yerevan (Republic of Armenia) and in the Vologda Region (Russian Federation). Within the examination, practices supporting the populations of two polar types of cultures have been identified: C-culture and I-culture. In conclusion, we present preliminary conclusions about how the signs of polar cultures manifest themselves in Russian and Armenian society. We are trying to substantiate the idea that for the effective development of the state it is necessary that the process of making decisions important for the life of the population (institutional design) corresponds to the cultural needs of the population. Main research conclusion: culture serves an explanatory function, allowing for the identification of the reasons for the success or failure of managerial decision-making.

Key words: culture, cultural code, binarity, sociological survey, Russia, Armenia.

Citation. Mkoyan G.S., Golovchin M.A. Heuristic Potential of Concepts by G. Hofstede and A.A. Auzan for Studying Binarity of Culture in Armenia and Russia. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 29-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.4>

**ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИЙ Г. ХОФСТЕДЕ
И А.А. АУЗАНА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БИНАРНОСТИ КУЛЬТУРЫ
В АРМЕНИИ И РОССИИ****Гоар Сергеевна Мкоян**Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване,
г. Ереван, Республика Армения**Максим Александрович Головчин**

Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Российская Федерация

Аннотация. На современном этапе развития особую роль в жизни общества играет культура как совокупность ценностных убеждений и практик, поскольку именно она формирует отношение населения к основным правилам, нормам, реалиям, что несколько затрудняет распространение в социуме полярных культурных образцов (бинарности). В рамках статьи на материалах социологических опросов мы попытались представить рассуждения о том, каким образом развиваются постсоветские страны в зеркале проявления бинарности, активно распространяющейся в национальной культуре. В качестве бинарной культуры, в соответствии с теорией А.А. Аузана, рассматривается культура, построенная на структурной оппозиции ценностей. В контексте теории Г. Хофстеде к этим оппозициям относятся индивидуализм / коллективизм, маскулинность / феминность, высокая / низкая дистанция власти, толерантность / интолерантность к неопределенности, индивидуализм / коллективизм. В качестве примеров ареала развития бинарной культуры рассмотрены две соседние страны – Российская Федерация и Республика Армения. В рамках исследования был выполнен вторичный анализ данных опросов общественного мнения, проведенных среди населения города Еревана (Республика Армения) и Вологодской области (Российская Федерация). В рамках анализа определены практики поддержки населением двух полярных типов культур – К-культуры и И-культуры. В заключение мы приводим предварительные выводы о том, как проявляются признаки полярных культур в российском и армянском обществе. Мы пытаемся обосновать идею о том, что для эффективного развития государства необходимо, чтобы процесс принятия важных для жизни населения решений (институциональное проектирование) соответствовал культурным запросам населения. Основной вывод исследования: культура выполняет объяснительную функцию, что позволяет выявить причины успеха или неудачи принятия управленческих решений.

Ключевые слова: культура, культурный код, бинарность, социологический опрос, Россия, Армения.

Цитирование. Мкоян Г. С., Головчин М. А. Эвристический потенциал концепций Г. Хофстеде и А.А. Аузана для исследования бинарности культуры в Армении и России // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 29–41. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.4>

Introduction

While searching for what drives modern development and how to respond to the challenges of the time, economic science has to revise many scientific theories [Golovchin, Leonidova 2014]. Representatives of various scientific schools consider various fundamentals of societal development: accumulation and concentration of capital, its profitability, innovation, biological and natural aspects related to the location of territories, the nature of institutions prevailing in society,

human and social capital [Ekimova 2019], etc. Nevertheless, none of these theories provides an unambiguous answer to the question of why, under similar geographical and social conditions, different countries have different levels of economic welfare. Some scholars see a reasonable explanation in focusing on non-economic factors, in particular, culture. Thus, the well-known American sociologist and political scientist Samuel Huntington at the end of the 20th century proclaimed that “culture matters” [Huntington 2001].

What is the practical meaning of Huntington's idea? Interest in culture is directly linked to the development of a new concept of economic agent within economic theory, "Homo Institutus" [Inshakov 2005]. It is an individual who, in a situation of limited rationality, information asymmetry, and risk, has to implement their economic decisions in some way. Thus, they have to take into account restrictions imposed by laws, rules, traditions, customs, and habits [Inshakov 2005]. The relationship between a "Homo Institutus" agent and a counterparty (the state) is marked by a special role of culture, which is described by the expression "Culture is the mother, institutions are the children" [Huntington 2001]. In other words, members of society, when relying on culture, can either believe in the value of institutions formed by the state (rules, norms, and regulators of public life) or not [Welzel, Inglehart, Ponarin 2012]. If culture does not contradict an institution, then it forms a positive attitude toward it in society. As a result, "Homo Institutus" agents fulfill contractual obligations imposed on them by a counterparty (the state), while the implementation of contractual obligations leads to nationwide economic growth. In science, this interaction is described by the "normal behavior" function of an agent. If culture contradicts institutions, then it forms the negative attitude of an agent (society) toward an institution. As a result, members of society either circumvent the limitations of institutions or switch to a strategy of opportunism imitating the fulfillment of contractual obligations. Consequently, economic activity sometimes results in an increase in transaction costs and a direct conflict with the counterparty (the state). This interaction is described by the "abnormal behavior" function of an agent [Tuzhik, Shulenina, Zaitseva 2015].

In other words, a culture that shapes normal behavior in agents also ensures economic growth in the country. However, to achieve this, it is necessary to create cultural institutions [Golovchin, Leonidova 2014]. Describing the relationship between cultures and institutions, C. Welzel proves that countries with highly developed emancipatory values (pursuit of freedom, human rights) have a much higher level of institutional development [Welzel 2017]. These countries include Japan, Western Europe, Australia, Canada, New Zealand, the USA, and part of

Eastern Europe [Welzel 2017]. Scientists believe that the interaction of institutions and culture can lead either to the dominance of culture or to the victory of institutions. As a result, either culture begins to change under the influence of new standards, rules, and norms of modern life or, on the contrary, institutions change because the culture of society does not accept them [Auzan 2022].

In the article, we intend to discuss the meaning of national culture in the lives of post-Soviet countries (Russia and Armenia) within the framework of A.A. Auzan's theory of the cultural code of the economy [Auzan 2022]. Within the discourse started by A.A. Auzan, we are trying to build preliminary arguments about the various manifestations of polar characteristics in the culture of post-Soviet countries: priority in the mass consciousness of personal or group interests; attitude to power from the positions of high and low distance; independence and the need for support from the external environment; narrow and wide horizons for planning future prospects [Auzan 2022].

The purpose of the study is to search for an approach and empirical parameters that reflect the binary nature of national culture in the context of the theories of G. Hofstede and A.A. Auzan. The study presents an analysis of sociological data from surveys conducted in Russia and Armenia, which reveal the cultural characteristics of the population of these countries in the categories of C and I-culture. The scientific novelty of the results obtained lies in the development of tools for the task of analyzing specific manifestations of polar characteristics in the culture of post-Soviet countries.

Categorizing cultural "binarity"

Science has many approaches to the term "culture" (there are about 500 definitions). In general, they differ in the ways they describe the very nature of culture and its bearers. Some scholars focus on the personality of an individual, while others consider a certain "collective carrier" of culture (society, nationality, nation). Basically, most approaches boil down to the fact that culture is what an individual has in their mind and what determines their actions. We should also point out an industry-based approach, which studies culture

with the help of analyzing the activities of organizations and industries that perform a cultural function [Golovchin, Leonidova 2014].

In our research, we proceed from an understanding of national culture as a set of values and practices that determine the thoughts, feelings, and behavior of members of society in relation to important economic and social regulators (institutions) operating in the country. This understanding differs from the approaches of other scientists who perceive the phenomenon under consideration as having the following aspects: content and form (P. Sorokin), a set of knowledge about the surrounding world (A. Mol), ideas and symbols (O. Spengler), a network of organizations designed to perform cultural functions (A.B. Rudakov), etc. We consider the role of culture in the economic and social space within the “principal-agent” institutional concept based on the idea that if culture does not contradict institutions, then it forms a positive attitude toward them in society [Tuzhik, Shulenina, Zaitseva 2015]. As a result, society fulfills contractual obligations imposed on it by the counterparty (the state), and the implementation of contractual obligations promotes economic growth on a national scale. Otherwise, society simulates the fulfillment of contractual obligations, which leads to an increase in transaction costs [Tuzhik, Shulenina, Zaitseva 2015].

Our study is based on A.A. Auzan’s views on culture. He argues that economic growth is determined by interaction in the “economy – politics – culture” space (the researcher calls this phenomenon “threesome tango”). Politics creates institutions as regulators of public life. In turn, they are supported or not supported by culture, as a result of which economic success is achieved or not achieved. This allows culture to implement the following functions:

- a) influence the economic success of a nation;
- b) influence the competitive specialization of a nation;
- c) influence transformations and reforms in a given country [Auzan 2022].

The role of each of the following categories – politics, culture, and economy – according to A.A. Auzan defines the cultural code of a nation and serves as a prerequisite for economic success based on culture. To “decipher” the cultural code,

A.A. Auzan uses G. Hofstede’s cultural dimensions theory and distinguishes two types of cultures: “I-culture” and “C-culture”. I-culture is characterized by individualism, high power distance, masculinity, and short-term orientation. C-culture has the following dimensions: collectivism, uncertainty avoidance, femininity, and long-term orientation [Auzan 2022]. To illustrate the impact of culture on economic growth, A.A. Auzan considers two bright examples: the American Economic Miracle (which happened after the end of World War II) and the Chinese Economic Miracle (a later phenomenon that started in the 1990s) [Auzan 2022]. The former was built on the foundation of I-culture (in particular, innovation, rapid growth of patent activity), and the latter on C-culture (mobilization methods of economic management, diligence) [Auzan 2022]. According to A.A. Auzan, in both cases, in different geographical and historical conditions, it was culture that enabled the countries to achieve economic success and a growth of macroeconomic indicators by creating institutions that supported basic values and were unambiguously perceived by the population [Auzan 2022].

A.A. Auzan writes that the binarity of a culture is what hinders it from implementing its mission [Auzan 2022]. Binary culture is a semantic and axiological concept based on the structural opposition of two polar types of cultures. This is why binary culture is often called explosive, since the competition between polar cultures implies defending one’s own norms and values and is fraught with social disintegration [Shorkin 2011]. Binarity in the culture of a nation can be observed in a simultaneous and often paradoxical manifestation of archaic and modern elements in everyday life [Kostyuk 1999]. Currently, signs of the binary can be found primarily in Russian culture. In particular, Russian public consciousness does not fall under the influence of an “integration matrix.” This fact does not allow social solidarity at the micro-level to be combined with legal regulation at the macro-level [Konstantinova 2019]. Consequently, Russian culture has features of both I-culture and C-culture. At the same time, binary culture can develop according to several possible scenarios: 1) *tradirovaniye* – sensibly combining the elements of an old and new culture while preserving the axiological and semantic

core, i.e., tradition; 2) *kontrtradirovaniye* – further developing a traditional culture by “dismantling” it and filling it with new content; 3) *posttradirovaniye* – replacing traditional values by elements of a new culture [Timoshchuk 2018; Mkoyan, Golovchin 2022]. In other words, C-culture and I-culture can be synthesized, coexist, and “keep pace with each other,” or they may conflict, which leads to a “cultural revolution” entailing a dramatic change in societal patterns in one direction or another.

The discourse about the manifestation of the phenomenon of binary in the culture of the population is also supported by L.K. Kruglova, T.P. Berseneva, A.D. Shorkin, A.A. Ibraimov, and A.V. Loparev. They write that binary culture is a semantic and value formation based on the structural opposition of two polar types of cultures, the interaction of which can be explosive [Shorkin 2011].

Thus, the ideas of Hofstede and Auzan are interconnected. Thus, in his works, A.A. Auzan combines the theory of G. Hofstede with the hypothesis of binary cultures. In particular, on the basis of G. Hofstede’s parametric model, he proposes to study the manifestations of two binary oppositions: C and I cultures. However, the scientist does not offer tools for such measurements and does not specify by what parameters representatives of the C and I cultures are determined. In our work, we intend to eliminate this shortcoming.

At the same time, binarity is quite a common phenomenon with regard to culture. What really matters is the nature of the interaction between polar cultures, whether it is synthesis or conflict. In the article, within cross-cultural research, we

discuss possibilities for the development of binary culture in Russia and Armenia. We have chosen these countries because their socio-economic development has a “spiral effect,” which means that the standard of living and quality of life should *de facto* become incentives for a new round of economic development, but their struggling economies cannot ensure high living standards and quality of life for their population so far [Golovchin, Leonidova 2014]. In particular, this is evidenced by the World Happiness Report 2018, a survey conducted by the UN in the course of the Sustainable Development Solutions Network initiative [Helliwell, Layard, Sachs 2018]. The survey contains rankings of countries with the most favorable living conditions; Russia, ranking 59th, and Armenia, ranking 129th, are in the second part of the survey (lagging considerably behind Finland and Norway, who top the rating) [Helliwell, Layard, Sachs 2018]. Thus, a vicious circle is formed; getting out of it requires a strategic approach to achieving economic goals and taking into account the dynamics of cultural genesis [Mkoyan, Golovchin 2022].

Research methodology

In the study, we are trying to determine to what extent the theory of binary reveals the state of the culture of the population that has formed in the post-Soviet space. To do this we have developed a matrix that specifies the characteristics of binary in two dimensions: cultural traits and polar types of culture (Table). Thus, each cultural peculiarity (according

Operationalization of the concept of “culture” in research

Traits of culture	C-culture	I-culture
1. Power distance	Sacralization of power: the state is valuable in itself; it has unconditional authority and is not subject to criticism	Attitude to power as an “equal player”: the state is valid only when it serves the interests of the individual and society; it may be subject to criticism
2. Priority of personal and group interests	Collectivism: the meaning of life is to create conditions for one’s own well-being	Individualism: the meaning of life is to support the environment
3. Attitude towards	Uncertainty avoidance: fear of what might happen in the future; social pessimism associated with the belief that life will not improve in the future	Acceptance of uncertainty (tolerance): lack of fear of the future; social optimism, hope that life will be better in the future
4. Gender mentality	Femininity: the need for support from the state and environment; paternalism	Masculinity: autonomy and independence; hope that in a difficult life situation only one’s own strength will help

Note. Suggested by the authors based on the developments of G. Hofstede and A.A. Auzan.

to G. Hofstede) corresponds to two parameters for each binary opposition (according to A.A. Auzan).

The information basis for testing the model of A.A. Auzan presented data from a secondary analysis of sociological surveys conducted among the population of the Russian Federation and the Republic of Armenia. The survey of the population of the Russian Federation was conducted in December 2022 in the Vologda Region and the population of Armenia in the city of Yerevan. The survey method is a survey at the respondents' place of residence. The sample size is 1,500 people aged 18 years and older. The sample was compiled in accordance with the general population: in the Vologda Region, 1,128.8 thousand people; in Yerevan, 1,092.8 thousand people. The sampling is a quota. Quotas are given in proportions between the urban and rural populations, as well as the gender and the age-sex structure of the adult population of the region [Mkoyan, Golovchin 2022]. The proportion of men aged 18–29 years in the sample was 7.4%, those aged 30–59 years 26.5%, and those aged 60 years and older 10.8%; the proportion of women aged 18–29 years was 6.9%, those aged 30–54 years 23.6%, and those aged 60 years and older 24.9%.

As part of the first stage of the study, data was collected on the life values and attitudes of the population of the two countries [Mkoyan, Golovchin 2022]. Despite the fact that the tools use questions in different formulations, their content is fully consistent with the discourse about the features of national cultures. As part of the second stage, the survey data was interpreted in the categories of dimensions of national culture proposed by G. Hofstede: power distance, individualism/collectivism, tolerance/uncertainty avoidance, femininity/masculinity [Hofstede 2001]. On the third stage, the respondents included in the sample were grouped according to the characteristics of the oppositions of binary cultures proposed by A.A. Auzan: C-culture (high power distance, collectivism, uncertainty avoidance, feminine culture) and I-culture (low power distance, individualism, tolerance of uncertainty, masculine culture) [Auzan 2022]. Thus, in the course of our generalizations, we do not directly resort to the evaluative indicators of G. Hofstede's parametric model for measuring cultures but try to build reasoning around the characteristics of

national culture that were reflected in the data of two surveys. Therefore, the conclusions obtained are preliminary. We do not concentrate on finding an answer to the question of what the culture of Armenians and Russians is, but intend to draw attention to the non-linearity of social development in the two countries under study, which is formed due to the presence of semantic oppositions in national culture [Mkoyan, Golovchin 2022]. We need such conclusions to formulate a hypothesis, which will subsequently form the basis for further research.

As part of the empirical measurements, the populations of Russia and Armenia were asked questions with different wording since different questionnaires were used. The reasons for this are that the initially used tools were not designed for the task of diagnosing the features of national culture. Despite this, the questionnaires still contain questions that provide a sufficient amount of information about the manifestation of the monitored parameters of binary oppositions: the need for leadership from above and a love of freedom; collectivism and individualism in life goals; avoidance and acceptance of uncertainty; and femininity and masculinity. At this stage of the study, we would first of all like to consider whether a binary culture manifests itself in the countries under study. We are aimed primarily at forming working hypotheses, not conclusions.

In the article, we do not directly compare the data obtained for the Vologda Region and Yerevan but analyze the presence of features of polar cultures in Russia and Armenia separately. We just want to draw attention to the possibility of cross-country cultural research based on the concept of binary. We will need observational generalization in the further development of working hypotheses, as well as research tools for determining whether the population belongs to the types of polar cultures.

Research results

In accordance with A.A. Auzan's model, we summarized the features of C- and I-cultures in the populations of both countries and found binary features in the national cultures of both Russians and Armenians. Next, we dwell on how certain features are reflected in polar cultures.

Russian Federation

Priority of individual and group interests is a cultural feature reflecting the degree to which people in a country prefer to act as individuals rather than as members of groups [Hofstede 2001]. In the model of A.A. Auzan and G. Hofstede, the priority of interests is determined by the binary opposition “individualism versus collectivism.” Individualism is a feature of I-culture and collectivism – C-culture [Auzan 2022].

We determined the type of culture according to the individualism-collectivism dimension with the help of a question about an individual’s life priorities [Auzan 2022]. It was important for us to find out whether one’s life priorities had the nature of post-materialistic values (striving for the support of the environment and well-being).

In Russia, respondents’ opinions on this subject are formed with a bias toward I-culture (Fig. 1). In choosing whether to take care of their own health or the well-being of people around them, the majority (88%) tend to choose samples of I-culture (Fig. 1).

Power distance is also a very important characteristic of national culture. In our research, this parameter is determined by the binary opposition “low power distance – high power distance.” In countries with low power distance (Malaysia, South American countries, Arab countries, Indonesia, India, Russia, etc.), social relations are built on the unquestioning authority of the state, and its representatives often have a sacred status. In countries with low power distances (USA, Austria, Israel, Denmark,

New Zealand, etc.), representatives of power do not have special privileges and are treated as ordinary members of society [Rogotneva 2013].

To determine the type of culture in accordance with the above parameter, we analyzed the answers to questions about the nature of power: “What does the state mean to you?” (in the Republic of Armenia) and “Do you consider the incompetence of the authorities a problem of modern life?” (in the Russian Federation).

The sociological cross-section shows that in the countries under consideration, people’s spiritual lives gravitate toward high power distance, i.e., examples of C-culture [Auzan 2022]. The share of Russians among those who see the root of societal problems in the incompetence of the authorities (which is typical of I-culture) is low, and the share of those seeking other explanations (C-culture) is high (93%; Fig. 2).

Another important and, in many ways, universal dimension for assessing national culture is gender mentality, which allows an individual to identify themselves and their personal qualities based on gender (sexual) aspects. The structure of gender mentality includes deep (archetypal) and external (socially conditioned) stereotypical structures that determine the attitude toward the environment from the standpoint of masculinity or femininity. These structures include emotions, experience, and character, as well as ways of thinking and interpersonal interaction [Churkina 2020], etc. I-culture is characterized by the prevalence of masculinity; C-culture – femininity.

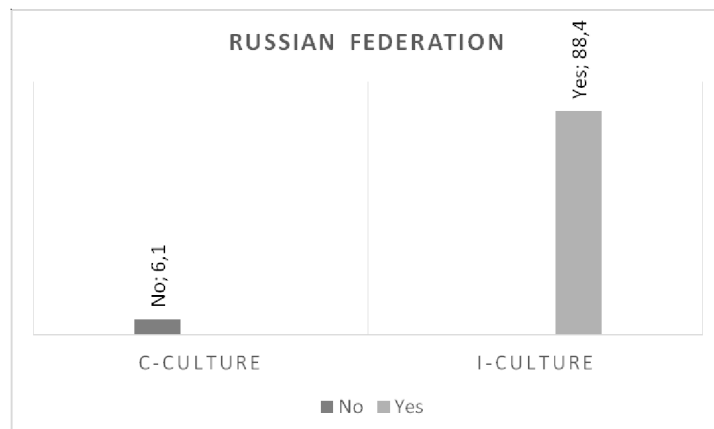

Fig. 1. The purpose of life is to take care of my own well-being and health (% of respondents in the Vologda Region)

Note. * – Hereinafter, within the survey, respondents were provided with other answer options.

To determine the type of culture according to the “masculinity vs. femininity” dimension, we analyzed the answers given by Russians and Armenians concerning their need for support [Auzan 2022]. The need for support and paternalism corresponds to the feminine type of culture; self-sufficiency and independence corresponds to the masculine type.

Sociological data show that manifestations of feminine culture are typical for Russia. For example, Russians are more likely to say that they cannot survive without external support (58%). At the same time, there are much fewer people who are ready to cope with life’s difficulties without support from the state (Fig. 3).

Attitude toward uncertainty is the most psychological construct in the theory of the cultural code of the economy. This dimension reflects the level of anxiety observed in society due to an increase in threats and unknown and uncertain situations. The Australian scientist N. Harding considers tolerance for uncertainty as a criterion of national differences. He proved that in countries where independent decision-making is condemned for some reason, tolerance for uncertainty is lower, and people have a fear of the future [Harding, Ren 2007]. Basically, low tolerance for uncertainty is a distinctive feature of the current postmodern society, which many scientists call a “risk society”. In the 1980s, the British anthropologist M. Douglas defined the

Fig. 2. What problems of modern life do you consider the most pressing: option – incompetence of the authorities? (% of respondents in the Vologda Region)

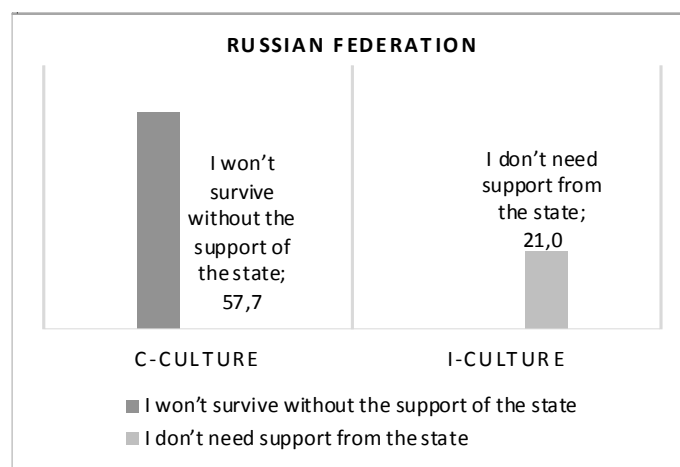

Fig. 3. How much do you personally need the support of the state today? (% of respondents in the Vologda Region)

impact of the risks of modern society on culture in the following way:

- individualistic cultures are built on people’s self-confidence, which allows them to overcome risks and hope for a better future;
- collectivist cultures tend to view nature as fragile and in need of protection, so their representatives constantly feel in danger, are anxious about protecting their borders, and “live for the day” [Douglas, Wildavsky 1982].

To assess the degree of tolerance for uncertainty, we used questions about one’s views in relation to future prospects: “Do you feel fear of the future?”. We consider fear of the future a sign of C-culture and confidence in the future – I-culture.

In fact, the survey showed that Russia is a country with a low level of uncertainty avoidance, which is primarily typical for I-culture (Fig. 4). Russians are less likely to fear the threats of tomorrow (72%). Signs of tolerance for uncertainty are characteristic of less than a third of the population.

Republic of Armenia

The Armenian population makes choices in favor of personal rather than collective goals (Fig. 5). Thus, when implementing their life plans, Armenians are less inclined to seek support from their environment (9%).

Armenia is characterized by faith in the authority of the government against a backdrop of high power distance. The majority of Armenians (89%) believe that the government cannot focus on the interests of one particular person (Fig. 6).

Armenian culture is closer to the models of masculinity (I-culture). Thus, Armenians are much less likely to rely on the help of others (Fig. 7). Less than half of respondents will seek support from relatives or the state.

The population of Armenia is less characterized by fear of the future (Fig. 8). Armenians are more likely to have optimistic views on the future (75%), and only 23% believe that nothing will change.

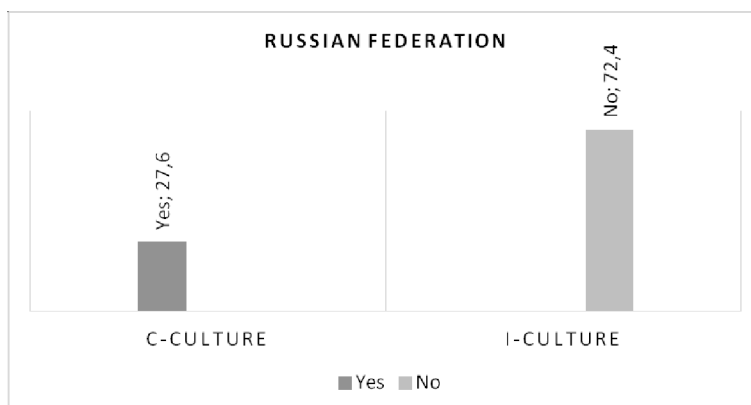

Fig. 4. Do you feel afraid of what is about to happen? (% of respondents in the Vologda Region)

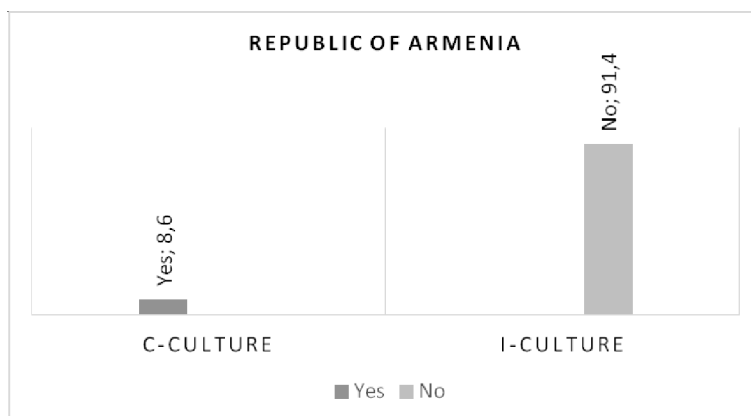

Fig. 5. My life’s goal is to have the support of my environment (% of respondents in Yerevan)

Thus, on the basis of the surveys, we see that Russian and Armenian societies have several types of cultures. National culture in these countries can be described as binary, which means it is not influenced by the “integrative matrix” typical for Western cultures [Konstantinova 2019].

At the same time, cultural features of Armenians and Russians are now synchronously flowing into both C-culture (this primarily concerns power distance) and I-culture (priority of interests, attitude toward uncertainty), which generally indicates the cultural closeness of the two nations.

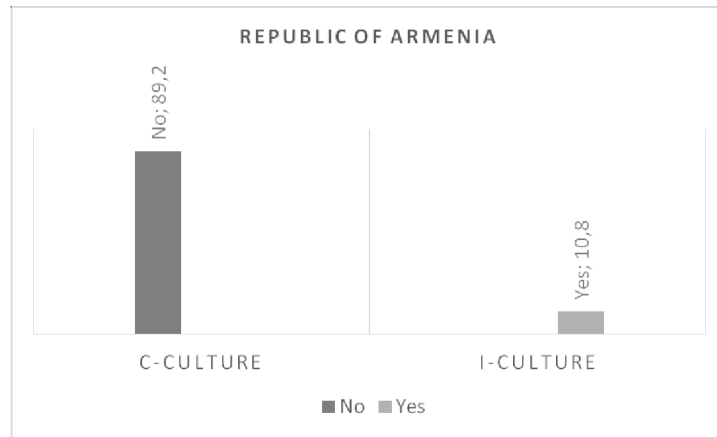

Fig. 6. My interest in the state depends on the extent it fulfills my needs (% of respondents in Yerevan)

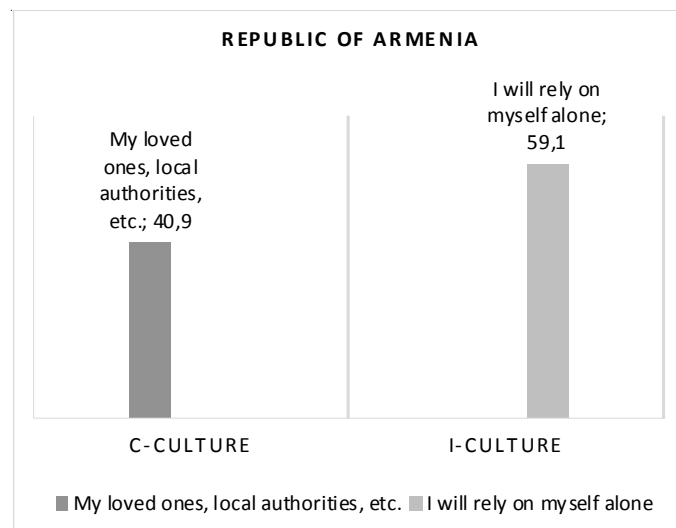

Fig. 7. Who would you turn to, if you had to protect your interests? (% of respondents in Yerevan)

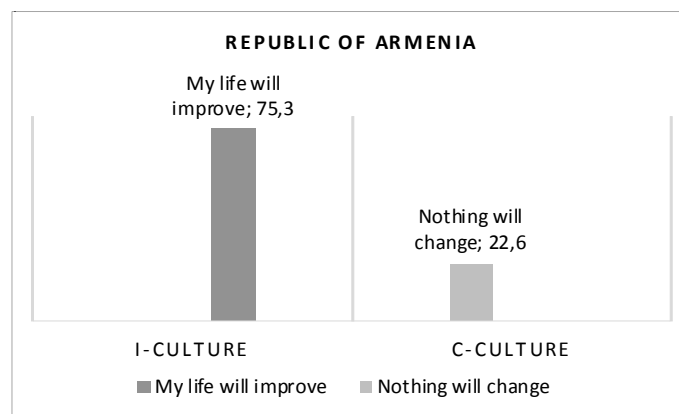

Fig. 8. How will your life change in five years? (% of respondents in Yerevan)

We should point out that rather than focusing on the value of each identified feature relating to a particular polar culture, we attach more importance to the very fact of the coexistence of C- and I-cultures in society [Auzan 2022]. This provides insights into the advances and failures of economic institutions and the extent of the consolidation of society.

Discussion

The study improved the theoretical approach of A.A. Auzan, according to which the culture of the population is considered in the context of the existence of two binary oppositions: C and I-culture. As part of the scientific search, we proposed a set of indicators suitable for assessing the belonging of social characteristics of the population to polar cultures according to the parameters that were proposed in the works of G. Hofstede: power distance (sacralization of power and attitude toward power as an “equal player”), priority of personal and group interests (collectivism and individualism), attitude towards uncertainty (avoidance and tolerance for uncertainty), gender mentality (femininity and masculinity). Currently, the binary nature of culture is rather a hypothesis, which in a number of cases is confirmed by the thinking of the population of post-Soviet countries.

The results of measurements in Russia and Armenia indicated the possibility of considering binary culture as an object of research. However, for more thorough conclusions, it will be necessary to conduct one more measurement in each country using the same toolkit. This will make it possible to accurately determine what type of culture is typical for respondents with a certain set of social characteristics.

As a result, we can judge the presence of binary oppositions in the cultures of Armenians and Russians, which allows us to put forward the following hypothesis: the inconsistency of the cultural development of post-Soviet countries requires that the formation of new ideas and meanings that fill the lives of society take into account the cultural characteristics and preferences of different segments of the population [Mkoyan, Golovchin 2022]. In this regard, the effectiveness of public administration directly depends on the extent to which new institutions (regulators) will be supported by the

culture of a particular part of society [Mkoyan, Golovchin 2022]. The next stage of our research will be aimed at verifying this hypothesis. The prospects for its development are seen in the implementation of a number of steps:

- the operationalization of the concept of “culture” as a binary phenomenon and the identification of clear signs of belonging to polar cultures;

- conducting a survey among the population of the Republic of Armenia and the Russian Federation using the same toolkit and research scheme to identify the population’s belonging to a particular culture [Mkoyan, Golovchin 2022];

- generalizing cultural traits into a social portrait of the “C-population” and “I-population” using the index technique, which in turn will make it possible to make a more reasonable judgment about the factors that form the cultural code of the nation [Auzan 2022].

In general, having analyzed the sociological research materials, we see confirmation of the signs of binarity in Russian and Armenian cultures. This binarity, according to A.A. Auzan, does not currently allow the cultural code to be used for the benefit of the national economy and, in general, makes the development of institutions dependent on the decisions adopted in the past (science calls it “path dependence”). According to A.A. Auzan, such decisions include autocracy, serfdom, and communality [Auzan 2022].

What should be the culture and cultural code of a nation so that it can achieve economic success and institutional effectiveness? From A.A. Auzan’s perspective, it should be built on the following principles: high power distance, high uncertainty avoidance, feminine mentality, long-term orientation, and the ability of the nation to mobilize forces [Auzan 2022]. The surveys conducted in Russia and Armenia show that in some cases there is a smooth transition to these very cultural traits (it is especially noticeable in Russia) [Welzel 2017]. However, it seems that tolerance for uncertainty is an important resource that should be preserved on the way toward the formation of a cultural code. The attitude toward the future is seen as the most conflicting and alarming feature of binary culture, especially against the background of current challenges. Therefore, the attitude toward uncertainty is the factor that may intensify the binary nature of

culture and hinder social consensus and integration [Hofstede 2001].

The greater the number of risks and bad news, the more often the future is perceived as something uncontrollable and inevitable. In addition, low tolerance for uncertainty suppresses the willingness to act effectively and work under risky conditions, reducing the nation's ability to mobilize in the short term. This may cause an unfavorable "ripple effect" in the future. Currently, it is necessary to consider which institutions will be supported by a population that is tolerant or intolerant of uncertainty.

We should note that an image of the future as a kind of uncertainty is formed most likely as a response to the growing risks of modern society, including the "civilizational conflict" typical of the postmodern era [Welzel 2017]. For example, the results of the military conflict in Karabakh (Artsakh) had a strong impact on society and were reflected in views on social development, progress, and the future. Reflecting on the results of the military conflict has led the population to pay more attention to the development of institutions in the economy, education, national security, etc. New mechanisms began to be proposed that affect the systematic solution of the problems accumulated in the state. One of these mechanisms is social entrepreneurship, which helps solve problems through social activity and the self-organization of citizens.

In this regard, it seems that the current governmental policy of both countries (especially Russia) pays insufficient attention to trust and social capital as a resource for overcoming intolerance to uncertainty in society. It is desirable that social capital become part of both public policy and corporate culture. To achieve this, first of all, it is necessary to cope with a set of strategic issues:

- at the macro level: transformation of moral values, absence of a unified social ideology, flaws in legislation and legal norms, atomization and individualization of consciousness, inequality in citizens' access to material, social, and cultural goods [Igunnov 2020];

- at the meso and micro levels: deviation from the rules of fair competition, low level of social responsibility, increased interpersonal and institutional distrust, weakening of family values, aggressive expansion of consumer culture [Igunnov 2020].

REFERENCES

- Auzan A.A., 2022. *Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy and Welfare*. Moscow, AST Publ.
- Churkina N.A., 2020. Gender Mentality as the Basis of a Person's Gender Identity. *Obshchestvo, politika, finansy*. Novosibirsk, Izd-vo Sibir. gos. un-ta telekommunikatsii i informatiki, pp. 188-191.
- Douglas M., Wildavsky A., 1982. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, University of California Press.
- Ekimova N.A., 2019. In Search of Social Development Factors: From Monocausal Concepts to Polycausal. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki=Journal of Economic Regulation*, vol. 10, no. 4, pp. 6-21.
- Golovchin M.A., Leonidova G.V., 2014. Socio-Cultural Characteristics of the Modern Youth: Some Results of the Pilot Study. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 5 (35), pp. 113-126. DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.8
- Harding N., Ren M., 2007. The Importance in Accounting of Ambiguity Tolerance at the National Level: Evidence from Australia and China. *Asian Review of Accounting*, vol. 15 (1), pp. 6-24.
- Helliwell J., Layard R., Sachs J., 2018. *World Happiness Report 2018*. New York, Sustainable Development Solutions Network.
- Hofstede G., 2001. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks, CA, Sage.
- Huntington S., 2001. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York, Basic Books.
- Igunnov O.A., 2020. Russian Organizations Social Capital Formation External Factors. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya*, vol. 26, no. 3, pp. 149-172. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-149-172
- Inshakov O.V., 2005. *Homo Institutius – Institutional Man*. Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Konstantinova L.V., 2019. Integration Potential of Society: A Conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, iss. 8, pp. 19-29. DOI: 10.31857/S013216250006133-9
- Kostyuk K.N., 1999. Archaic and Modernism in Russian Culture. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3 (4), pp. 5-20.
- Mkoyan G.S., Golovchin M.A., 2022. Traditional and New Culture in the Post-Soviet Space: Synthesis or Coexistence? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*, no. 47, pp. 105-119. DOI: 10.17223/22220836/47/9

- Rogotneva E.N., 2013. The Influence of Power Distance on Peoples' Relationships in Society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 5, pp. 57-62.
- Shorkin A.D., 2011. Postbinary Structure: Lively Game of Binary Oppositions. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, no. 3-4, pp. 8-20.
- Timoshchuk A.S., 2018. *Traditional Culture: Essence and Existence*. Vladimir, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.
- Tuzhik A.M., Shulenina D.I., Zaitseva E.V., 2015. The Problem of the "Principal-Agent" and How to Resolve it. *Ekonomika i sovremennyye menedzhment: teoriya i praktika*, no. 10-11 (53), pp. 102-108.
- Welzel C., 2017. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Moscow, VTsIOM Publ.
- Welzel C., Inglehart A., Ponarin E.D., 2012. Disentangling the Culture-Institution Nexus: The Case of Human Empowerment. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 4, pp. 12-43.

Information About the Authors

Gohar S. Mkoyan, Candidate of Sciences (Sociology), Lecturer, Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Yerevan, Vardanants St, 17, 0028 Yerevan, Republic of Armenia, ssearmenia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9165-7782>

Maksim A. Golovchin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Studies of the Standard of Living and Lifestyles, Vologda Research Center of Russian Academy of Science, Gorkogo St, 56A, 160014 Vologda, Russian Federation, mag82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

Информация об авторах

Гоар Сергеевна Мкоян, кандидат социологических наук, преподаватель, Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване, ул. Вардананц, 17, 0028, г. Ереван, Республика Армения, ssearmenia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9165-7782>

Максим Александрович Головчин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, 56А, 160014 г. Вологда, Российская Федерация, mag82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.5>

UDC 316.7
LBC 60.59

Submitted: 24.11.2023
Accepted: 08.02.2024

SELF-IDENTIFICATION AND VALUE ATTITUDES AMONG YOUTH (KALININGRAD REGION CASE)¹

Elena P. Zimovina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The article deals with the issues of self-identification and value attitudes among youth in the Kaliningrad region, which is necessary given the conditions of the exclave position of the region. The basis of the study was the results of a sociological survey of the youth of the region. The sample consisted of 310 people aged 18 to 35 years (147 men and 163 women), with a confidence probability of 95% and an error of $\pm 5\%$. The information received was processed using the SPSS Statistics program. The theoretical and methodological basis of the study was the values measurement system, the authors of which are R. Inglehart and C. Welzel. In particular, the binary opposition they proposed was taken into account: traditional values (religion, family, patriotism, reverence for power, the predominance of public interests over personal ones) and secular-rational values (secularism, independence, a reduced degree of respect for power, political awareness, the dominance of personal interests over public ones). In the course of the study, the author of this paper identified several categories of identity: civil, regional, local, geopolitical, and global. As a result, it was determined that civic identity is of paramount importance among youth. On the contrary, geopolitical identity is extremely poorly expressed. The peculiarities of the religious identity of youth are also revealed when the rarity of participation in religious practices contradicts feelings of religious conviction. The basis of self-identification is values. The most significant values young people call universal values: health, family, security, love, and friendship. Religion, customs, and traditions were the least significant for youth. Individualism is one of the distinctive features inherent in youth. A significant number of respondents stated this. At the same time, attention was paid to the age and gender composition of the survey participants. However, the predominance of the ideas of collectivism in combination with individualistic motives is noted. Based on the above, the author concludes that the youth of the Kaliningrad region is characterized by a combination of traditional and secular-rational values.

Key words: Kaliningrad region, youth, self-identification, values, religiosity, individualism, collectivism.

Citation. Zimovina E.P. Self-Identification and Value Attitudes Among Youth (Kaliningrad Region Case). *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 42-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.5>

УДК 316.7
ББК 60.59

Дата поступления статьи: 24.11.2023
Дата принятия статьи: 08.02.2024

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Елена Павловна Зимовина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы самоидентификации и ценностных установок в молодежной среде Калининградской области, что является необходимым в условиях эксклавного положения региона. Основой исследования послужили данные социологического опроса молодежи края. Выборочная совокупность составила 310 человек в возрасте от 18 до 35 лет (147 мужчин и 163 женщины) при доверительной вероятности 95 % и погрешности $\pm 5\%$. Полученная информация была обработана с использованием программы SPSS Statistics. Теоретико-методологической основой исследования послужила система измерения ценностей, авторами которой являются Р. Инглхарт и К. Вельцель. В частности, была принята во внимание предложенная ими бинарная оппозиция: *традиционные ценности* (религия, семья, патриотизм, почитание власти, превалирование общественных интересов над личными) и *секулярно-рациональные ценности*

(светскость, независимость, сниженная степень уважения к власти, политическая осведомленность, доминирование личных интересов над общественными). В ходе исследования автором статьи было выделено несколько категорий идентичности: гражданская, региональная, локальная, геополитическая и глобальная. В результате было определено, что среди молодежи первостепенное значение имеет гражданская идентичность. Напротив, геополитическая идентичность выражена крайне слабо. Также выявлены особенности религиозной идентичности молодежи, когда редкость участия в религиозных практиках противоречит чувствам религиозной убежденности. Основой самоидентификации являются ценности. Наиболее значимыми ценностями молодые люди назвали общечеловеческие: здоровье, семью, безопасность, любовь, дружбу. Наименее значимыми для молодежи оказались религия, обычаи и традиции. Индивидуализм является одной из отличительных черт, присущих молодежи. Об этом заявило значительное количество респондентов. При этом внимание было обращено на возрастно-половой состав участников опроса. Однако отмечено превалирование идей коллективизма в сочетании с индивидуалистическими мотивами. На основе изложенного автор делает вывод, что для молодежи Калининградской области характерно сочетание традиционных и секулярно-рациональных ценностей.

Ключевые слова: Калининградская область, молодежь, самоидентификация, ценности, религиозность, индивидуализм, коллективизм.

Цитирование. Зимовина Е. П. Самоидентификация и ценностные установки в молодежной среде (на примере Калининградской области) // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 42–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.5>

Введение

Понятия «самоидентификация» и «ценностные установки» тесно связаны. Человек идентифицирует себя с определенной группой или общностью, ценности которой он воспринимает, признает и считает своими. Согласно Большой российской энциклопедии, идентификация – это процесс самоопределения индивида в социальном пространстве, в социальных группах и сообществах, а также в системе их взаимодействия. Результатом идентификации является осознание человеком своей идентичности [Большая... 2008, 695]. В нашем понимании самоидентификация представляет собой своеобразную форму осмысления и утверждения собственного «Я» в различных ракурсах: геополитическом, социокультурном, языковом, этническом, религиозном. На формирование идентичности направлены усилия многих социальных институтов – государства, СМИ, образования, армии, церкви и т. д. При этом основное внимание уделяется молодежи. Так, одним из основных направлений деятельности государства является «совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей... Реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и

приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала» [Указ Президента Российской Федерации... web].

Задачи утверждения российской идентичности и традиционных ценностей стоят и на уровне регионов. Особенно это касается Калининградской области, которая отделена от основной территории Российской Федерации и находится в непосредственном соседстве с двумя странами НАТО. Например, в Комплексном плане основных мероприятий по реализации в Калининградской области Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. одной из основных целей декларируется «укрепление общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, единства многонационального народа Российской Федерации». В качестве приоритетных задач значатся: «укрепление общероссийской гражданской идентичности, содействие этнокультурному и духовному развитию народов, ...сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества» [Комплексный план... web; Постановление администрации... web]. В данном направлении осуществляют работу и высшие учебные заведения региона [В Координационном центре... web].

Таким образом, обозначенный круг вопросов представляется важным в сфере госу-

дарственной политики, образования, воспитания и требует научного осмысления. Исследовательский интерес к проблематике обусловлен стремлением разобраться в системе ценностей, оказывающих влияние на формирование идентичности.

В связи с этим было организовано исследование, проведенное научными сотрудниками Социологической лаборатории БФУ им. И. Канта в мае 2023 г. методом социологического опроса. Объектом изучения стали жители Калининградской области в возрасте 18–35 лет. Генеральная совокупность составила 226 701 человек. В анкетировании приняли участие 310 молодых людей (147 мужчин и 163 женщины). Доверительная вероятность составила 95 % при погрешности ± 5 %. Полученная информация была обработана с использованием программы SPSS Statistics.

Основная цель исследования – выявить особенности самоидентификации и ценностных установок калининградской молодежи. Под ценностными установками подразумевается не только набор жизненных приоритетов, но и их иерархическая расположенность. Для этого были сформулированы следующие исследовательские вопросы: Какова степень значимости разных категорий идентичности среди молодежи? Как в молодежной среде религиозность сочетается с периодичностью участия в религиозных практиках? Какие ценности являются приоритетными для молодежи? Каково соотношение идей коллективизма и индивидуализма среди молодых людей?

Обзор литературы

Проблемы самоидентификации нашли отражение в работах современных российских исследователей разных научных направлений (например, [Лаппо 2013; Кубагушева 2014; Шадже 2022; Грачев 2018; Маленков, Печеркина 2019; Бура 2020] и др.). Несмотря на многообразие самоидентификации (этническая, лингвистическая, культурная, религиозная, гражданская и т. д.), она возможна при условии существования определенных общностей, на которые она ориентируется. Наиболее глубокий анализ процессов самоидентификации был дан в работах Э. Эриксона [Erikson 1975; 1980]. Рассуждая о понятии

«идентичность», он отмечал: «В какой-то момент она будет отнесена к сознательному чувству индивидуальной идентичности; в другой – к бессознательному стремлению очертить личностный характер; в третьем – выступит критерием процесса эгосинтеза; и далее – как факт внутренней солидарности с групповыми идеалами» [Erikson 1975, 101–102]. По удачному выражению О.А. Симоновой, идентичность потому и обретает ценность для индивида, что через осмысление опыта в соответствующих социальных условиях гарантирует его нормальную адаптацию в сети межличностных отношений. В конечном счете идентичность фиксирует единство внутрилличностных и социально-культурных процессов [Симонова 2008, 46–47].

С точки зрения Н.Л. Поляковой, на рубеже XX–XXI вв. понятие «идентичность» приобрело распространение во многом благодаря тому, что оно позволило выявить не только специфику современной социальной жизни, но и принципы включения в нее индивида. В связи с этим, в социологических подходах к концептуализации идентичности можно выделить три основных теоретических направления: конструктивистское (Э. Гидденс, Э. Марк), постмодернистское (Д. Фридман, З. Бауман) и интеракционистское (Дж. Мид, Ч. Кули) [Полякова 2016, 10].

При этом исследователи отмечают возможность выделения нескольких дисциплинарно различных, хотя и соотносимых друг с другом, подходов к пониманию идентичности: социологического, логического, философского, психологического, антропологического, политологического. В результате проблематика идентичности приобретает ярко выраженный междисциплинарный характер, объединяя в рамках одного исследовательского поля взгляды различных научных дисциплин, школ и направлений. По мнению А.Г. Саниной, это может послужить основой для создания своеобразной «метатеории», которая могла бы объединить уже существующие знания об объекте изучения и стать базой для интеграции новых знаний [Санина 2014, 10].

Исследования ценностей и жизненных установок молодежи довольно широко представлены в научной литературе. Так, зарубежные политологи Р. Инглхарт и К. Вельцель раз-

работали оригинальную систему измерения ценностей [Инглхарт, Вельцель 2011; Inglehart 1990; Inglehart 1997]. Одно из предложенных ими измерений представляет собой бинарную оппозицию: *традиционные ценности* (религия, семья, патриотизм, почитание власти, превалирование общественных интересов над личными) и *секулярно-рациональные ценности* (светскость, независимость, сниженная степень уважения к власти, политическая осведомленность, доминирование личных интересов над общественными). Данный подход был взят за основу при проведении исследования. В работах отечественных исследователей также представлены результаты апробации авторских методик по выявлению системы ценностных предпочтений в молодежной среде [Вержибок 2014] и определению индикаторов общих жизненных установок молодежи [Нечаева 2018]. Для решения конкретных задач исследователями используются и уже зарекомендовавшие себя методики. Например, экспресс-диагностика социальных ценностей [Хрипунова и др. 2019].

Подчеркнем значимость успешно применяемых методологических подходов по молодежной проблематике, среди которых концепция социального конструирования гендерных различий [Доброхлеб и др. (ред.) 2022; Хоткина, Доброхлеб, Русанова 2018]; концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи [Зубок и др. 2022; Чупров, Зубок, Романович 2014]; социокультурный подход, основой которого является теоретическое обоснование конструирования и особенности воспроизводства смыслов реальности [Зубок 2022]; концепция поколений [Радаев 2019].

Как видим, на сегодняшний день существуют серьезные теоретические разработки, подтвержденные многочисленными и разнообразными эмпирическими данными.

Особенности самоидентификации молодежи

Калининградская область является эксклавным регионом России, территориально отдаленным от основной части страны. Поэтому вопросы, касающиеся самоидентификации населения края (особенно молодежи), являются довольно важными. Для этого были выделены такие категории, как гражданская, региональная, локальная, геополитическая и глобальная идентификация, а также создана шкала самоопределения по обозначенным категориям. В связи с этим был задан вопрос о значимости различных категорий идентичности (табл. 1). В результате было выявлено, что наиболее высокая степень самоидентификации приходится на категорию «житель России, гражданин Российской Федерации» – 87,7 % опрошенных выбрали варианты ответов «скорее идентифицирую» и «сильно идентифицирую». Далее следуют региональная и локальная идентификация («житель Калининградской области» и «житель города / села проживания») – 84,8 и 83,6 % соответственно. Значительная доля опрошенных ассоциируют себя с глобальным человечеством («житель планеты Земля») – 81,6 %. Однако лишь 40,9 % респондентов указали на то, что считают себя «жителем Европы, европейцем». Как видно, первостепенное значение имеет гражданская идентификация, напротив, геополитическая – самая слабая из перечисленных.

Интересна не только светская, но и религиозная идентичность. Молодым респондентам было предложено оценить степень своей религиозности и обозначить периодичность участия в религиозных практиках (см. табл. 2). При этом было обращено внимание на возраст. Больше половины участвовавших в опросе молодых людей ответили, что являются

Таблица 1

Насколько сильно вы идентифицируете себя со следующими категориями, %

Вариант ответа	Почти не идентифицирую	Скорее не идентифицирую	Скорее идентифицирую	Сильно идентифицирую	Затрудняюсь ответить	Итого
Житель планеты Земля	2,9	3,5	18,4	63,2	11,9	100,0
Житель Европы, европейец	28,7	16,1	23,5	17,4	14,2	100,0
Житель России, гражданин РФ	1,3	1,3	14,8	72,9	9,7	100,0
Житель Калининградской области	1,6	2,6	14,5	70,3	11,0	100,0
Житель того города, села, где живу сейчас	2,3	3,5	18,1	65,5	10,6	100,0

верующими (63,9 %), хотя многие и признали, что не участвуют в религиозных практиках (44,2 %). Не верующими объявили себя чуть больше четверти опрошенных (28,1 %). Причем, чем старше были респонденты, тем меньше среди них было не верующих. Небольшое количество участников опроса (25 человек, или 8,1 %) не определились с ответом. Как видно, среди молодых людей идентификация себя как верующего противоречит периодичности их участия в религиозных практиках. То есть наблюдается своеобразная пассивная религиозность. В итоге, на основе представленных результатов исследования, можно сделать вывод о наличии и переплетении разных видов идентификации в молодежной среде.

Ценностные установки в молодежной среде

Самоидентификация тесно связана с ценностями человека. Именно они формируют отношение людей к явлениям частной и общественной жизни, определяют вектор устремлений человека. Ценности – это то, что имеет значение как для человека, так и для

общества. Первоначально был задан «закрытый» вопрос, где респондентов просили определить степень значимости перечисленных ценностей. Затем шел «открытый» вопрос про ценности, присущие населению России. В вопросе о приоритетности общественных и личных интересов важно было продемонстрировать разнообразие взглядов, а иной раз и их парадоксальное сочетание.

Проведенное исследование показало, что в приоритете у молодых людей оказались такие ценности, как здоровье (81,0 %), семья (80,6 %), безопасность (80,6 %), дружба (80,0 %) и любовь (79,0 %) (табл. 3). Наименее значимыми ценностями являются религия, а также обычаи и традиции. Так, всего 33,9 % опрошенных считают религию значимой ценностью и 35,8 % – не значимой. Немного лучше показатели у категории «обычаи, традиции»: их значимость признают 58,1 % респондентов и указывают на не значимость – 14,2 %. В итоге такие ценности, как религия, традиции и обычаи занимают последнее место в системе ценностей молодежи. Во многом это связано со светским характером воспитания, образования и общественной жизни в целом, а также с процессами глобализации.

Таблица 2

Оцените степень своей религиозности, %

Вариант ответа	18–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–35 лет	Всего
Верующий, ежемесячно участвую в религиозных практиках	0,0	3,3	5,5	4,5	4,2
Верующий, время от времени участвую в религиозных практиках	27,8	10,0	12,1	20,7	15,5
Верующий, не участвую в религиозных практиках	27,8	37,8	44,0	52,3	44,2
Не верующий	33,3	37,8	33,0	15,3	28,1
Затрудняюсь ответить	11,1	11,1	5,5	7,2	8,1

Таблица 3

Определите значимость перечисленных ценностей лично для вас

Вариант ответа	Совсем не значимо	Скорее не значимо	Нейтрально	Скорее значимо	Очень значимо	Затрудняюсь ответить	Итого
Религия	19,7	16,1	22,9	18,4	15,5	7,4	100,0
Материальное благополучие	1,6	3,2	10,6	25,2	53,2	6,1	100,0
Дружба	1,6	1,6	9,7	23,2	56,8	7,1	100,0
Любовь	2,3	3,2	7,4	17,7	61,3	8,1	100,0
Работа / карьера	1,3	2,6	7,7	29,0	32,6	6,8	100,0
Свобода	1,9	2,3	7,1	19,4	59,0	10,3	100,0
Семья	1,9	2,9	5,5	15,8	64,8	9,0	100,0
Справедливость	2,3	4,8	7,1	15,5	61,0	9,4	100,0
Обычаи, традиции	6,1	8,1	21,9	23,9	34,2	5,8	100,0
Здоровье	2,3	1,9	6,5	14,2	66,8	8,4	100,0
Безопасность	2,9	0,6	6,8	14,5	66,1	9,0	100,0

Помимо ранжирования представленных категорий, респондентам было предложено самим перечислить ценности, присущие России. Среди них наиболее часто упоминались семья (50), патриотизм (29), справедливость (24), свобода (24), безопасность (16), единство (14), сплоченность (14), историческое наследие (7): «*Достоинство, права и свободы человека, справедливость*»; «*Свобода, благополучие человека, единство, целостность*»; «*Ценности семьи, материнства и отцовства*»; «*Уважение по отношению к различным культурам и религиям*»; «*Патриотизм, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, гуманизм, историческая память*»; «*Крепкая семья, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память*»; «*Любовь к родине, мужество, героизм людей*»; «*Историческое наследие. Люди, которые несут историю и не дают потомкам забыть ее*»; «*Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, справедливость, взаимопомощь, историческая память, единство народов*».

Отметим, что в ответах на данный вопрос довольно часто упоминались традиции (35), обычаи (17), религия (19), вера (6). Причем, была выявлена противоречивая ситуация. С одной стороны, перечисленные категории занимают слабые позиции в системе ценностей молодежи (см. табл. 3). С другой стороны, молодые люди зачастую говорят о них, как о важнейших для России, в сочетании с гражданскими, общечеловеческими и семейными ценностями: «*Семья, вера, сила духа, единство*»; «*Патриотизм, семья, традиции, любовь*»; «*Верность традициям, чувство безопасности и справедливости*»; «*Патриотизм, служение отечеству, традиции*»; «*Религия, любовь, дружба*»; «*Религия, обычаи, традиции, свобода*»; «*Религия, справедливость, свобода*»; «*Семья, права и свободы человека, патриотизм, вера, справедливость*»; «*Семья, свобода, религия*»; «*Справедливость, семья, безопасность, обычаи, традиции, религия*»; «*Традиции, свобода и справедливость*»; «*Религиозные ценности, ценность семьи*». В од-

ном из ответов прозвучал своеобразный духовно-идеологический лозунг России, в который, наряду с гражданственностью, были включены и три христианские добродетели: «*Патриотизм, вера, надежда, любовь!*». Несколько участников опроса попытались не просто перечислить присущие российскому обществу ценности, но изложить собственное понимание дальнейшей траектории движения России: «*Следование традициям, развитие по собственному пути*»; «*Сохранение традиций*». В одной из характеристик российских ценностей содержится их краткое, но довольно глубокое осмысление: «*Традиционные, устаревшие, но где-то они все-таки правильные*».

Встречались также негативные и саркастические суждения, в которых содержались категоричные утверждения о российских ценностях: «*Алчность и меркантильность*»; «*Доминирование, жестокость*»; «*Застой, старые традиции, отрицание нового, регрессия*»; «*Сохраняются совковские ценности*»; «*Нефть*»; «*Равнодушие*»; «*Холопство*»; «*Сейчас в России набирает активность ценность денег и власти, остальное уходит*»; «*На данный момент нету у россиян ценностей*»; «*Как таковых ценностей нет*». Подобная мозаичность ответов демонстрирует широкий спектр мнений о ценностях российского общества.

Вопрос о приоритете интересов государства и личности вызвал затруднения почти у одной трети (32,9 %) опрошенных молодых людей (см. табл. 4). Они были условно обозначены как «не определившиеся». Еще одна треть (34,5 %) отдала предпочтение интересам государства и была отнесена к категории «коллективисты». Кроме того, к ним присоединились еще несколько человек, которые представили собственные ответы, например: «*Интерес государства как проявление интересов коллектива*»; «*Приоритетный характер имеют ценности государства, а государство должно заботиться о гражданах*». Некоторые респонденты уточнили, что приоритет должны иметь коллективные интересы именно общества, народа: «*В приоритете интересы общества, совокупности индивидов*»; «*Интересы народа*»; «*Интерес граждан, общества, личностей в целом,*

большинства»; «Приоритетный характер имеют интересы большинства трудящегося населения страны». Четверть респондентов (25,5 %) высказалась за первостепенное значение личных интересов и была причислена к категории «индивидуалисты». Два респондента уточнили: «Зависит от контингента личностей»; «Скорее отдельной личности в большей степени». Были респонденты, которые подчеркнули необходимость паритета государственных и личных интересов: «Сочетание интересов личности и государства»; «Интересы государства и интересы личности должны находиться в балансе и регулировать друг друга при необходимости»; «Никакие интересы не должны занижаться. Интерес отдельных личностей – это интерес всего государства». Встретились и два оригинальных ответа. Один человек обратил внимание на значимость религиозных интересов («Религиозные»); другой – на социальную сущность проблемы: «Интересы отдельного класса». Таким образом, хотя индивидуалисты и составляют значительную долю опрошенных, идеи коллективизма все же преобладают. Причем даже в тех случаях, когда молодые люди подчеркивают необходимость сочетания личных и общественных интересов.

Заключение

Подводя итоги, остановимся на следующих моментах. Прежде всего отметим, что среди калининградской молодежи преобладающее значение имеет гражданская идентичность, которая выражается в принципе «я –

житель / гражданин России». Серьезную роль играет региональная и локальная идентификация, которая демонстрирует связь с местом непосредственного проживания. Высокая степень глобальной самоидентификации обусловлена включенностью молодежи в мировое информационное пространство, активным использованием Интернета, социальных сетей и других средств коммуникации, а также определенным уровнем знаний о современном мире.

Напротив, геополитическая самоидентификация снижена, на что оказывает влияние как современная международная ситуация и ограничения по взаимодействию с европейскими странами, так и ощущение исторической принадлежности к территориальному и культурному пространству России. Что касается религиозной самоидентификации, то она сочетает в себе противоречивые черты. С одной стороны, существенной является доля верующих среди молодежи. С другой стороны, частота посещения ими религиозных мероприятий является незначительной. Кроме того, в системе ценностей молодежи религия занимает последнее место. Абсолютным приоритетом являются общечеловеческие ценности: здоровье, семья, дружба, любовь. Несмотря на индивидуалистический характер воззрений значительной части молодежи, все же преобладают идеи коллективизма и восприятия общественной пользы как личного блага. Возвращаясь к идее измерения ценностей, можно сделать вывод, что для молодежи Калининградской области характерно сочетание традиционных и секулярно-рациональных ценностей.

Таблица 4

Интересы государства или отдельной личности имеют приоритетный характер?

Вариант ответа	Всего					В том числе мужчины					В том числе женщины				
	18–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–35 лет	Итого	18–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–35 лет	Итого	18–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–35 лет	Итого
Интересы государства	33,3	34,4	30,8	37,8	34,5	50,0	40,5	31,9	41,7	38,8	12,5	29,2	29,5	34,9	30,7
Интересы отдельной личности	16,7	22,2	33,0	23,4	25,5	20,0	23,8	42,6	31,3	32,0	12,5	20,8	22,7	17,5	19,6
Затрудняюсь ответить	50,0	28,9	31,9	34,2	32,9	30,0	19,0	21,3	25,0	22,4	75,0	37,5	43,2	41,3	42,3
Другое (свой ответ)	0,1	14,4	4,4	4,5	7,1	0,1	16,7	4,3	2,1	6,8	0,1	12,5	4,5	6,3	7,4
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Социологический анализ системы ценностей и геополитической картины мира жителей Калининградской области в условиях международной напряженности».

The research was carried out within the framework of the Priority 2030 project: “A sociological analysis of the value system and the geopolitical picture of the world of residents of the Kaliningrad region in the context of international tension”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большая... 2008 – Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 10. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008.
- Бура 2020 – Бура Л.В. Психология национальной идентичности в современной молодежной среде // Гуманитарные науки. 2020. № 1 (49). С. 146–151.
- В Координационном центре... web – В Координационном центре стартовала серия мероприятий в вузах региона по формированию у молодежи общероссийской гражданской идентичности // <https://kantiana.ru/news/v-koordinatsionnom-tsentre-startovala-seriya-meropriyatiy-v-vuzakh-regiona-po-formirovaniyu-u-molode/>
- Вержибок 2014 – Вержибок Г.В. Ценностная система современной молодежи в условиях социальных изменений // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, № 2. С. 63–69.
- Грачев 2018 – Грачев А.В. Конфликтные аспекты формирования этнической и региональной идентичности молодежи // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 16–19.
- Доброхлеб и др. (ред.) 2022 – Доброхлеб В.Г., Хоткина З.А., Беликова М.В. (ред.). Гендерная панорама современной России. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022
- Зубок 2022 – Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10–30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2
- Зубок и др. 2022 – Зубок Ю.А., Александрова О.А., Буланова М.Б. и др. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование. Белгород: ООО Эпицентр, 2022. 360 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022
- Инглхарт, Вельцель 2011 – Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Комплексный план... web – Комплексный план основных мероприятий по реализации в Калининградской области в 2022–2025 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // <https://krasnoznamensk.gov39.ru/tinybrowser/files/post/2023/regionalnyy-plan-utverzhdn-gko.pdf>
- Кубагушева 2014 – Кубагушева Г.Р. Культурная и национальная самоидентификация индивида: аксиологический аспект // Казанская наука. 2014. № 4. С. 128–130.
- Лаппо 2013 – Лаппо М.А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.
- Маленков, Печеркина 2019 – Маленков В.В., Печеркина И.Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи // Социология. 2019. № 6. С. 249–262.
- Нечаева 2018 – Нечаева Н.А. Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 6–26.
- Полякова 2016 – Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2016. Т. 22, № 4. С. 22–42.
- Постановление... web – Постановление администрации городского округа «Город Калининград» от 9 июня 2022 года № 444 «Об утверждении комплексного плана основных мероприятий по реализации в муниципальном образовании «Городской округ «Город Калининград» в 2022–2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм. на 22 мая 2023 года) // <https://docs.cntd.ru/document/406123151>
- Радаев 2019 – Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1
- Санина 2014 – Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 3–11.
- Симонова 2008 – Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.

- Указ Президента Российской Федерации... web – Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
- Хоткина, Доброхлеб, Русанова 2018 – Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е. Гендерные проблемы в России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 135–149. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12
- Хрипунова и др. 2019 – Хрипунова О.Г., Поляруш А.А., Селиванова Е.В., Лунева Е.В. Гендерные особенности развития ценностных ориентаций студенческой молодежи // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 5. С. 24–36. DOI: 10.15293/2658-6762.1905.02
- Чупров, Зубок, Романович 2014 – Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014.
- Шадже 2022 – Шадже А.Ю. Идентичность молодежи в междисциплинарной парадигме // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 172–180. DOI: 10.34823/SGZ.2022.2
- Erikson 1975 – Erikson E.H. Life History and Historical Moment. New York, 1975.
- Erikson 1980 – Erikson E.H. Identity and Life Cycle. New York; London: W.W. Norton & Company, 1980.
- Inglehart 1990 – Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
- Inglehart 1997 – Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Saratovskogo universiteta. Seriya: *Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, vol. 14, no. 2, pp. 63-69.
- Grachev A.V., 2018. Conflict Aspects of the Formation of Ethnic and Regional Identity of Youth. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarniye issledovaniya*, no. 3 (20), pp. 16-19.
- Dobrokhleb V.G., Khotkina Z.A., Belikova M.V. (eds.), 2022. *Gender Panorama of Modern Russia*. Moscow, FNISC RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022
- Zubok U.A., 2022. Changing Social Reality: Reflection on Theoretical and Empirical Aspects of Sociological Research of Youth. *Nauchnii rezultat. Sociologiya i upravleniye*, vol. 8, no. 3, pp.10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2
- Zubok Yu.A., Alexandrova O.A., Bulanova M.B. et al., 2022. *Self-Regulation in the Youth Environment: Typologization and Modeling*. Belgorod, OOO Epicenter. 360 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022
- Inglehart R., Welzel C., 2011. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Sequence of Human Development*. Moscow, Novoye izdatelstvo.
- A Comprehensive Plan of the Main Measures for the Implementation in the Kaliningrad Region in 2022–2025 of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025*. URL: <https://krasnoznamensk.gov39.ru/tinybrowser/files/post/2023/regionalnyy-plan-utverzhdengko.pdf>
- Kubagusheva G.R., 2014. Cultural and National Identity of the Individual: The Axiological Aspect. *Kazanskaya nauka*, no. 4, pp. 128-130.
- Lappo M.A., 2013. Self-Identification: Direct, Indirect Explicit and Indirect Implicit Description of Identity by the Speaking Subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 372, pp. 28-32.
- Malenkov V.V., Pecherkina I.F., 2019. Patriotic Self-Identification in the System of Civic Orientations of Youth. *Sociologiya*, no. 6, pp. 249-262.
- Nechaeva N.A., 2018. Common Life Attitudes of Students: Their Role in Family and Gender Representations. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, no. 9, pp. 6-26.
- Polyakova N.L., 2016. “Identity” in Modern Sociological Theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i polotologiya*, vol. 22, no. 4, pp. 22-42.
- Resolution of the Administration of the Kaliningrad City District Dated June 9, 2022 No. 444 “On Approval of the Comprehensive Plan of Basic*

REFERENCES

The Great Russian Encyclopedia, 2008. Moscow, The Great Russian Encyclopedia.

Bura L.V., 2020. Psychology of National Identity in the Modern Youth Environment. *Gumanitarnie nauki*, no. 1 (49), pp. 146-151.

The Coordination Center Has Launched a Series of Events at Universities in the Region on the Formation of an All-Russian Civic Identity Among Young People. URL: <https://kantiana.ru/news/v-koordinatsionnom-tsentre-startovala-seriya-meropriyatiy-v-vuzakh-regiona-pο-formirovaniyu-u-molode/>

Verjibok G.V., 2014. The Value System of Modern Youth in the Context of Social Changes. *Izvestiya*

- Measures for the Implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 in the Municipal Formation "Kaliningrad City District" in 2022–2025" (As Amended on May 22, 2023)*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406123151>
- Radaev V.V., 2019. *Millennials. How Russian Society Is Changing*. Moscow, Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1
- Sanina A.G., 2014. The Genesis of the Idea of Identity in Sociology and Related Sciences. *Sociologicheskiye issledovaniya*, no. 12 (368), pp. 3-11.
- Simonova O.A., 2008. Towards the Formation of a Sociology of Identity. *Sociologicheskii jurnal*, no. 3, pp. 45-61.
- Decree of the President of the Russian Federation No. 809 Dated 11/19/2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
- Hotkina Z.A., Dobrohleb V.G., Rusanova N.E., 2018. Gender Issues in Russia and the Methodology of Their Analysis. *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 135-149. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12
- Hripunova O.G., Polyarush A.A., Selivanova E.V., Luneva E.V., 2019. Gender Peculiarities of the Development of Value Orientations of Students. *Science for Education Today*, vol. 9, no. 5, pp. 24-36. DOI: 10.15293/2658-6762.1905.02
- Chuprov V.I., Zubok U.A., Romanovich N.A., 2014. *Attitude to Social Reality in Russian Society: Socio-Cultural Mechanism of Formation and Reproduction*. Moscow, Norma Publ.
- Shadje A.U., 2022. Youth Identity in an Interdisciplinary Paradigm. *Socialno-gumanitarniye znaniya*, no. 2, pp. 172-180. DOI: 10.34823/SGZ.2022.2
- Erikson E.H., 1975. *Life History and Historical Moment*. New York.
- Erikson E.H., 1980. *Identity and Life Cycle*. New York; London, W.W. Norton & Company.
- Inglehart R., 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Inglehart R., 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ, Princeton University Press.

Information About the Author

Elena P. Zimovina, Candidate of Sciences (History), Researcher, Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russian Federation, zimelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6587-070X>

Информация об авторе

Елена Павловна Зимовина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, 14, 236041 г. Калининград, Российская Федерация, zimelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6587-070X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.6>

UDC 316.3
LBC 60.55

Submitted: 11.11.2023
Accepted: 08.02.2024

PUBLIC TRUST AS A MANAGEMENT RESOURCE IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Olga V. Zuyeva

Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. The object of the problem studied in the article is public trust in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The subject of the study is public trust as a resource that police leaders can use in managerial activities to achieve the goals of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An interdisciplinary approach combining sociological science and management sciences is used as a research methodology. Systemic, structural-functional, and communication approaches and the theory of resource dependence have made it possible to comprehensively consider the key role of a public trust resource in improving the effectiveness of the police. The article notes that the system of internal affairs bodies consists of organizations characterized by the presence of a management structure and coordinated actions of people focused on achieving a common goal. Turning to the theory of resource dependence, the author notes that the achievement of the goals of territorial internal affairs bodies depends on such an external resource as the public trust of citizens. The use of a public trust resource allows the police to minimize the antisocial behavior of citizens, establish relations of cooperation with citizens living in the serviced territory, and build a partnership model of relations with civil society institutions. The paper presents the author's structure of the phenomenon of public trust, which includes institutional and interpersonal trust. The blocks of interpersonal trust consist of trust acquired in the process of primary socialization, trust acquired by experience (personal interaction), and trust based on social reality. The author notes that public trust is the specific resource that ensures the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies and, at the same time, needs targeted managerial influence from the law enforcement structure. The main directions of the police to strengthen public trust include: the expansion of propaganda work among children; the involvement of the younger generation in volunteer movements; the development of the cadet movement; and the creation of a new approach to the implementation of information policy in the Internet space.

Key words: public trust, police, internal affairs bodies, management resource, cooperation, interaction.

Citation. Zuyeva O.V. Public Trust as a Management Resource in the System of Internal Affairs Bodies. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 52-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.6>

УДК 316.3
ББК 60.55

Дата поступления статьи: 11.11.2023
Дата принятия статьи: 08.02.2024

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ольга Владимировна Зуева

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Объектом исследуемой в статье проблематики является общественное доверие к органам внутренних дел Российской Федерации. Предмет исследования – общественное доверие как ресурс, который может использоваться руководителями полиции в управленческой деятельности для достижения целей территориальных органов МВД России. В качестве методологии исследования используется междисциплинарный подход, объединяющий социологическую науку и управленческие науки. Системный, структурно-функциональный, коммуникационный подходы и теория ресурсной зависимости позволили комплексно рассмотреть ключевую роль ресурса общественного доверия в повышении эффективности полиции. В статье отмечается, что система органов внутренних дел состоит из организаций, характеризующихся наличием управленческой структуры и скоординированными действиями людей, ориентированными на достижение

общей цели. Обращаясь к теории ресурсной зависимости, автор отмечает, что достижение целей территориальных органов внутренних дел зависит от такого внешнего ресурса, как общественное доверие граждан. Использование ресурса общественного доверия позволяет полиции минимизировать факты антиобщественного поведения граждан, наладить с гражданами, проживающими на обслуживаемой территории, отношения сотрудничества, построить партнерскую модель взаимоотношений с институтами гражданского общества. В работе представлена авторская структура феномена общественного доверия, включающая в себя институциональное и межличностное доверие. Блок межличностного доверия состоит из доверия, приобретенного в процессе первичной социализации, доверия, приобретенного опытным путем (личное взаимодействие), и доверия, основанного на социальной реальности. Автором отмечено, что общественное доверие является тем специфическим ресурсом, который обеспечивает эффективность деятельности органов внутренних дел и вместе с тем нуждается в целенаправленном управленческом воздействии со стороны правоохранительной структуры. К основным направлениям по укреплению общественного доверия полиции относятся: расширение пропагандистской работы среди детей, привлечение молодого поколения в волонтерские движения, развитие кадетского движения, выработка нового подхода к реализации информационной политики в интернет-пространстве.

Ключевые слова: общественное доверие, полиция, органы внутренних дел, управленческий ресурс, сотрудничество, взаимодействие.

Цитирование. Зуева О. В. Общественное доверие как управленческий ресурс в системе органов внутренних дел // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 52–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.6>

Введение

Важную роль в современном обществе играет общественное доверие. Оно является ресурсом, представляющим основу установления социальных отношений. Благодаря обществу доверию обеспечивается сотрудничество и стабильность в различных сферах жизнедеятельности. Н. Луман утверждает: «...доверие является необходимым условием развития современных обществ из-за их сложности, непрозрачности, из-за неуверенности, охватывающей все более широкие сферы, и преобладающего риска» [Luhmann 1979, 19]. Граждане готовы взаимодействовать, обмениваться информацией, делиться ресурсами только в том обществе, где присутствует высокий уровень доверия. Эффективность функционирования социальных институтов зависит от доверия. Легитимность политической системы обеспечивается доверием. Электорат выбирает политических лидеров и партии, ожидая, что данные политические субъекты будут действовать, представляя их интересы. На основе доверия работают такие экономические институты, как банки и страховые компании. Отношения между пациентами и врачами также строятся на основе доверительных отношений. Пациенты, будучи уверенными в профессионализме врачей, доверяют им свое здоровье и жизнь. Родители выбирают школу для ребенка либо абитуриенты выби-

рают высшее учебное заведение, ожидая получить качественное образование.

Не менее важную роль играет доверие к правоохранительной системе, в частности к полиции. Эффективное выполнение основных функций, включающих в себя обеспечение законности, общественной безопасности и поддержания порядка, невозможно без поддержки граждан. Люди доверяют полиции, поскольку она является гарантом защиты и обеспечения безопасности прав граждан. Общественное доверие является ресурсом органов внутренних дел, имеющим ключевое значение в решении основных задач, стоящих перед правоохранительным институтом. Оно позволяет органам внутренних дел формировать у граждан высокий уровень правовой культуры и снижать количество фактов антиобщественного поведения. Кроме того, такой ресурс, как общественное доверие, лежит в основе развития партнерской модели взаимоотношений полиции и институтов гражданского общества.

Система органов внутренних дел: понятие, ресурсы

В систему органов внутренних дел Российской Федерации входят: центральный аппарат МВД России, территориальные органы МВД России, научные, образовательные и иные организации и подразделения МВД России, созданные для выполнения задач и осу-

ществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел [Указ Президента РФ от 21.12.2016... web]. Иными словами, система органов внутренних дел состоит из организаций. В связи с этим целесообразно разобраться с понятием организации, ее типами и основными характеристиками.

В статическом смысле организация это структура, состоящая из группы людей, которые работают вместе для достижения общей цели. В динамическом смысле организация – это процесс определения, организации, группировки и распределения действий, которые должны выполняться для достижения целей. Согласно Луиз А. Аллен, организация является процессом определения и группировки выполняемой работы, определения и делегирования ответственности и полномочий, установления взаимоотношений с целью дать людям возможность наиболее эффективно работать вместе для достижения целей [Allen 1958]. Честер Барнард под организацией понимает систему сознательно скоординированных действий или сил двух или более человек [Барнард 2008, 15]. Джеймс Муни и Алан Рейли считали, что «организация – это форма любого человеческого объединения для достижения общей цели» [Дункан 1996, 26]. Из указанных определений становится ясно, что организация – это рациональная координация деятельности ряда людей для достижения некоторой общей цели посредством разделения труда и функций, а также иерархии полномочий и ответственности.

Ключевыми организациями в современном обществе, целью которых является обеспечение безопасности и правопорядка, являются территориальные органы МВД России (на региональном уровне это министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления МВД России по иным субъектам Российской Федерации) [Указ Президента РФ от 21.12.2016... web]. Исходя из типологии американского социолога Толкотта Парсонса, в основе которой лежат функции и цели организации, территориальные органы внутренних дел относятся к интегративным организациям. Интегративные организации – это те организации, которые обеспечивают мир и стабильность в обществе, избегая конфликтов. Помимо интегративных организаций

Парсонс выделил политические, экономические и организации по поддержанию модели [Парсонс... web]. В соответствии с теорией потребителя-бенефициара Питера Блау и Ричарда Скотта, выделивших четыре типа организаций (организации бизнеса, организации обслуживания, организации содружества, ассоциации взаимной выгоды), территориальные органы МВД России относятся к организациям содружества. Они выполняют большую часть услуг по защите человека и общества. Здесь общественность является ее основным бенефициаром. Армейские организации также относятся к организациям содружества [Blau, Scott 2023].

Макс Вебер выделил три типа организаций на основе осуществления полномочий: организации с традиционным типом власти, организации с законной или рациональной властью и организации с харизматическим авторитетом. Территориальные органы МВД России относятся к организациям с законной или рациональной властью. Здесь люди подчиняются приказам того уполномоченного лица, которое основано на законности [Вебер 1988].

Достижение целей организации возможно при наличии в ней соответствующих ресурсов. Как правило, в науке ресурсы делят на две группы: материальные и нематериальные. Материальные ресурсы – это те ресурсы, которые можно потрогать и увидеть. Они включают прежде всего кадровый ресурс, а также финансовые ресурсы, программное обеспечение, оборудование и т. д. Нематериальные ресурсы более абстрактны. К ним можно отнести интеллектуальную собственность, идеи или определенный набор навыков, необходимых для решения организационных задач. Кроме того, следует разделять ресурсы на внутренние, принадлежащие исключительно организации, и внешние, находящиеся за пределами организации, но которыми организация может воспользоваться для достижения своей цели. Общественное доверие относится к нематериальным внешним ресурсам полицейских организаций, благодаря которому повышается эффективность их деятельности.

К сожалению, ресурсы организации ограничены, что не может не отражаться на эффективности их деятельности. Территориальные органы внутренних дел испытывают

трудности как в наличии внутренних (финансы, кадры и т. д.), так и внешних ресурсов, таких как доверие и поддержка граждан. При этом стоит заметить, что по результатам ВЦИОМ уровень доверия граждан к институтам государственной власти, в том числе и к полиции, вырос. Если в 2021 г. полиции доверяло 57 % граждан, то в 2022 г. – уже 62 % [Доверие полиции... web]. По данным Левада-Центра *, также зафиксирован рост доверия граждан к полиции. В 2022 г. уровень общественного доверия достиг 41 %, в 2023 г. – 46 % [Институциональное доверие... web]. Несмотря на положительную динамику, работа по укреплению доверия граждан должна вестись на постоянной основе. Благодаря такому внешнему ресурсу, как общественное доверие, полиция может в полной мере успешно реализовывать такие направления деятельности, как: формирование правовой культуры граждан, сотрудничество с гражданами по обмену информацией о планируемых либо уже совершенных преступлениях, развитие и реализация партнерской модели взаимоотношений.

Ресурс общественного доверия в реализации отдельных направлений деятельности полиции

Органы внутренних дел играют важную роль в формировании правовой культуры граждан. Под правовой культурой понимаются взгляды, ценности, убеждения и отношение отдельной группы людей к праву [Фридман 1992]. Часто этот термин применяется для объяснения юридически и социально значимого поведения, основанного на убеждениях и установках, ориентированных на соблюдение закона. Пропагандистская работа, проводимая органами внутренних дел, выполняет не только информационную, но и воспитательную функцию по снижению противоправного поведения и повышению уровня правовой культуры граждан. Эффективность проводимой работы зависит от уровня общественного доверия. Выполнение гражданами рекомендаций сотрудников полиции, поддер-

жание инициатив органов внутренних дел – все это является результатом общественной поддержки граждан. Американский философ Ф. Фердик отмечает, что негативное восприятие полиции иногда является предшественником антисоциального поведения. Лица, которые либо считают полицию нелегитимной властью, либо неудовлетворительно ее оценивают, с большей вероятностью будут нарушать закон [Ferdik web]. Таким образом, общественное доверие способствует полиции эффективно осуществлять работу по снижению уровня антиобщественного противоправного поведения, основанного на повышении уровня правовой культуры.

Традиционные формы деятельности органов внутренних дел основаны на оперативном контроле, при котором только полиция несет ответственность за борьбу с преступностью. В настоящий момент имеется потребность в развитии таких форм деятельности, в основе которых лежат отношения сотрудничества полиции и общества. Существует большой потенциал использования гражданского капитала в борьбе с преступностью и создании более безопасных районов для проживания. Основной причиной повышенного внимания к использованию гражданского капитала является то, что у территориальных органов МВД России нет ресурсов для постоянного присутствия. Достаточно вспомнить заявление В.А. Колокольцева, в котором он отметил, что некомплект личного состава «уже является критическим» [Министр внутренних дел... web]. В такой ситуации особенно актуальной является помощь населения. Ведь только граждане знают все тонкости своего района. Они знают суть возникающих проблем и всегда могут сообщить о происходящих подозрительных событиях. В действительности активно участвуют в таких взаимодействиях не все граждане. Всероссийский центр изучения общественного мнения отмечает, что взаимодействие осуществляется в правильном направлении. Так, 68 % граждан готовы сообщать информацию о гражданине, который по объективной причине интересуется полицию [Полиция и граждане... web].

* Организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

Таким образом, общественное доверие является важным управленческим ресурсом в системе органов внутренних дел. В соответствии с теорией ресурсной зависимости организации зависят от ресурсов [Pfeffer, Salancik 1978]. Организации не могут быть полностью самодостаточными в отношении стратегически важных ресурсов для выживания. Чтобы эффективно выполнять свои задачи, им необходимо зависеть от ресурсов внешних сторон и тщательно управлять этой зависимостью. Управление как внутренними, так и внешними ресурсами имеет важное решающее значение для любой организации. Управление ресурсом общественного доверия полиции – это процесс успешного использования поддержки и доверия граждан для достижения цели органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности.

Эффективное управление данным ресурсом невозможно без теоретической проработанности данной проблемы. Идея о том, что доверие является постоянной и основной проблемой в социальных отношениях между людьми, подтверждается цитатой Г. Зиммеля: «Без общего доверия, которое люди испытывают друг к другу, само общество распадется» [Зиммель 2015, 170]. Контекстом этого высказывания является обсуждение взаимоотношений между людьми и конкретным социальным артефактом, а именно деньгами. Зиммель утверждает, что социальная эффективность денег не может быть основана на «рациональном доказательстве или личном наблюдении», а, скорее, должна быть основана на «доверии». Несмотря на появившиеся рассуждения о роли доверия в обществе, эта тема прочно закрепилась в социологических исследованиях лишь к 1980-м годам. Этому способствовали работы Барбера, Лумана, Гидденса и др.

С точки зрения Б. Барбера, доверие является интегративным механизмом, который создает и поддерживает солидарность в социальных отношениях и системах, то есть является «общественным благом» [Barber 1983]. Н. Луман признал, что общество не может существовать без доверия, потому что «доверие – это основной факт социальной жизни», и полное отсутствие доверия по-

мешало бы нам даже вставать по утрам. Доверие – это то, на что мы можем повлиять. Необходимость доверия также может рассматриваться как подходящая отправная точка для выработки правил надлежащего поведения или способов успешного действия в мире сложности и неопределенности [Luhmann 1979]. Э. Гидденс определяет доверие как уверенность, от которой может зависеть человек или система. В данном наборе последствий или событий эта уверенность выражает веру в честность, или любовь к другим, или веру в правильность абстрактных принципов. По мнению Э. Гидденса, установление «доверия» основано на уровне познания, то есть из-за «знания» или «глубокого понимания» возникает чувство доверия [Гидденс 2011].

Е. Усланер рассматривает доверие как интернализированную ценность, которая отражает то, как индивид должен воспринимать и должен вести себя по отношению к другим. Доверие, как правило, наследуется посредством культурной передачи и зависит от индивидуальной психологической предрасположенности, а не от ожиданий взаимности, личного опыта или предполагаемых мотиваций [Uslaner 2003]. Для Р. Хардина доверие концептуализируется как вера или ожидание, построенное на личном опыте общения с другими людьми и зависящее от их надежности. Здесь доверие рассматривается как оценка человеком другого человека, основанная на социальном познании [Hardin 2002]. Польский социолог П. Штомпка считает, что «доверие – “залог” (уверенность и опирающиеся на нее действия), свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [Штомпка 2012, 112]. Анализ ключевых социологических концепций позволяет охарактеризовать сущность феномена доверия с позиций социологической науки (см. табл. 1). Обобщение материалов исследователей в области доверия позволяет сделать вывод, что доверие является значимым ресурсом в социальных системах. Оно имеет важное значение для межличностных отношений, групповой динамики, гражданской вовлеченности и общества в целом.

Таблица 1

Основные социологические подходы к характеристике феномена доверия

Представители	Характеристика феномена доверия
Г. Зиммель	– это «вера в кого-то», которая может быть возложена на отдельных людей
П. Штомпка	– это залог, свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей... будут нам полезны
Н. Луман	– это основной факт социальной жизни; средство взаимодействия между социальными системами и представителями этих систем
Э. Гидденс	– это уверенность, от которой может зависеть человек или система
Б. Барбер	– это интегративный механизм общества, поддерживающий его солидарность
Ф. Фукуяма	– «наивное доверие» основано на вере в честность и добросовестность людей, «доверие на основе знаний» основано на опыте
Р. Хардин	– это вера или ожидание, построенное на личном опыте общения с другими людьми и зависящее от их надежности
Е. Усланер	– это ценность, обладающая признаками самооценности и существующая не «для того чтобы», а «потому что»

Для анализа доверия как фактора, влияющего на процесс социального развития, с нашей точки зрения, целесообразно использовать понятие общественного доверия. Если категория доверия скорее означает психологическую готовность полагаться на других людей, то общественное доверие относится к социальной динамике и отражает уровень доверия, существующего в обществе в целом. Общественное доверие отражает степень, в которой граждане доверяют друг другу, правительству и социальным институтам, включая полицию. Анализ работ ранее указанных ученых по исследуемой проблематике позволил выделить авторскую модель общественного доверия, включающую в себя следующие структурные элементы общественного доверия: межличностное доверие и институциональное доверие. Межличностное доверие, в свою очередь, имеет более сложную структуру и включает: доверие, полученное в ходе социализации; доверие, приобретенное на основе личного опыта взаимодействия; доверие, основанное на социальной реальности.

Межличностное доверие, полученное в ходе социализации, приобретает людьми еще в раннем возрасте. Это доверие рассматривается как моральная ценность, которой дети учатся от своих родителей. Люди также развивают моральное доверие, совершая или наблюдая за добрыми делами, такими как благотворительность и волонтерство. В процессе первичной социализации у людей формируется базовая склонность к доверию. Доверие, основанное на морали, развивается у людей с детства, отражает их личностные

характеристики, включая оптимизм, честность, сотрудничество, взаимность, уважение и доброжелательность. Межличностное доверие, основанное на характеристиках личности, сформированных в процессе первичной социализации, стабильно на протяжении всей жизни людей, поскольку личность нелегко меняется. Если люди разделяют общие ценности и нормы, межличностное доверие между ними выше.

Доверие, приобретенное на основе личного опыта взаимодействия. Поскольку человек социализируется всю сознательную жизнь, целесообразно полагать, что на этапе вторичной социализации может произойти либо укрепление, либо снижение уровня доверия. Люди, имеющие положительный опыт общения с другими людьми (представителями институтов государственной власти, например), хорошее отношение, качественное выполнение своих служебных обязанностей, повышают свое чувство доверия к окружающим, негативное, напротив, снижает.

Люди развивают доверительные отношения, исходя из своего участия в жизни общества. Социальная реальность становится основой формирования доверия [Tamilina... web]. В этой теории социальные и национальные характеристики (история, культура, этнический состав) или обстоятельства (равенство, уровень жизни, социальные институты) являются ключевыми детерминантами межличностного доверия. Например, исследования, проведенные в Китае, продемонстрировали, что восприятие закона и порядка гражданами, а также качество их жизни влияют на до-

верие к полиции [Sun et al. 2013]. Принимая во внимание концепцию доверия Петра Штомпки, мы можем легко заметить, что такие личностные черты индивидов, как, например, сотрудничество, честность и уважение, в культурах развитых и развивающихся стран весьма схожи [Штомпка 2012]. Тем не менее их общие уровни доверия отличаются. Это означает, что различия в уровнях доверия между странами могут обуславливаться экономическими, политическими и другими характеристиками, которые присущи этим странам.

Ряд исследователей отмечают, что чем более развита страна в плане демократии, тем меньше политики и власти считаются коррумпированными, и тем выше уровень доверия полиции. С доверием также связана проблема неравенства. Если значительная часть граждан испытывает невыгодные условия из-за неравенства и если это неравенство воспринимается как нелегитимное, доверие к институтам в целом снизится [Alalehto, Larsson... 2016].

Институциональное доверие – это доверие граждан к институтам. Граждане ожидают, что институты в соответствии со своими функциями, возложенными на них законом, будут действовать эффективно и этично. К сожалению, в настоящий момент даже в развитых странах легитимность полиции ставится под сомнение. Проблему легитимности полиции в Англии изучали Р. Хардинг и Л. Магуайр. В своем анализе они обратили внимание на существующий кризис в структуре полиции, который спровоцировал рекордно низкий процент обвинительных приговоров за изнасилование и тяжкие преступления [Harding, Maguire, Williams 2024].

Межличностное доверие основано на непосредственном опыте других людей из первых рук, в то время как институциональное доверие, как правило, приобретает косвенно и на расстоянии, обычно через средства массовой информации и социальное общение.

Межличностное доверие является выражением основных черт доверяющих личностей, тогда как институциональное доверие основано на оценке выполнения институциональных функций. Структура общественного доверия полиции представлена в таблице 2.

Авторская структура общественного доверия позволяет уйти от общепринятых современных подходов к определению основных направлений по укреплению доверия, связанных преимущественно с взаимодействием органов внутренних дел со средствами массовой информации и формированием морально-этического облика сотрудника полиции. Безусловно, указанные мероприятия должны быть учтены, но мы предлагаем более системно подойти к формированию ресурса общественного доверия.

Заключение

Выработанный подход, позволяющий рассмотреть структурные элементы доверия, дает возможность выделить основные направления по укреплению общественного доверия органам внутренних дел и использовать общественное доверие в качестве управленческого ресурса органов внутренних дел. Поскольку межличностное доверие формируется еще в детстве в процессе первичной социализации, считаем, что важным направлением является активная пропагандистская работа с детьми, проводимая сотрудниками отделов пропаганды территориальных органов МВД России. Руководству Министерства внутренних дел необходимо обратить внимание на увеличение штатной численности сотрудников указанных подразделений. Воспитание правовой культуры детей на этапе первичной социализации имеет первостепенное значение по снижению антиобщественного поведения. В процессе вовлечения детей и молодежи в волонтерские движения, обучения в

Таблица 2

Структура общественного доверия полиции

Общественное доверие			
Институциональное доверие	Межличностное доверие		
Эффективность функционирования институтов (информация из СМИ и социальное общение)	Первичная социализация (родители, детские сады, школа и т. д.)	Социальная реальность (политика, экономика, культура, уровень жизни и т. д.)	Опыт взаимодействия (непосредственное взаимодействие граждан с полицейскими)

суворовских училищах и кадетских классах, курируемых Министерством внутренних дел Российской Федерации, у молодого поколения формируется система ценностных ориентаций, направленная на соблюдение моральных и правовых норм, а также на готовность оказывать помощь правоохранительным структурам. Данная работа является «инвестицией» в будущее, обеспечивая устойчивый фундамент в формировании общественного доверия органам внутренних дел.

Социологическое обеспечение деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России необходимо осуществлять на регулярной основе. Мониторинги изучения общественного мнения должны проводиться не только для того, чтобы использовать результаты опросов для отчетных документов, но и для того, чтобы выявить проблемные моменты, связанные с выявлением причин неудовлетворенности граждан работой сотрудников полиции. Такая практика позволит выстроить органам внутренних дел с гражданами и институтами гражданского общества отношения сотрудничества и партнерства. Использование возможности привлечения граждан к профилактике, борьбе с преступностью обеспечит эффективное решение стоящих перед органами внутренних дел задач.

Овладение знаниями в области социологии дает возможность сотрудникам полиции качественно анализировать социальную структуру общества, его национально-этнические особенности, выявлять уровень социальной напряженности, прежде всего в сфере общественной безопасности, для выработки и реализации действенных мероприятий по укреплению доверия.

Учитывая особенности формирования институционального доверия, считаем, что ключевым направлением деятельности полиции по укреплению общественного доверия является взаимодействие со средствами массовой информации. Поскольку традиционные СМИ для значительной части населения уходят на второй план, особое внимание необходимо обращать на современные средства коммуникации (новые медиа). Развитие современных средств массовой коммуникации, таких как блогосфера, социальные сети, требует качественно нового подхода к реализации ин-

формационной политики и улучшению имиджа полиции в интернет-пространстве. Это позволит привлечь внимание более широкой аудитории к деятельности органов внутренних дел и улучшить их отношение к полиции.

Реализация указанных направлений позволит укрепить общественное доверие граждан к полиции. Поддержка и доверие граждан являются таким специфическим ресурсом, в который территориальные органы внутренних дел должны «инвестировать» на регулярной основе, чтобы использовать его в качестве управленческого ресурса для достижения целей органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности. Ключевое значение здесь имеет переосмысление руководителями проблематики общественного доверия полиции. Полицией целесообразно рассматривать общественное доверие не только как один из индикаторов эффективности деятельности полиции, но и как ресурс, необходимый для решения управленческих задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барнард 2008 – *Барнард Ч.* Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации. М.: Социум, 2008.
- Вебер 1988 – *Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
- Гидденс 2011 – *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Практикс, 2011.
- Доверие полиции... web – Доверие полиции: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring>
- Дункан 1996 – *Дункан У.Дж.* Основопологающие идеи в менеджменте. Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики. М.: Дело, 1996.
- Зиммель 2015 – *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Унив. кн., Центр гуманитар. инициатив, 2015.
- Институциональное доверие... web – Институциональное доверие: сентябрь 2023 [Левада-Центр] // <https://www.levada.ru/tag/politsiya/>
- Министр внутренних дел... web – Министр внутренних дел Колокольцев назвал некомплект личного состава критическим // <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/08/10/989506-kolokoltsev-nazval-nekomplekt-lichnogo-sostava-kriticheskim>

- Парсонс web – Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122] // https://igiti.hse.ru/data/153/314/1234/2_2_1Pars.pdf
- Полиция и граждане... web – Полиция и граждане: движение в правильном направлении [ВЦИОМ] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/policziya-i-grazhdane-dvizhenie-v-pravilnom-napravlenii>
- Указ Президента РФ от 21.12.2016... web – Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 17.07.2023) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41549>
- Фридман 1992 – Фридман Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, 1992.
- Штомпка 2012 – Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
- Alalehto, Larsson 2016 – Alalehto T., Larsson D. Measuring Trust in the Police by Contextual and Individual Factors // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2016. Vol. 46. P. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102296>
- Allen 1958 – Allen L.A. Management and Organization. N. Y.: McGraw-Hill, 1958.
- Barber 1983 – Barber B. The Logic and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.
- Blau, Scott 2003 – Blau P., Scott R. Formal Organizations. A Comparative Approach. Stanford, California: Stanford University Press, 2003.
- Blau, Scott web – Blau P., Scott R. Formal Organizations. A Comparative Approach // <http://www.sup.org/books/title/?id=6181>
- Ferdik web – Ferdik F. Citizen Satisfaction with the Police and College-Based Informal Social Controls: An Unexpected Finding [Journal of Criminal Justice. 2023. Vol. 87] // <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2023.102088>
- Hardin 2002 – Hardin R. Trust and Trustworthiness. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2002. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0266267104251392>
- Harding, Maguire, Williams 2024 – Harding R., Maguire L., Williams E. Competing Concepts of Public Value and Legitimacy in the Police: Organisational Challenges in the Investigation of Rape and Serious Sexual Offences // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2024. Vol. 76. Art. 100646. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100646>
- Luhmann 1979 – Luhmann N. Trust and Power. Chichester, John Wiley and Sons Inc., 1979.
- Pfeffer, Salancik 1978 – Pfeffer J., Salancik, G.R. The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. N. Y.: Harper & Row, 1978.
- Sun et al. 2013 – Sun I., Hu R., Wong D., He X., Li J. One Country, Three Populations: Trust in Police Among Migrants, Villagers, and Urbanites in China // *Social Science Research*. 2013. Vol. 42, № 6. P. 1737–1749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.08.002>
- Tamilina web – Tamilina L. Theories of Social Trust Formation: A Brief Literature Overview // https://mpira.ub.uni-muenchen.de/96511/2/MPRA_paper_96511.pdf
- Uslaner 2003 – Uslaner E.M. Varieties of Trust // *European Political Science*. 2003. Vol. 2. P. 43–49. DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2003.18>

REFERENCES

- Barnard Ch., 2008. *Executive Functions. Power, Incentives and Values in the Organization*. Moscow, Socium Publ.
- Weber M., 1988. Charismatic Domination. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 139–147.
- Giddens E., 2011 *Consequences of Modernity*. Moscow, Praxis Publ.
- Trust of Citizens of the Police: Monitoring*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring>
- Duncan W.J., 1996. *Fundamental Ideas in Management. Lessons of the Founders of Management and Management Practice*. Moscow, Delo Publ.
- Zimmel G., 2015. *Favorites. Problems of Sociology*. Moscow; Saint Petersburg, Univ. kn., Centr gumanit. initsiativ.
- Institutional Trust: 2023, September. *Levada*. URL: <https://www.levada.ru/tag/politsiya/>
- Interior Minister Kolokoltsev Called the Shortage of Personnel Critical*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/08/10/989506-kolokoltsev-nazval-nekomplektnogo-sostava-kriticheskim>
- Parsons T., 1993. The Concept of Society: Components and Their Relationships. *THESIS*, iss. 2, pp. 94–122. URL: https://igiti.hse.ru/data/153/314/1234/2_2_1Pars.pdf
- Police and Citizens: Moving in the Right Direction. *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/policziya-i-grazhdane-dvizhenie-v-pravilnom-napravlenii>

- Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 (As Amended on July 17, 2023) "On Approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by Subject".* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41549>
- Friedman L., 1992. *Introduction to American Law*. Moscow, Progress Publ.
- Shtompka P., 2012. *Trust Is the Basis of Society*. Moscow, Logos Publ.
- Alalehto T., Larsson D., 2016. Measuring Trust in the Police by Contextual and Individual Factors. *International Journal of Law, Crime and Justice*, vol. 46, pp. 31-42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102296>
- Allen L.A., 1958. *Management and Organization*. New York, McGraw Hill.
- Barber B., 1983. *The Logic and Limits of Trust*. New Brunswick, Rutgers University Press.
- Blau P., Scott R., 2003. *Formal Organizations. A Comparative Approach*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Ferdik F., 2023. Citizen Satisfaction with the Police and College-Based Informal Social Controls: An Unexpected Finding. *Journal of Criminal Justice*, vol. 87. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2023.102088>
- Hardin R., 2002. *Trust and Trustworthiness*. New York, Russell Sage Foundation. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0266267104251392>
- Harding R., Maguire L., Williams E., 2024. Competing Concepts of Public Value and Legitimacy in the Police: Organisational Challenges in the Investigation of Rape and Serious Sexual Offences. *International Journal of Law, Crime and Justice*, vol. 76, art. 100646. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2023.100646>
- Luhmann N., 1979. *Trust and Power*. Chichester, John Wiley and Sons Inc.
- Pfeffer J., Salancik G.R., 1978. *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. New York, Harper & Row.
- Sun I., Hu R., Wong D., He X., Li J., 2013. One Country, Three Populations: Trust in Police Among Migrants, Villagers, and Urbanites in China. *Social Science Research*, vol. 42, no. 6, pp. 1737-1749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.08.002>
- Tamilina L., 2018. *Theories of Social Trust Formation: A Brief Literature Overview*. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/96511/2/MPra_paper_96511.pdf
- Uslaner E.M., 2003. Varieties of Trust. *European Political Science*, vol. 2, pp. 43-49. DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2003.18>

Information About the Author

Olga V. Zuyeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, olgazueva-l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Зуева, кандидат социологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, olgazueva-l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.7>

UDC 316.3
LBC 60.54

Submitted: 26.11.2023
Accepted: 08.02.2024

**PROBLEMS AND PROSPECTS FOR SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE
WITH DISABILITIES IN SMALL TOWNS OF RUSSIA:
ACCORDING TO THE RESULTS OF THE AUTHOR'S RESEARCH**

Olga E. Fomina

Murom Institute (branch) of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Murom, Russian Federation

Svyatoslav B. Gulyaev

Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the author's research on the problems and prospects of social adaptation for young people with disabilities living in small towns in Russia. A comprehensive study was conducted in 2023 using sociological (observation, formalized survey) and psychological (projective techniques, art therapy) research methods. The aim of the study was to identify the factors of successful social adaptation among the people with disabilities (people with disabilities since childhood and people with acquired disabilities) living in the city of Murom, Vladimir region. Sociological data were obtained during the implementation of the project "Limitless Meetings," supported by a grant from the Federal Agency Rosmolodezh. The sample of the study was targeted ($n = 36$); the sample included people with disabilities of the musculoskeletal system and members of the Murom City public organization of support workers who are also people with disabilities, "Phoenix." During the implementation of the project, the participants were involved in proactive creative, cultural, leisure, and educational activities, which allowed the participants to focus their attention on the research goals. The scientific novelty and theoretical significance of the work lie in the development and testing of tools for a comprehensive study of the social adaptation of people with disabilities and the inclusion in the analysis of social adaptation of indicators of the impact of educational and creative activities on the satisfaction of project participants. As a result, the authors have identified the factors contributing to the successful adaptation of people with disabilities and also presented a promising model of their interaction in order to increase the effectiveness of social adaptation, which was tested during the implementation of the project. The analysis of the problems and prospects of social adaptation, as well as the assessment of the interaction model of the participants of the project "Limitless Meetings," were carried out based on the results of observation, a sociological survey, and the interpretation of data obtained as a result of the use of art therapy and projective techniques. It was revealed that the level of social adaptation of the project participants increased. This was influenced by: the intensive social interaction of project participants with volunteers; their acquisition of practical skills in social networking and resume writing; and the use of technologies for the active expression of creative abilities during art therapy sessions. The practical significance of the work is the data obtained during the successful implementation of the project and the involvement of people with disabilities with diseases of the musculoskeletal system in cultural, creative, educational, and artistic activities, which can be used by specialists in correctional and rehabilitation work in rehabilitation centers for the people with disabilities, social and educational institutions, and centers of additional education in order to increase the effectiveness of social adaptation.

Key words: social adaptation, people with disabilities, inclusion, socialization, sociological research, education, artistic creativity.

Citation. Fomina O.E., Gulyaev S.B. Problems and Prospects for Social Adaptation of People with Disabilities in Small Towns of Russia: According to the Results of the Author's Research. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 62-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.7>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ольга Евгеньевна Фомина

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Муром, Российская Федерация

Святослав Борисович Гуляев

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования проблем и перспектив социальной адаптации молодых инвалидов, проживающих в малых городах России. Комплексное исследование было проведено в 2023 г., использовались социологические (наблюдение, формализованный опрос) и психологические (проективные методики, арт-терапия) методы исследования. Цель исследования – выявление факторов успешной социальной адаптации инвалидов (инвалидов с детства и лиц с приобретенной инвалидностью), проживающих в городе Муроме Владимирской области. Социологические данные были получены в процессе реализации проекта «БезГраничные встречи», поддержанного грантом Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). Выборка исследования целевая ($n = 36$), в ее состав были включены лица с ограниченными возможностями опорно-двигательного аппарата, члены Муромской городской общественной организации инвалидов-опорников «Феникс». В ходе реализации проекта участники были вовлечены в проактивную творческую, культурно-досуговую и просветительскую деятельность, что позволило сфокусировать внимание участников на целях исследования. Научная новизна и теоретическая значимость работы заключаются в разработке и апробации инструментария комплексного исследования социальной адаптации людей с инвалидностью, включении в анализ социальной адаптации индикаторов влияния просветительской и творческой деятельности на удовлетворенность участников проекта. В результате авторами выделены факторы успешной адаптации инвалидов, а также представлена перспективная модель их взаимодействия с целью повышения эффективности социальной адаптации, апробированная в ходе реализации проекта. Анализ проблем и перспектив социальной адаптации, а также оценка модели взаимодействия участников проекта «БезГраничные встречи» были проведены по результатам наблюдения, социологического опроса, интерпретации данных, полученных в результате использования арт-терапии и проективных методик. Выявлено, что уровень социальной адаптации участников проекта повысился, на это оказали влияние: интенсивное социальное взаимодействие участников проекта с волонтерами; получение ими практических навыков ведения социальных сетей, написания резюме; использование технологий активного выражения творческих и креативных способностей в ходе арт-терапевтических занятий. Практическую значимость работы составляют данные, полученные в ходе успешной реализации проекта и вовлечения инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата в культурно-творческую, просветительскую и художественную деятельность, которые могут быть использованы специалистами коррекционной и реабилитационной работы в центрах реабилитации инвалидов, социальных и образовательных учреждениях, центрах дополнительного образования с целью повышения эффективности социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, инвалиды, инклюзия, социализация, социологическое исследование, просвещение, художественное творчество.

Цитирование. Фомина О. Е., Гуляев С. Б. Проблемы и перспективы социальной адаптации инвалидов в малых городах России: по результатам авторского исследования // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 62–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.7>

Введение

Современное российское общество переживает серьезный демографический кризис, для преодоления которого необходимо исследовать факторы, определяющие низкие показатели рождаемости, а также условия снижения показателей заболеваемости, смертности. В исследовании «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022» [Демографическое самочувствие... 2022] ученые-демографы Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова и др. приводят данные, свидетельствующие о том, что определенные демографические проблемы обусловлены показателями инвалидности как индикатора качества жизни населения страны. Указанные факты актуализируют необходимость социальной защиты человека с инвалидностью, предоставления ему помощи и поддержки, возможности жить полноценной жизнью в социуме [Васильева 2020].

В нашем исследовании используется устоявшееся понятие «инвалидность» как «нарушение здоровья человека с устойчивым расстройством функций организма, которое приводит к ограничению жизнедеятельности человека и выражается в полной или частичной утрате способности к труду, самообслуживанию, передвижению, ориентации, общению, контролю над своим поведением», представленное в Демографической энциклопедии [Ткаченко (ред.) 2013, 314].

Для выявления проблем и перспектив социальной адаптации были систематизированы труды российских ученых. Во-первых, это работы, в которых исследуются институциональные причины и последствия неэффективной социальной адаптации. Так, проблемы социальной адаптации являются причиной социального неравенства инвалидов в российском обществе [Андреева, Николаева 2022], а институциональные ограничения влияют на рейтинг инклюзивного развития регионов [Брюханова web]. Во-вторых, работы, в которых исследуются повседневные практики взаимодействия людей с ограниченными возможностями и с инвалидностью. Так, практики социальной адаптации определяют специфику социализации людей с ограниченными возможностями здоровья [Деточенко 2020], пре-

пятствуют социальной интеграции инвалидов в общество [Филатова 2021].

В-третьих, это работы, посвященные исследованию различных аспектов отношения общества к людям с инвалидностью, раскрывающие проблемы отторжения, стигматизации инвалидов и формы их самозащиты. В исследовании Е.Э. Носенко-Штейн рассматривается проблема стигматизации инвалидов; показано, как стигма становится барьером общественного сознания, не позволяющим инвалидам пройти социальную интеграцию в общество [Носенко-Штейн 2021]. Стигму как общественное явление, с которым сталкиваются инвалиды, описывает в работах, посвященных воспитанию детей-инвалидов с глубокими поражениями здоровья, С. Яркен [Yakren web]. В работах Т.Е. Лифановой и Е.Ю. Сычевой [Лифанова, Сычева 2019] приводятся результаты социологических исследований отношения молодежи к лицам с ограниченными возможностями.

Индикаторами социальной адаптации, выявленными на основе анализа работ российских исследователей, являются: наличие или отсутствие трудовой занятости, проактивного досуга, возможностей самореализации, удовлетворенность социальным взаимодействием, интенсивность социального взаимодействия, доступность объектов инфраструктуры и др.

Актуальность представленного исследования определяется тем, что если для жителей столичных регионов и крупных областных центров субъектов Федерации работа выстраивается комплексно [Мацукевич, Ярошенко 2022], то инвалиды, проживающие в районных и малых городах, в сельской местности, практически лишены возможности вести активный образ жизни, посещать культурно-массовые мероприятия и иметь досуговые занятия в свободное время, то есть не всегда создаются условия для культурной инклюзии (см. табл. 1).

По данным исследования Е.А. Брюхановой, оценивающего уровни инклюзивного развития регионов Российской Федерации, Владимирская область находится в категории «ниже среднего уровня». Вывод сделан при сопоставлении следующих данных: уровень развития высокотехнологичной инфраструктуры в реги-

оне; финансирование здравоохранения; показатели бедности и социального неравенства населения региона [Брюханова web].

Для повышения уровня инклюзивного развития Владимирской области в Муромском институте Владимирского государственного университета (МИ ВлГУ) с 2018 г. ежегодно проводится мониторинг удовлетворенности обучающихся образовательной и культурно-досуговой средой вуза, особое внимание при этом уделяется студентам с инвалидностью. В соответствии с законом «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон от 29.12.2012... web] в учреждениях образования для реализации программы инклюзии создаются следующие условия: профессиональная подготовка педагогов к работе с обучающимися-инвалидами, наличие специальной материально-технической базы, работа тьюторов и сопровождающих инвалида специалистов. Все это стало частью реализации «Конвенции о правах инвалидов» [Конвенция... web].

Развитие инклюзивной среды как одна из задач стратегии развития вуза до 2025 г.

включало создание Центра инклюзивного образования и психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью и ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья), что нашло отражение в ряде публикаций по проблеме создания комфортных условий для получения профессионального образования студентами с инвалидностью [Fomina 2018].

Также для повышения уровня инклюзивного развития Владимирской области социально ориентированные некоммерческие организации, государственные учреждения и иные организации региона активно принимают участие в федеральных целевых программах и конкурсах грантовой поддержки. Так, в МИ ВлГУ был разработан инклюзивный социально-образовательный проект «БезГраничные встречи», поддержанный в июне 2022 г. грантом Росмолодежи и направленный на вовлечение молодых инвалидов г. Мурома Владимирской области в просветительскую и культурно-досуговую творческую деятельность.

Таблица 1

Посещение культурно-развлекательных мероприятий инвалидами в возрасте 15 лет и более в 2022 г. (по данным комплексного наблюдения условий жизни населения), %

	Все респонденты	Из них					Справочно: все респонденты в возрасте 15 лет и более
		проживающие в городской местности	проживающие в сельской местности	лица в трудоспособном возрасте	лица в возрасте 16–29 лет	лица старше трудоспособного возраста	
Инвалиды в возрасте 15 лет и более – всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе в течение последних 12 месяцев были							
в кино	6,2	7,1	4,4	12,6	24,4	2,6	36,6
в театре	6,5	8,3	2,5	6,3	10,3	6,6	15,7
на концерте	8,6	8,3	9,4	9,9	12,9	7,9	20,0
на художественной выставке, в музее	5,3	6,7	2,2	5,6	0,5	5,1	12,2
в ресторане, кафе, баре	13,1	13,6	12,1	21,9	29,8	8,4	48,0
в религиозном учреждении	21,4	23,5	16,8	15,6	11,6	24,6	20,4
на каком-либо спортивном мероприятии в качестве зрителя	4,7	4,4	5,4	8,6	14,8	2,7	16,6
посетили хотя бы одно культурно-развлекательное мероприятие	18,9	20,2	16,1	23,8	37,0	16,1	52,7

Примечание. Источник: [Положение инвалидов web].

В рамках указанного проекта было проведено комплексное исследование, использовались социологические (наблюдение, формализованный опрос) и психологические (проективные методики, арт-терапия) методы, целью являлся поиск эффективных факторов успешной социальной адаптации инвалидов и студентов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. В ходе реализации проекта решались практические задачи: сформировать на базе МИ ВлГУ инклюзивный центр «БезГраничные встречи» для проведения культурно-досуговых и просветительских мероприятий; организовать культурно-творческий и просветительский досуг инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Кроме того, были поставлены методологические и методические задачи: разработать инструментарий и провести комплексное исследование.

Методология и методы исследования

Основными базами данных о численности инвалидов являются:

– во-первых, данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым общая численность инвалидов на 1 января 2023 г. составила 10 933 тыс. человек [Положение инвалидов web], это 7,5 % от численности постоянного населения России (146 447,4 тыс. чел.) [Оценка численности... web];

– во-вторых, по данным Управления Пенсионного фонда России в г. Муроме Владимирской области, на 1 марта 2022 г. среди постоянных жителей Мурома инвалидность имели 9 215 человек, что составляло 7,97 % от всего населения; инвалидов 1-й группы – 1 087 (0,94 %), инвалидов 2-й группы – 3 943 (3,41 %), инвалидов 3-й группы – 3 631 (3,14 %), детей-инвалидов – 555 (0,48 %) [Население Мурома... web];

– в-третьих, действующая с 2017 г. федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» (<https://sfri.ru>), в которой содержатся данные о числе инвалидов, половозрастных характеристиках, группах инвалидности и причинах ее возникновения, а также данные о трудоустройстве и занятости инвалидов. В системе пред-

ставлена информация, позволяющая лицам, имеющим инвалидность, получить онлайн-направление на медико-социальную экспертизу, оформить пенсию по инвалидности; опубликован список вакансий; оказывается помощь с трудоустройством и другие услуги. Воспользоваться предоставляемыми возможностями наиболее эффективно могут люди с инвалидностью, у которых социальная адаптация включена в систему социального действия.

Методологическую базу исследования составили положения теории «действия» немецкого социолога Х. Йоаса, основанные на прагматистских идеях У. Джеймса, Дж. Дьюи и интеракционизма Дж. Мида [Девятко 2003; Йоас 2005]. Вводя категорию «креативность» в изучение социального действия, Х. Йоас рассматривает творчество субъекта как фактор саморазвития индивида, который находится в постоянном движении и накладывает отпечаток на субъект действия, его цель и средства [Йоас 2010]. Представленные теории позволили конкретизировать индикаторы социальной адаптации, а именно структурировать социальные действия, определяющие социальную адаптацию людей с инвалидностью. С позиций современной социологии «социальное действие – это любое проявление социальной активности (деятельность, поведение, реакция, позиция и пр.), ориентированное на других людей. Это простейшая единица (единичный акт) социальной деятельности, предполагающая (учитывающая) определенные ожидания и реакцию других людей» [Ионин 1996, 41]. Также в процессе исследования использовались положения теории В.Б. Кефели, Т.И. Гориной об особенностях достигательной стратегии инвалидов [Кефели, Горина 2022].

Опираясь на положения теории Т. Парсонса, рассматривающего адаптацию, применительно к социальной системе, как одну из ее функций наряду с целедостижением и интеграцией [Парсонс 2000], были проанализированы формы адаптации социальных институтов к потребностям людей с инвалидностью. Методология исследования базировалась на положениях интерпретативного подхода (М. Вебер, П. Бергер, Г. Блумер, У. Джеймс, В. Дильтей, Т. Лукман, Дж. Мид, Р. Нисбет, Л. Росс, Э. Фромм и др.), который позволил сделать выводы по данным наблюдения. Ис-

ходный постулат – любые условия (социальные, психологические, политические или экономические), проектируемые как объективно комфортные, могут восприниматься акторами как дезадаптивные и неприемлемые [Вебер 1990; Кравченко 2001; Парето 1996]. В рамках выбранной методологии основной индикатор адаптации – уровень удовлетворенности актора. На основе концепции мотивационных потребностей А.В. Меренкова выделены следующие показатели удовлетворенности: достижениями в личной жизни, поставленными целями, признанием, самостоятельностью, самореализацией и др. [Меренков 2003, 22]. Таким образом, социальная адаптация участников проекта рассматривалась с позиции субъективной удовлетворенности жизнью.

Для выявления проблем и перспектив социальной адаптации инвалидов, проживающих в округе Муром, проведено комплексное исследование в рамках проекта «БезГраничные встречи». Постоянными участниками проекта стали инвалиды 1-й группы, члены Муромской окружной общественной организации инвалидов-колясочников «Феникс» (36 человек, см. табл. 2), основное заболевание – нарушение функций опорно-двигательного аппарата. Из 36 участников исследования лишь 7 могут передвигаться без вспомогательных средств (инвалидной коляски). 5 респондентов имеют высшее образование, 4 респондента получили среднее специальное образование, 13 человек имеют среднее (полное) общее образование, 12 участников эксперимента окончили курс основной общей школы, 2 обучаются в средней школе (надомники). Постоянное место работы имеет лишь 1 член общественной организации «Феникс», являясь индивидуальным предпринимателем и одновременно председателем ОО «Феникс».

Выбор проективных методик для проведения социологического исследования был связан с проблемами вербальной коммуникации, присущей 32 членам проекта из 36 человек. Нарушения речи (дизартрия) имеются у 30 участников проекта, у 2 человек – ярко выражена анартрия, что и определило выбор методов исследования.

Всего в различных мероприятиях проекта принимали участие 218 человек, кроме инвалидов 1-й группы, членов Муромской окружной общественной организации инвалидов-колясочников «Феникс»: члены семьей инвалидов (28 человек), студенты-волонтеры отряда «Добро» Муромского института ВлГУ (32 человека) и иные участники. Занятия с инвалидами проводились на базе Муромского института Владимирского государственного университета в оборудованном инклюзивном центре и на базе АНО ДО «Художественная студия “Атмосфера”», которая оборудована для проведения занятий для людей с ограниченными возможностями. Все занятия проводились регулярно, в соответствии с календарным планом. Каждая встреча проходила с привлечением волонтеров, членов семей инвалидов и специалистов, участников проекта. Встречи проходили в дружественной обстановке, после выполнения заданий проводились беседы, неформальное общение (рефлексия). Всего было проведено 26 мероприятий творческого и просветительского характера. Все мероприятия проекта освещались в социальных сетях и на официальном сайте вуза в сети Интернет: 58 публикаций с общим охватом просмотров – 107 102 человека.

Комплексное исследование проходило в три этапа:

– диагностическое исследование социальной адаптации инвалидов, членов Муромской городской общественной организации

Таблица 2

Структура выборки

Возраст респондентов	Количество мужчин (чел.)	Количество женщин (чел.)
17 лет	–	1
18–20 лет	3	3
21–25 лет	4	4
26–30 лет	5	4
31–35 лет	7	5
<i>Итого</i>	<i>19</i>	<i>17</i>

инвалидов-опорников «Феникс» в возрасте от 17 до 35 лет («Незаконченное предложение» по методике Сакса – Леви [Sacks, Levy 1950]; «Рисованный апперцептивный тест» [Собчик 2002]; проективная методика «Кактус» (графическая методика М.А. Панфиловой [Панфилова 2002]);

– исследование социальной адаптации инвалидов, участников проекта, методом формализованного опроса (авторская анкета-опросник, $n = 36$);

– контрольное исследование.

Исследование осуществлялось методом наблюдения за ходом реализации проекта по социальной адаптации людей с инвалидностью «БезГраничные встречи».

Результаты исследования

Для оценки внутренних мотивов, позволяющих выявить субъективную удовлетворенность жизнью участников эксперимента, в нашем исследовании по методике «Незаконченные предложения» были оценены следующие категории отношений испытуемых: отношение к себе, нереализованные возможности, отношение к будущему, отношение к друзьям, отношение к людям противоположного пола. В ходе диагностического этапа исследования были получены следующие результаты.

В категории «отношение к себе» максимальное, отчетливо выраженное положительное отношение было у 45 % респондентов. Положительно к себе относятся 28 % испытуемых. Нейтральное отношение к себе имеют 12 %. Отрицательно оценивают себя 9 %, и 6 % относятся к себе максимально отрицательно.

Оценивая «нереализованные возможности», респонденты указали: 66 % имеют нереализованные возможности в максимальной степени; 13 % имеют частично реализованные возможности; 8 % испытуемых реализовали свои возможности в получении образования и трудоустройства; 13 % ответили, что считают свои возможности полностью реализованными в аспекте их социальной востребованности: имеют образование, возможность трудовой деятельности и достаточно широкий круг общения (семейный, дружеский).

По шкалам «отношения к будущему» у 60 % респондентов нет уверенности в положительном и долгом течении жизни, 20 % высказались крайне отрицательно в отношении ожиданий будущего, нейтральное отношение к будущему отметили 13 % испытуемых, и 7 % высказали оптимистические прогнозы в отношении своего будущего.

Отвечая на вопросы, связанные с отношением к друзьям, лишь 18 % принимающих участие в опросе ответили, что у них имеются стойкие дружеские отношения, 36 % указали, что друзья у них есть, у 30 % есть по крайней мере один друг, и у 16 % имеются большие сложности с дружеским общением и взаимоотношением с друзьями.

Наибольшие сложности вызвали вопросы, касающиеся отношений с противоположным полом. Только у 13 % есть семья (двое респондентов женаты, у одного участника исследования есть дети). Однако создание семьи и рождение детей пришлось на время, когда у респондента не было проблем со здоровьем, а инвалидность стала следствием тяжелого онкологического заболевания. Длительные отношения с противоположным полом имели всего 27 % респондентов, мимолетные недолгие отношения были у 13 %, а у 47 % никогда не было романтических отношений с лицами противоположного пола.

Стимульный материал методики «Рисованный апперцептивный тест (РАТ)» представляет собой 8 карточек с крайне схематичными изображениями людей, находящихся в определенных ситуациях. Интерпретация результатов исследования показала, что у большинства респондентов имеется склонность к переуточнению (признак неуверенности, тревоги) – 57 %; склонность к депрессии (пессимистические высказывания) – 61 %; наблюдается неуверенность в будущем, неумение его планировать (незаконченность описания сюжета и отсутствие перспективы его развития) – 59 %; сознательное или бессознательное напряжение в отношении конфликтной ситуации, заложенной в картину, – 34 %; защитные тенденции в виде несколько однообразных сюжетов, в которых отсутствует конфликт, – 14 % респондентов.

В качестве проективной методики оценки взаимоотношения участников эксперимента

с социумом нами был выбран рисуночный текст «Кактус» (по методу М.А. Панфиловой), используемый в основном для работы с детьми и подростками, но в силу основных заболеваний участников референтной группы («детский церебральный паралич» с сильными спастическими проявлениями и парализация конечностей, связанная с заболеванием «Spina Bifida» и деструктивным поражением части позвоночного столба у некоторых из участников исследования), не позволяющих полностью контролировать процесс рисования, тест был применен ко взрослым людям.

Анализируя полученные графические материалы, нами сделан вывод о том, что из 36 участников эксперимента 4 человека имеют проблемы с эмоциональной стабильностью, у 2 респондентов имеются явные признаки агрессии, у 7 испытуемых – серьезные коммуникативные трудности, 18 человек чувствуют себя неуверенно и незащищенно, испытывают боязнь общения и страх перед новыми людьми, и лишь 5 тестируемых не имеют проблем с социальной адаптацией, проявляющейся в открытой и свободной коммуникации с окружающими.

На втором этапе для диагностики социальной адаптации инвалидов-колясочников нами была разработана авторская анкета-опросник, состоящая из 16 вопросов, охватывающих различные сферы взаимодействия людей с ограниченными возможностями здоровья с социумом. Ответы на вопросы оценивались в баллах: полностью удовлетворен – 0, скорее удовлетворен – 1, затрудняюсь ответить – 2, скорее не удовлетворен – 3, не удовлетворен полностью – 4.

Вопросы задавались в соответствии с индикаторами социальной адаптации, выделенными в результате исследования, шкалы формировались для измерения удовлетворенности: образованием; уровнем доходов; социальным положением, жилищно-бытовыми условиями; сферой услуг и сферой медицинского обслуживания; взаимоотношениями с близкими (супругами, родителями, друзьями и др.) и отношением незнакомых людей; положением в обществе и собственным образом жизни. Также оценивалась удовлетворенность сформированными возможностями для инвалидов: на рынке труда; для проведения досу-

га; реализации способностей и профессиональных навыков.

Результаты интерпретировались следующим образом: чем выше средний балл, тем ниже уровень удовлетворенности жизнью и, соответственно, уровень социальной адаптации. Полностью удовлетворенных жизнью в целом среди опрошенных не было. Ответы «скорее удовлетворен» присутствуют лишь у 20 % респондентов, затруднились ответить на большинство вопросов также 20 %, «скорее не удовлетворены» своей жизнью 33 % участников опроса, и 27 % опрошенных полностью не удовлетворены жизнью и показали низкий уровень социальной адаптации в обществе.

В ходе формализованного опроса были заданы и открытые вопросы, по результатам интерпретации получены следующие данные. В г. Муроме инвалиду-колясочнику невозможно найти официальную работу, так как для этого, во-первых, отсутствует необходимая городская среда, инфраструктура, что провоцирует проблемы с передвижением по городу. Во-вторых, фиксируется неготовность руководителей предприятий и организаций принимать на работу инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Третьей проблемой все 36 респондентов назвали «пренебрежительное, презрительное и порой оскорбительное отношение» к ним окружающих незнакомых людей. В то же время сопоставление результатов, полученных разными методами исследования, показало зависимость уровня социальной адаптации от наличия опыта работы, трудоустройства. Двое из участников эксперимента имеют опыт временной работы, которую искали самостоятельно через платформу онлайн-рекрутинга HeadHunter.

В плане коммуникативной составляющей социальной адаптации выявлены проблемы, связанные со сниженной потребностью в общении с кем-либо, кроме самого близкого круга (члены семьи, социальные работники, медицинские работники); отсутствием позитивного досуга, возможностей заниматься творческой деятельностью. Также все 36 участников исследования отметили, что у них имеются трудности с получением достойного образования; очень низка возможность найти востребованную и высокооплачиваемую работу на рынке труда (даже в удаленном формате),

что 12 респондентов связали с неумением грамотно и корректно составить резюме и пройти собеседование с потенциальным работодателем. Участники проекта отметили, что ощущают сложности в организации собственного досуга и коммуникации, они по-другому усваивают информацию и обмениваются ею, что ведет к серьезным проблемам социальной адаптации.

На третьем этапе в контрольном исследовании по методике «Незаконченные предложения» были получены следующие результаты. В категории «отношение к себе» максимальное, отчетливо выраженное положительное отношение было у 67 % респондентов. Положительно к себе относятся 20 % испытуемых. Нейтральное отношение к себе имеют 13 %. Отрицательно оценивающих себя на контрольном этапе не выявлено.

Оценивая категорию «нереализованные возможности», респонденты указали, что 20 % из них имеют нереализованные возможности в максимальной степени; 33 % показали, что имеют частично реализованные возможности, а 33 % испытуемых считают, что реализовали свои возможности. По-прежнему 13 % респондентов ответили, что считают свои возможности полностью реализованными.

По шкалам «отношения к будущему» произошли значительные положительные изменения. Лишь у 13 % респондентов нет уверенности в положительном и долгом течении жизни, еще 13 % высказались крайне отрицательно в отношении ожиданий будущего, нейтральное отношение к будущему отметили 27 % испытуемых, и 47 % высказали оптимистические прогнозы в отношении своего будущего.

Отвечая на вопросы, связанные с отношением к друзьям, 33 % принимающих участие в опросе ответили, у них имеются стойкие дружеские отношения, 40 % указали, что друзья у них есть, у 20 % есть по крайней мере один друг, но у 7 % по-прежнему имеются большие сложности с дружеским общением и взаимоотношением с друзьями.

Отвечая на вопрос, касающийся отношений с противоположным полом, респонденты не изменили своего мнения, высказанного в ходе диагностического исследования. К сожалению, повлиять на эту сторону межличностных отношений наш проект не смог.

Вторая методика, используемая нами в диагностическом и контрольном этапах исследования «Рисованный апперцептивный тест», показала, что у большинства респондентов снизились негативные реакции: признаки неуверенности, тревоги показали 20 % участников проекта; пессимистические высказывания (склонность к депрессии) – 20 %; незаконченность описания сюжета и отсутствие перспективы его развития (неуверенность в будущем, неумение его планировать) – 33 %; сознательное или бессознательное напряжение в отношении конфликтной ситуации, заложенной в картине, – 20 %, защитные тенденции в виде несколько однообразных сюжетов, в которых отсутствует конфликт, показали 7 % респондентов.

Для исследования социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья на контрольном этапе нами вновь была использована авторская анкета-опросник. Подведя результаты, полученные в ходе опроса, мы отмечаем значительную положительную динамику социальной адаптации целевой группы участников проекта: 20 % респондентов показали, что полностью удовлетворены своей жизнью в целом, 33 % участников эксперимента ответили – «скорее удовлетворен», затруднились ответить на большинство вопросов также 20 %, «скорее не удовлетворены» своей жизнью 13 % участников опроса, и 13 % полностью не удовлетворены своей жизнью и по-прежнему имеют низкий уровень социальной адаптации в обществе.

Анализируя полученные в ходе контрольного исследования графические материалы (рисуночный текст «Кактус»), нами сделан вывод о том, что у всех 36 участников проекта показатели эмоциональной стабильности возросли, снизились признаки внешней агрессии и улучшились показатели отношения к себе. 40 % респондентов перестали бояться общения с незнакомыми людьми, 27 % стали проявлять минимум агрессии по отношению к окружающим, 20 % стали чувствовать себя увереннее при общении со здоровыми людьми, 13 % отметили, что рады возможности встреч с новыми людьми и их самооценка повысилась.

Таким образом, наше контрольное исследование показало, что участники проекта стали

более социально адаптированы, у них появились навыки коммуникации с незнакомыми людьми, они получили положительный опыт художественно-творческой деятельности, способствующей самореализации и раскрытию своих творческих способностей, позитивному общению со здоровыми людьми, с которыми у них была возможность совместной творческой деятельности.

Обсуждение результатов исследования

Наблюдение осуществлялось в ходе реализации проекта. Индикаторы наблюдения – структурные элементы процесса социального взаимодействия в рамках осуществления межличностного общения и групповых занятий людей с инвалидностью совместно с волонтерами (студенты-волонтеры отряда «Добро» МИ ВлГУ), специалистами по арт-терапии и экспертами.

Наблюдение проходило в рамках:

- обучения навыкам работы с различными художественными материалами (работа с кистью, мастихином, техникой тампонирования, пальчиковые методики);
- развития мелкой моторики через овладение приемами работы с шерстью (кручение, валяние, растаскивание, смешение, разминание, катание и т. д.);
- нейрографического рисования;
- рефлексии, интерактивных лекций и презентаций.

В результате наблюдения зафиксированы условия снятия барьеров коммуникации, к ним относятся: знакомство участников проекта, отработка навыков написания резюме, самопрезентация в процессе ведения социальных сетей и освоения мобильной фотографии. Перспективным для развития социальной адаптации является использование арт-терапии как технологии развития навыков коммуникации, в результате которой снимаются барьеры стигматизации инвалидов (стигматизация фиксируется как смущение волонтеров при коммуникации с людьми, испытывающими речевые затруднения) при общении с волонтерами.

В процессе наблюдения зафиксировано повышение интенсивности совместной работы людей с инвалидностью и членов их се-

мей со студентами-волонтерами (интенсивность увеличивалась с каждым днем реализации проекта – в период с 6 сентября 2022 г. по 30 мая 2023 г.). Интенсивность фиксировалась как число контактов в результате взаимодействия: помощь с трудными моментами в художественной деятельности, техническая поддержка, свободное общение как обсуждение сюжета работы, процесса его создания, итогового продукта художественного творчества.

Выявлено, что на успешную социальную адаптацию лиц с заболеваниями опорно-двигательного аппарата влияет уровень овладения практическими навыками, полученными членами проекта в ходе его реализации. Перспективным стало бы повышение доступности для людей с инвалидностью мероприятий по социальной адаптации, так как по итогам реализации проекта четыре человека смогли пройти собеседование и получить работу, два человека нашли удаленную работу, восемь человек стали активно вести социальные сети (ВКонтакте) и расширили круг своего общения, двенадцать человек стали постоянными участниками творческих мастер-классов и проходят обучение по изобразительной деятельности в студии «Атмосфера», два человека записались на курсы обучения навыкам работы на компьютере в Центр дополнительного образования Муромского института Владимирского государственного университета.

Таким образом, на основе данных, полученных в ходе реализации проекта, можно сделать вывод, что к факторам успешной социальной адаптации людей с инвалидностью можно отнести социальную среду активной включенности инвалидов в совместное взаимодействие со здоровыми людьми, что позволяет людям с ограниченными возможностями здоровья найти себе не только занятие по душе, но и реализовать свои потребности в самораскрытии и творческом выражении своего «Я», получить «мягкие навыки», помогающие в трудоустройстве или получении образования.

В ходе наблюдения за рефлексией участников проекта была выявлена проблема, связанная с определенными сложностями вовлечения инвалидов в культурно-досуговую и просветительскую деятельность. У инвалидов, проживающих в малых городах, недостаточно

возможностей для доступных путешествий, особенно связанных с экскурсионными поездками в другие города, фиксируется нехватка доступных туристических программ путешествий для инвалидов и лиц с ОВЗ, что обусловлено нехваткой денежных средств, так как в основном средства тратятся на реабилитацию и лекарственные препараты, возможность поехать на экскурсии с семьей минимальна.

В итоге можно констатировать, что факторами успешной социальной адаптации инвалидов (инвалидов с детства и лиц с приобретенной инвалидностью), проживающих в городе Муроме Владимирской области, являются: на уровне повседневных практик – наличие семьи, друзей, работы; на институциональном уровне – комплексная поддержка программ трудоустройства, развитие инфраструктуры малых городов, организации досуга для лиц с инвалидностью. Основные проблемы – закрытость инвалидов от взаимодействия с социумом, а перспективной стратегией является расширение социальных контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева, Николаева 2022 – *Андреева К.Э., Николаева А.А.* Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России // Вестник университета. 2022. № 10. С. 215–222.
- Брюханова web – *Брюханова Е.А.* Позиционирование Красноярского края среди регионов РФ по уровню инклюзивного развития [Региональная экономика и управление: электрон. науч. журнал. 2022. № 4 (72)] // <https://ee-region.ru/article/7221/>
- Васильева 2020 – *Васильева Ю.В.* Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации // *Ex Jure*. 2020. № 2. С. 131–141.
- Вебер 1990 – *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
- Девятко 2003 – *Девятко И.Ф.* «Классические» интерпретативные теории деятельности // *Социологические теории деятельности и практической рациональности*. М.: Аванта Плюс, 2003. С. 100–122.
- Демографическое самочувствие... 2022 – *Демографическое самочувствие регионов России*. Национальный демографический доклад – 2022. М.: ИТД «Перспектива», 2022.
- Деточенко 2020 – *Деточенко Л.С.* Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23, № 2. С. 87–103.
- Ионин 1996 – *Ионин Л.Г.* Социология как культурный анализ // *Основания социокультурного анализа: учеб. пособие*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 41–75.
- Йоас 2010 – *Йоас Х.* Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире // *Социологические исследования*. 2010. № 8. С. 112–122.
- Йоас 2005 – *Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
- Кефели, Горина 2022 – *Кефели В.Б., Горина Т.И.* Некоторые особенности достигательной стратегии инвалидов // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 7 (173). С. 39–46.
- Конвенция... web – Конвенция о правах инвалидов // <http://duma.gov.ru/news/6772/>
- Кравченко 2001 – *Кравченко Е.И.* Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // *Социологический журнал*. 2001. № 3. С. 121–141.
- Лифанова, Сычева 2019 – *Лифанова Т.Е., Сычева Е.Ю.* Социологическое исследования отношения молодежи к лицам с ограниченными возможностями // *Научный журнал «Дискурс»*. 2019. № 12 (38). С. 134–145.
- Мацукевич, Ярошенко 2022 – *Мацукевич О.Ю., Ярошенко Н.Н.* Инклюзивные креативные практики в развивающем пространстве российской культуры // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2022. № 5 (109). С. 133–141.
- Меренков 2003 – *Меренков А.В.* Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. горно-геол. акад., 2003. 228 с.
- Население Мурома... web – *Население Мурома [Численность населения Мурома]* // <https://awdb.ru/vladimirskaya-obl/murom/>
- Носенко-Штейн 2021 – *Носенко-Штейн Е.Э.* Выйти за пределы «гетто»: стигма инвалидности и попытки ее преодоления // *Вестник антропологии*. 2021. № 1 (53). С. 36–49.
- Оценка численности... web – *Оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. [Оперативные показатели]* // <https://rosstat.gov.ru/>
- Панфилова 2002 – *Панфилова М.А.* Графическая методика «Кактус» // *Обруч*. 2002. № 5. С. 12–13.
- Парето 1996 – *Парето В.* Трансформация демократии // *Западноевропейская социология XIX – начала XX веков*. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 23–56.

- Парсонс 2000 – Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2000.
- Положение инвалидов web – Положение инвалидов // <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
- Собчик 2002 – Собчик Л.Н. Рисованный апперцептивный тест. СПб.: Речь, 2002.
- Ткаченко (ред.) 2013 – Ткаченко А.А. (ред.). Демографическая энциклопедия. М.: Энциклопедия, 2013.
- Федеральный закон от 29.12.2012... web – Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174
- Филатова 2021 – Филатова Е.В. Социально-психологические барьеры, препятствующие социальной интеграции инвалидов в общество // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 76–79.
- Fomina 2018 – Fomina O.E. Psychological and Pedagogical Support of Disabled Students in University Educational Area // Research Paradigms Transformation in Social Sciences. Vol 35. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. London: Future Academy. P. 368–373. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.43>
- Sacks, Levy 1950 – Sacks J.M., Levy S. The Sentence Completion Test // Projective psychology. N. Y.: Knopf, 1950. P. 357–402.
- Yakren web – Yakren S. “Wrongful Birth” Claims and the Paradox of Parenting a Child with a Disability [Fordham Law Review. 2018. Vol. 87 (2). P. 583–628] // <https://www.researchgate.net/publication/328789845>
- deyatelnosti i prakticheskoiy racionalnosti. Moscow, Avanta Plus Publ., pp. 100-122.
- Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report – 2022. Moscow, ITD «Perspectiva».
- Detochenko L.S., 2020. The Specifics of Socialization of the Disabled: The Experience of Narrative Reconstruction. *Jurnal sociologii i socialnoy antropologii*, vol. 23, no. 2, pp. 87-103.
- Ionin L.G., 1996. Sociology as a Cultural Analysis. *Osnovaniya socioculturnogo analiza: ucheb. posobie*. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, pp. 41-75.
- Yoas H., 2010. Action Is the State in Which People Exist in the World. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 112-122.
- Yoas H., 2005. *Creativity of Action*. Saint Petersburg. Aleteya Publ.
- Kefeli V.B., Gorina T.I., 2022. Some Features of the Achievement Strategy of the Disabled. *Teoriya i praktika obchestvennogo razvitiya*, no. 7 (173), pp. 39-46.
- Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. URL: <http://duma.gov.ru/news/6772/>
- Kravchenko E.I., 2001. Theory of Social Action: From Max Weber to Phenomenologists. *Sociologicheskij jurnal*, no. 3, pp. 121-141.
- Lifanova T.E., Sycheva E.Yu., 2019. Sociological Research of the Attitude of Youth to Persons with Disabilities. *Nauchnyy jurnal «Diskurs»*, no. 12 (38), pp. 134-145.
- Matsukevich O.Yu., Yaroshenko N.N., 2022. Inclusive Creative Practices in the Developing Space of Russian Culture. *Vestnik Moscovskogo universiteta culturi i iskusstv*, no. 5 (109), pp. 133-141.
- Merenkov A.B., 2003. *The System of Determination of Human Activity*. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. gorno-geol. acad. 228 p.
- Naselenie Muroma. *Chislennost naseleniya Muroma*. URL: <https://awdb.ru/vladimirskaya-obl/murom/>
- Nosenko-Stein E.E., 2021. To Go Beyond the “Ghetto”: The Stigma of Disability and Attempts to Overcome It. *Vestnik antropologii*, no. 1 (53), pp. 36-49.
- Estimation of the Permanent Population as of January 1, 2023. *Operational Indications*. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
- Panfilova M.A., 2002. Graphic Technique “Cactus”. *Obruch*, no. 5, pp. 12-13.
- Pareto V., 1996. The Transformation of Democracy. *Zapadnoevropeiskaya sociologiya XIX – nachala XX vekov*. Moscow, Mejdunar. un-t biznesa i upravleniy, pp. 23-56.
- Parsons T., 2000. *On the Structure of Social Action*. Moscow, Academ. proekt.

REFERENCES

- Andreeva K.E., Nikolaeva A.A., 2022. Life of People with Disabilities: World Experience and Development Trends in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 215-222.
- Bryukhanova E.A., 2022. Positioning of the Krasnoyarsk Territory Among the Regions of the Russian Federation in Terms of Inclusive Development. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy jurnal*, no. 4 (72). URL: <https://eee-region.ru/article/7221/>
- Vasilyeva Yu.V., 2020. Social Employment of Disabled People in the Russian Federation and International Norms in the field of Employment and Employment of Disabled People: Problems of Implementation. *Ex Jure*, no. 2, pp. 131-141.
- Weber M., 1990. Basic Sociological Concepts. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ., pp. 602-643.
- Devyatko I.F., 2003. “Classical” Interpretative Theories of Activity. *Sociologicheskie teorii*

- Situation of Persons with Disabilities*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
- Sobchik L.N., 2002. *Hand-Drawn Apperceptive Test*. Saint Petersburg, Rech Publ.
- Tkachenko A.A. (ed.), 2020. *Demographic Encyclopedia*. Moscow, Encyclopedia Publ.
- Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (ed. of 02.07.2021), "On Education in the Russian Federation" (With Amendments and Additions, Effective from 01.09.2021)*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174
- Filatova E.V., 2021. Socio-Psychological Barriers. Hindering the Social Integration of Disabled People into Society. *Uspehi gumanitarnih nauk*, no. 1, pp. 76-79.
- Fomina O.E., 2017. Psychological and Pedagogical Support of Disabled Students in University Educational Area. *Research Paradigms Transformation in Social Sciences. Vol 35. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. London, Future Academy, pp. 368-373. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.43>
- Sacks J.M., Levy S., 1950. The Sentence Completion Test. *Projective Psychology*. New York, Knopf, pp. 357-402.
- Yakren S., 2018. "Wrongful Birth" Claims and the Paradox of Parenting a Child with a Disability. *Fordham Law Review*, vol. 87 (2), pp. 583-628. URL: <https://www.researchgate.net/publication/328789845>

Information About the Authors

Olga E. Fomina, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Social, Humanitarian and Legal Disciplines, Murom Institute (branch) of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Orlovskaya St, 23, 602200 Murom, Russian Federation, olgazemskova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0959-4557>

Svyatoslav B. Gulyaev, Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotieva St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, sviatoslav2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9022-7687>

Информация об авторах

Ольга Евгеньевна Фомина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Орловская, 23, 602200 г. Муром, Российская Федерация, olgazemskova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0959-4557>

Святослав Борисович Гуляев, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, sviatoslav2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9022-7687>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.8>

UDC 130.12
LBC 87.52

Submitted: 08.01.2024
Accepted: 08.02.2024

STRATEGIES FOR MASTERING SUFFERING IN CULTURE

Elena V. Grudtseva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of suffering as a component of human subjectivity. The factors that determine the unavoidability of suffering in human life are highlighted. The dynamics of the meanings of the word “suffering” are shown from the original meanings associated with the concepts of “death” and “hard work” to modern meanings grouped around the experience of pain, death, and guilt. At the same time, the essential features of existential suffering are a lack of freedom and destructiveness. The features of the strategy of avoiding suffering as an experienced state are analyzed: at the early stages of historical development; in religious concepts; in Epicurean philosophy; in hedonistic theories. Using the example of the analysis of archaic initiation practices that determined the life cycles of an individual and society, the ambivalent role of the painful trials and sufferings that accompanied them is described: as an indicator of readiness to transition to a new status and as a factor of coercion in an undesirable social role. The tendencies of rethinking suffering in the period of Axial time are shown (the formation of a “suffering person”; voluntary acceptance of suffering; the appearance of a bundle of “suffering and redemption” in the Abrahamic religions). A feature of religious strategies of escape from suffering is the withdrawal of a state without suffering beyond the real world and the promise of existence without suffering after death. The consequences of the reinterpretation of suffering, characteristic of modern society, as an existential experience that adjusts a person to a passive life position and the living of pleasures are considered. The positive and negative aspects of suffering are highlighted, as well as the dual relationship of suffering with meaning: on the one hand, suffering itself assumes the existence of a meaning that must be discovered; on the other hand, the subject himself is called upon to fill the meaning of the suffering situation. The meaning here is what helps to survive the irremediable suffering. Giving a situation of suffering meaning changes the personal attitude of the sufferer, increasing his chances of overcoming the situation and, more importantly, ensuring his moral safety. Personal strategies for understanding suffering are described. The conclusion is made about the ambivalence of the phenomenon of suffering, its dialectical connection with pleasure, its dependence on the spiritual mood, as well as the influence of meaningful suffering on the processes of personal development.

Key words: suffering, existential suffering, meaning of suffering, suffering person, strategy of avoiding suffering, strategy of voluntary acceptance of suffering, positive and negative aspects of suffering, suffering as a factor of personal development.

Citation. Grudtseva E.V. Strategies for Mastering Suffering in Culture. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 75-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.8>

УДК 130.12
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 08.01.2024
Дата принятия статьи: 08.02.2024

СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ СТРАДАНИЯ В КУЛЬТУРЕ

Елена Владимировна Грудцева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию страдания как составляющей человеческой субъективности. Выделены факторы, обуславливающие неустранимость страдания из человеческой жизни. Показана динамика значений слова «страдание» от исходных смыслов, связанных с концептами «смерть» и «тяжелая работа», до современных значений, группирующихся вокруг переживания боли, смерти и вины. При этом сущностными чертами экзистенциального страдания являются несвобода и деструктивность. Проанализированы особенности стратегии избегания страдания как переживаемого состояния: на ранних этапах исторического развития; в религиозных концепциях; в философии эпикурейцев; в гедонистических теориях. На примере анализа архаических практик инициации, определявших жизненные циклы индивида и общества, описана амбивалентная роль сопровождавших их мучительных испытаний и страданий: как показателя готовности к переходу к новому статусу и как фактора принуждения к нежелательной социальной роли. Показаны тенденции переосмысления страдания в период Осевого времени (формирование «человека страдающего»; добровольное принятие страдания; появление связки «страдание – искупление» в авраамических религиях). Особенностью религиозных стратегий бегства от страдания является выведение бесстрадательного состояния за пределы посюстороннего мира и обещание бесстрадательного существования после смерти. Рассмотрены последствия характерного для современного общества переосмысления страдания как экзистенциального переживания, настраивающего личность на пассивную жизненную позицию и проживание удовольствий. Выделены положительные и отрицательные аспекты страдания, а также двойственная связь страдания со смыслом: с одной стороны, в самом страдании предполагается наличие смысла, который подлежит обнаружению, с другой – субъект сам призван наполнить смыслом ситуации страдания. Смысл здесь является тем, что помогает пережить неустранимое страдание. Наделение ситуации страдания смыслом меняет личностный настрой страдающего, повышая его шансы на преодоление ситуации и, что более важно, обеспечивая его нравственную сохранность. Описаны личностные стратегии осмысления страдания. Сделан вывод об амбивалентности феномена страдания, его диалектической связи с удовольствием, его зависимости от духовного настроения, а также о влиянии осмысленного страдания на процессы личностного развития.

Ключевые слова: страдание, экзистенциальное страдание, смысл страдания, человек страдающий, стратегия избегания страдания, стратегия добровольного принятия страдания, позитивный и негативный аспекты страдания, страдание как фактор личностного развития.

Цитирование. Грудцева Е. В. Стратегии освоения страдания в культуре // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 75–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.8>

Страдание – неотъемлемая составляющая человеческой субъективности, присутствие которой в человеческом бытии обусловлено тремя факторами: во-первых, наличием у человека тела, способного испытывать боль; во-вторых, наличием у человека осознанных потребностей и вытекающей отсюда способностью испытывать болезненное чувство нехватки, отсутствия, потери, разлуки или утраты; в-третьих, наличием у человека стремления к мечте и идеалу и способности к переживанию недостижимости, неосуществимости желаемого.

Исходные смыслы слова «страдание» группируются вокруг двух значимых концептов: *смерти*, на связь с которой указывает происхождение слова «страдание» от индоевропейского корня глагола «коченеть», «становиться жестким», и *тяжелой работы* («страды», «старания») [Грицков 2019, 49]. В языке современного человека страдание указывает на переживания, связанные с «трагической триадой» – болью, смертью и виной [Франкл

2018]. А. Лэнгле, определяя сущность страдания, отмечает его несводимость ни к ощущению негативного и неприятного, ни к чувству бессмысленности, придающему болезненность нашему опыту. Страдание, согласно А. Лэнгле, характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, оно является чувством, сопровождающим только несвободное действие: «Сам факт, что мы делаем что-то добровольно, исключает момент страдания. <...> Добровольность лишает страдание его жала» [Лэнгле 2016, 26]. Во-вторых, неприятные чувства становятся страданием, если они носят деструктивный характер.

В ходе исторического развития в культуре сформировались различные формы осмысления страдания и стратегии его освоения.

Страдание как претерпеваемое состояние и стратегии его избегания. Уже для ранних периодов истории характерно переживание страдания как чувства «экзистенциального дискомфорта», связанного со стра-

хом смерти. Причинная связка «страдание – отчаяние – обреченность – смерть» актуализирует архетипические программы избегания страдания и последующих поисков путей к «бесстрадательному» состоянию [Грицков 2006, 8].

Историки и этнографы в своих исследованиях традиционно фокусировали внимание при изучении социальных практик прошлых эпох на ритуалах и обрядах, а не на чувствах и переживаниях индивидов, справедливо полагая, что «нам гораздо больше известно о том, что в прошлом люди делали, чем о том, что они чувствовали» [Головашина 2017, 21]. Однако несомненно, что страдание во всех его формах (боль, страх, тревога, ужас, отчаяние) играли огромную роль в жизни наших предков. Показательны в этом отношении ритуалы инициации, определявшие жизненные циклы индивида и общества. Инициация выступала механизмом качественного изменения идентичности. Это могли быть процессы включения в закрытое сообщество, перехода из одного статуса в другой или перехода из одной возрастной группы в другую. Все они сопровождались испытаниями, неотъемлемой частью которых было страдание. При этом страдание было не только длящимся состоянием, которое иницируемому необходимо было претерпеть (боль, голод, одиночество, страх); также оно выступало способом принуждения человека к принятию нового статуса. Примером этому могут служить практики инициации шаманов, выступавших центральной фигурой в религиозной жизни архаических сообществ и обеспечивающих посредничество между миром духов и миром людей. Так, в исследованиях В.И. Вербицкого описывается получение шаманского дара у народов Сибири и Алтая, сопровождающееся принуждением и мучительством: кам (шаман) «никогда не принимает этой должности добровольно», но получает ее «как болезнь», причем «противится волею и умом принятию». Испытывая мучительные нападения «духа предка», он страдает и сопротивляется, «чтобы не делать того, к чему побуждается», и в случае упорного отказа делается «безумным, или уродом, или замучивается и умирает...» [Вербицкий 1893, с. 44]. Аналогично характеризует этот процесс В.В. Радлов: «Шаманская

сила приходит... внезапно, как болезнь, которая охватывает всего человека», и продолжается долго, иногда несколько лет, так как обычно заболевший упорно противится принятию служения; «но слыша все время во сне и во время припадков приказание камлать, угрозу задушить и обещание, при условии согласия, выздоровления, больной измученный, напуганный, соглашается в конце концов камлать, – и выздоравливает» [Радлов 1989, 367].

Религиозные стратегии бегства от страдания выводят бесстрадательное состояние за пределы посюстороннего мира и обещают бесстрадательное существование после смерти. Особую форму и значимость стратегия бегства от страдания получила в буддизме, в котором признание неустранимости страдания из бытия (действительности) заставляет человека бежать от самого бытия. Появление в авраамических религиях связки «страдание – искупление» базируется на механизме трансформации травмирующего экзистенциального переживания страха смерти. «Чтобы защититься от этого травмирующего знания, психика субъекта мобилизует все имеющиеся ресурсы и переходит в режим метапереживания – начинает продуцировать предельно интенсивные мыслеобразы, которые субъект воспринимает как некие сверхважные явления и события, имеющие своим источником нечто находящееся за пределами самого субъекта» [Грицков 2006, 16]. Все мировые религии так или иначе признают существование бесстрадательной сверхреальности, доступ к которой обеспечивается искупительной жертвой, покаянием, добродетельной жизнью и т. д. В ретроспективе искупительной жертвы Христа и перспективе посмертной участи души этот страх дополняется чувством вины (греховности), запускающим программу поведения, включающую соответствующие компенсаторные механизмы (покаяние) и возделенную цель (прощение, помилование). При этом страх смерти никогда окончательно не отпускает человека, приобретая только новые формы. Вот почему К. Ясперс пишет, что за всяким страданием стоит смерть.

Философски обоснованную стратегию избегания страдания разработали эпикурейцы. В качестве идеала они утверждали стремление к атараксии – состоянию, свободному от

страданий, душевных тревог и страхов. Это состояние определяется как «удовольствие покоя», оно не связано с движением чувств, но по ценности превосходит чувственные удовольствия и рассматривается в качестве высшей жизненной цели – достижения состояний безмятежности духа и радости. Предлагаемая эпикурейцами стратегия избегания страданий учитывает, таким образом, диалектическую связь между страданием и удовольствием, каждое из которых может обернуться своей противоположностью. Соответственно, человек не должен избегать страдания, которое может предварять большое удовольствие. Неотделимость друг от друга страдания и удовольствия составляет основу критики гедонистического подхода у Ж. Батая: погружаясь в удовольствия, человек страдает от их последствий, но лишенный удовольствия, он испытывает усиливающееся страдание от желания получить его [Токарев 2022, 71].

В современном обществе избегание страдания превращается в экзистенциальную установку, настраивающую личность на пассивную жизненную позицию и проживание удовольствий [Лапатин 2018]. Между тем «именно проживание этих установок приводит к формированию экзистенциальных синдромов дефицита: дефицит, а затем утрата смысла и дефицит исполненности жизни, неаутентичность бытия в связи с нарушением фундаментальной ценности» [Попова web]. Раскрывая положительную сторону стратегии избегания страдания, В. Франкл акцентирует внимание на том, что стремление освободиться от страдания не означает, что оно бессмысленно: «Страдая от чего-либо, мы внутренне отодвигаемся от того, что вызвало наши страдания, мы как бы устанавливаем дистанцию между собой и этим нечто. Все время, пока причиной нашего страдания является то, чего быть не должно, мы остаемся в состоянии напряжения, как бы разрываясь между тем, что есть в действительности, с одной стороны, и тем, что должно быть, – с другой. И только в подобном состоянии мы способны сохранять в своем представлении свой идеал» [Франкл 1990, 223].

В эпоху, названную К. Ясперсом Осевым временем, в культуре формируются *стратегии осмысления и добровольного принятия*

страдания и происходит становление «человека страдающего».

Рефлексия страдания как основа личностного становления является наиболее сложной стратегией осмысления страдания, поскольку речь здесь идет о страдании как экзистенциальном переживании. Формируются связки «страдание – искупление» и «страдание – обретение смысла». Н.А. Касавина указывает на амбивалентность экзистенциального опыта, отражающего противоречивый процесс и результат становления личности. Отрицательный модус этого опыта выражается в страхах, страданиях и тревогах, играющих, однако, важную роль триггеров, запускающих процесс пробуждения экзистенции [Касавина 2016, 54]. Именно страдание открывает путь к переживанию осмысленности жизни, ощущению ее полноты и целостности: «В страдании есть особый смысл пробуждения личности» [Касавина 2016, 63].

Связь страдания со смыслом реализуется в двух основных планах. С одной стороны, в самом страдании предполагается наличие смысла, который подлежит обнаружению, с другой – субъект сам призван наполнить смыслом ситуацию страдания. Смысл здесь является тем, что помогает пережить неустрашимое страдание. Наделение ситуации страдания смыслом меняет личностный настрой страдающего, повышая его шансы на преодоление ситуации и, что более важно, обеспечивая его нравственную сохранность.

Страдание может также рассматриваться как условие и путь к исправлению ситуации, причины и последствия которой находятся фактически испытываемого за пределами страдания. В этом случае связка «страдание – искупление» придает страданию смысл (в том числе помещаемый в долгосрочную историческую перспективу), благодаря чему у субъекта не только возрастает «ресурс терпения» и повышается «порог страдания», но и появляется возможность переплавлять его в позитивное (конструктивное) чувство. «...Даже трагические и негативные аспекты жизни, в том числе неизбежное страдание, могут обратиться в достижение благодаря той позиции, которую человек займет по отношению к своему несчастью» [Франкл 2018].

Сформировавшиеся в рамках христианства личностные стратегии осмысления страдания нашли отражение в священных текстах, в предании, в народной культуре и художественном творчестве. Примером сочетания этих смыслов может служить осуществленная С.С. Аверинцевым в формате духовного стиха реконструкция мысленной молитвы благочестивого разбойника как «образцового страдальца» [Марков 2020]. Плодом медитации разбойника о страданиях стало дерзновение обратиться к Христу, с которым он разделяет мучение, с неслышанной просьбой. Общность мучения и разделяемая невыносимая боль иницируют личный порыв и личную решимость, которые открывают благочестивому разбойнику дверь в новую жизнь [Марков 2020, 94]. Эта новозаветная история говорит человеку о том, что Бог считается с перенесенным человеком страданием, сопряженным с правильным духовным настроем, и оно может стать очистительным и спасающим. В христианстве этот настрой определяется через образ и понятие креста. «Крест, конечно, устранин не будет. Люди страдают и будут продолжать страдать. То, что нам угрожает, – это потерять правильное расположение сердца по отношению к кресту: воспринимать тяготу как обиду со стороны других людей, недуги – как ошибки и дурную работу врачей, самую смерть – как медицинскую ошибку. Да не будет с нами этого. Да не согласится человек отдать самое высокое достоинство, ему предоставленное, самую светлую возможность причастности к царственному кресту Христову». Крест – это неоскверненное грехами место, «место чистого страдания», а принятие креста – «согласие страдать самому и неприятие неправды мира, отторжение греха и прощение грешника» [Аверинцев 1993].

Различные стратегии освоения страдания свидетельствуют об амбивалентности этого феномена. Страдание всегда относительно, диалектически связано с удовольствием и часто обозначается синонимично понятиям с положительной коннотацией (например, «страстно желать» означает «страдать от нехватки / отсутствия» объекта желания). Следовательно, дело в отношении к страданию, в настрое, которым сопровождается его

переживание, в осмыслении его причин, последствий и целей. Наиболее сложными и эффективными стратегиями преодоления страдания как экзистенциального дискомфорта являются программы поиска смысла страдания (включая поведенческие модели мировых религий, наделяющих страдание смыслом). Страдание может быть плодотворным при условии, что связанный с ним экзистенциальный диссонанс побуждает человеческую личность к преобразованиям, направляя энергию физического, психического и духовного напряжения на личностное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев 1993 – Аверинцев С.С. Слово в неделю Крестопоклонную. Проповедь во Владимирском соборе б. Сретенского монастыря, произнесенная 21 марта 1993 г. // Православная община. 1993. № 13–15. С. 45–48.
- Вербицкий 1893 – Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого, изданное Этнографическим отделением Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / под ред. А.А. Ивановского. М.: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. 221 с.
- Головашина 2017 – Головашина О.В. Короткая память: представления о прошлом в условиях современной темпоральной трансформации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 118 с.
- Грицков 2019 – Грицков Ю.В. Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3, № 1. С. 49–54.
- Грицков 2006 – Грицков Ю.В. Феномен страдания и способы его освоения в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 33 с.
- Касавина 2016 – Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: отчаяние и надежда // Философские науки. 2016. № 10. С. 54–67.
- Лапатин 2018 – Лапатин В.А. «Умножая скорбь»: страдание как оборотная сторона «гедонистического императива» современности // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 30–45.
- Лэнгле 2016 – Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания

- с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23–33.
- Марков 2020 – Марков А.В. Точка зрения в «Стихе о благоразумном разбойнике» С.С. Аверинцева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 1 (86). С. 93–97.
- Попова web – Попова О.Ф. Избегание страдания как экзистенциальная установка формирования зависимости [Акмеология. 2013. № 3] // <https://www.b17.ru/article/13104/>
- Радлов 1989 – Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.
- Токарев 2022 – Токарев Д.А. Гедонистическая атрибутивность страдания в философских рассуждениях Жоржа Батая // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 2А. С. 68–73.
- Франкл 2018 – Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 197 с.
- Франкл 1990 – Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Golovashina O.V., 2017. *Short Memory: Ideas About the Past in the Context of Modern Temporal Transformation*. Tambov, Izdatelskij dom TGU im. G.R. Derzhavina. 118 p.
- Grickov Yu.V., 2019. Suffering as an Essential Property of the Human Situation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, vol. 3, no. 1, pp. 49-54.
- Grickov Yu.V., 2006. *The Phenomenon of Suffering and Ways of Mastering it in Culture*. Omsk. 33 p.
- Kasavina N.A., 2016. Existential Experience: Despair and Hope. *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 54-67.
- Lapatin V.A., 2018. “Multiplying Sorrow”: Suffering as the Flip Side of the “Hedonistic Imperative” of Modernity. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie*, no. 4 (30), pp. 30-45.
- Lengle A., 2016. Why Are We Suffering? Understanding, Dealing with, and Processing Suffering from an Existential Analysis Perspective. *Nacionalnyj psihologicheskij zhurnal*, no. 4 (24), pp. 23-33.
- Markov A.V., 2020. The Point of View in the “Verse About the Prudent Robber” by S.S. Averintsev. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (86), pp. 93-97.
- Popova O.F., 2013. Avoidance of Suffering as an Existential Attitude of Addiction Formation. *Akmeologiya*, no. 3. URL: <https://www.b17.ru/article/13104/>
- Radlov V.V., 1989. *From Siberia. Diary Pages*. Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatelstva «Nauka».
- Tokarev D.A., 2022. Hedonistic Attribution of Suffering in the Philosophical Arguments of Georges Bataille. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, vol. 11, no. 2A, pp. 68-73.
- Frankl V., 2018. *The Will to Make Sense*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ. 197 p.
- Frankl V., 1990. *A Man in Search of Meaning*. Moscow, Progress Publ.

REFERENCES

Averincev S.S., 1993. A Word in the Week of the Cross. Sermon in the Vladimir Cathedral of the Sretensky Monastery, delivered on March 21, 1993. *Pravoslavnyaya obshchina*, no. 13-15, pp. 45-48.

Verbickij V.I., 1893. *Altai Foreigners. A Collection of Ethnographic Articles and Research by the Altai Missionary, Archpriest V.I. Verbitsky, Published by the Ethnographic Department of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, Affiliated with Moscow University*. Moscow, Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson. 221 p.

Information About the Author

Elena V. Grudtseva, Candidate for a Degree, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, samilla127@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7806-9129>

Информация об авторе

Елена Владимировна Грудцева, соискатель кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, samilla127@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7806-9129>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004